

К 75-летию победы
в Великой Отечественной войне

ЭРМИТАЖ

ХРОНИКА ВОЕННЫХ ЛЕТ
1941–1945

Документы Архива Государственного Эрмитажа

The Hermitage.
Chronicle of the War Years.
1941–1945

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2020

Патруль у портика с атлантами Нового Эрмитажа.
1943 г. Фотография Б. П. Кудоярова

В. В. Милютина. Разбитое окно в одном из залов Зимнего дворца (вид на Александровскую колонну). Бумага, карандаш. 1942 г.

Эрмитаж как память Блокады

Эта книга продолжает своеобразную серию изданий и событий, посвященных жизни Эрмитажа в годы Войны. Эрмитаж сделал так, что в череде трагических лет и дней ярко высветилась символическая роль нашего музея. Как бы рутинная работа по сохранению дворцов и экспонатов, сочетаясь с яркими жестами вроде торжеств памяти Низами и Навои, экскурсий по пустым рамам и речи Орбели на Нюрнбергском процессе, превратилась в символ противостояния культуры (добра) варварству (злу). Именно Эрмитаж своей природой и историей оказался подходящим материалом для рождения эпического образа «Подвиг Эрмитажа».

Подвиг этот, как и всякий другой, если он не происходит в один момент, состоит из множества событий, образов, судеб, поступков, кажущихся большими или малыми в зависимости от точки зрения. Эрмитаж на протяжении многих лет настойчиво воссоздает и формирует картину того, как музей жил в Блокаду и вне Блокады, как в этой жизни сочетались люди, шедевры и здания. Знаменитый пафосный «Подвиг Эрмитажа» Реста и Варшавского существует в пространстве множества исследований, воспоминаний, архивных публикаций, выставок, инсталляции в бомбоубежище, стендов с блокадными зарисовками залов и «блокадными» фотомонтажами Ясумасы Моримуры, выставленных в постоянной экспозиции, и наконец – в воссоздании однажды блокадного огорода в Висячем саду.

Сегодня мы представляем очередное издание, которое неразрывно связано с предыдущими книгами и каталогами, но несет в себе, как мне кажется, свежий ветерок и чистоту непосредственных впечатлений. С одной стороны – воспоминания и письма, многие из которых собраны Эрмитажем совсем недавно. Там говорят и руководители, и простые и очень простые сотрудники; удивительны воспоминания эрмитажных детей. Сочетание быта и простых эмоций делает до боли живыми известные и простые факты смерти и спасения, голода и раций хлеба, отчаяния

и радости, изнурительного труда и ощущения величия миссии. С другой стороны – равноправным участником представлен изобразительный материал, два его типа – графика и фотография, рука человека и объектив аппарата. Многие рисунки сделаны по государственному заказу, как и фотографии. Есть акварели, созданные сотрудниками Эрмитажа для себя. И те и другие полны эмоциональной искренности и достоверности. Есть прекрасный материал для вечного спора между графикой и фотографией.

Многоликая эрмитажная эпопея про Войну имеет и неожиданное дополнение – военные воспоминания Н. Н. Никулина. Они уже стали знамениты своей жесткой солдатской достоверностью. В них есть эрмитажный стиль и эрмитажный дух, воспринятые Николаем Николаевичем уже после войны, когда он пришел работать в Эрмитаж. Музей издал его книгу в серии «Хранитель». Другое добавление – создание центра-спутника «Эрмитаж – Урал» в Екатеринбурге. Это – еще одна оригинальная форма сохранения памяти и благодарности. В Свердловске эрмитажные коллекции хранились во время войны. И центр будет напоминать об этом регулярными выставками из Эрмитажа, универсальной экспозицией, подаренной Свердловску после Войны, и мемориальными комнатами, где стояли ящики с экспонатами и где работали ленинградцы – часть того большого интеллигентского «десанта», благие результаты которого и сегодня с благодарностью вспоминают на Урале и в Сибири. И еще одна выставка в Эрмитаже – «По разные стороны линии фронта». Эрмитаж обладает сегодня удивительной коллекцией немецких и русских пропагандистских материалов, издававшихся в противостоящих друг другу армиях и предназначенных и для себя, и для врага. Создается странно разнообразная картина, которая опять ведет нас, хотя и непростыми путями, к противостоянию: культура – варварство.

В эрмитажной военной истории много скрытой символики. В то самое время, когда художники по приказу власти рисовали разрушения Эрмитажа, а архитекторы в эрмитажном бомбоубежище проектировали триумфальные арки, в осажденном городе родилась и воплотилась в жизнь «крамольная» идея – вернуть традиционные названия улицам и площадям – Дворцовая, Невский... Особое внимание именно к Эрмитажу, императорскому музею и дворцу – из того же ряда. Многие из гордых планов и проектов того времени утонули в волнах репрессий «Ленинградского дела». Но улицы сохранили свои названия, а Эрмитаж, напоминающий о своем подвиге, стал одним из сильных факторов в возрождении памяти о Блокаде, которую сразу после Войны многие хотели заставить забыть.

М. Б. Пиотровский,
директор Государственного Эрмитажа

Предисловие

Портик с атлантами,
пострадавший при артобстреле
зимой 1941/1942 г.
Лето 1942 г. Фотография
Б. П. Кудоярова

Этот сборник мы посвящаем памяти сотрудников Эрмитажа, которые во время Великой Отечественной войны сохраняли коллекции музея в блокадном Ленинграде и в Филиале в Свердловске, заботились о детях в эрмитажном интернате, и всем тем нашим коллегам, которые, находясь в эвакуации в разных городах страны, оторванные от музея, поддерживали переписку, разделяли все его заботы.

Из огромного количества документов военного времени нами отобраны для издания только воспоминания и письма сотрудников Эрмитажа. Мы позволили себе разбить воспоминания на фрагменты, расположив их по хронологии и дополнив письмами этого времени, чтобы воссоздать хронику жизни музея во время войны. Эта история, рассказанная самими участниками событий, свидетельствует о том, что в годы войны Эрмитаж оставался единым целым. Люди, находившиеся в разных уголках страны, жили одной жизнью, переживая вместе и утраты, и победы. Во многом благодаря этому они выжили в эти страшные дни, благодаря этому выстоял и Эрмитаж. Воспоминания, и главным образом письма, проникнуты жизнелюбием, верой в безусловную победу, хотя нужно при этом учесть, что пишущие помнили о военной цензуре. В большей степени это рассказ о повседневной жизни музея и будущем его восстановлении, а не описание тягот военной жизни.

В сборник вошли:

Фрагмент из дневника Ариадны Александровны Шмидт, переданный сотрудницей РИО ГЭ Марианной Германовной Столяровой.

Воспоминания Анны Григорьевны Беловой, дочери Григория Дмитриевича и Любови Николаевны Беловых. А. Г. Белова, филолог-арабист, доктор филологических наук, сотрудник ИВ РАН (Москва), была с родителями в Свердловске еще девочкой. Детали событий она восстанавливала по сохранившимся дневникам отца.

Воспоминания сотрудника Отдела Востока Глафиры Николаевны Балашовой, составившей подробную хронику жизни и деятельности Филиала в эвакуации в Свердловске.

Фрагменты воспоминаний Ревекки Ионовны Рубинштейн. Они были переданы в Эрмитаж ее старшим сыном, доктором геолого-минералогических наук, главным научным сотрудником ИФЗ РАН Виктором Николаевичем Шолпо. Р. И. Рубинштейн работала в Эрмитаже менее двух лет, но музей оставался для нее вторым домом,

ведь круг профессионального и дружеского общения был тесен – здесь работали ее коллеги, учителя, ближайшие друзья, и именно эрмитажному интернату она доверила троих своих детей.

Письма сотрудников из личных фондов В. Ф. Левинсона-Лессинга, П. Ф. Губчевского, М. И. Щербачевой, Ж. А. Мацулевич.

Кроме этого второе издание дополнено фрагментами из воспоминаний о блокаде Бориса Борисовича Пиотровского, Веры Владимировны Милютиной и К. Б. Поповой, племянницы главного бухгалтера Эрмитажа Леонида Борисовича Гейнемана.

Текст иллюстрируют:

Рисунки Адриана Владимировича Каплуна и Веры Владимировны Милютиной, которые по заданию Комитета по делам искусств делали зарисовки зданий и залов Эрмитажа в 1942 году (большинство из них публикуются впервые).

Рисунки, выполненные в ноябре 1941 года Сергеем Михайловичем Михайловым в бомбоубежищах Эрмитажа.

Акварели сотрудников музея Надежды Николаевны Максимовой и Ариадны Александровны Шмидт, представляющие Свердловский филиал Эрмитажа.

В сборник вошли акварели Ирины Николаевны Новосельской, созданные ею, тогда еще подростком, во время блокады.

По сравнению с предыдущим изданием значительно увеличено число фотографии блокадного Эрмитажа и Свердловского филиала. Среди фотографий Филиала в Свердловске особенно ценны любительские снимки, сделанные самими сотрудниками. В блокадном Эрмитаже такие съемки были невозможны – в начале войны все граждане обязаны были сдать фотоаппараты на государственное хранение. Право на съемки имели только корреспонденты. Поэтому несомненный интерес представляют включенные в этот сборник фотографии известного фотокорреспондента Б. П. Кудоярова, подаренные Эрмитажу А. И. Блиновым.

И еще один небольшой текст обогатил это издание. Практически в тот момент, когда книга была уже сверстана, И. А. Соколова передала в архив воспоминания, написанные ленинградской художницей Евгенией Васильевной Байковой (1907–1997), судьба которой тесно связана с жизнью ее родного города. Ученица А. А. Осмеркина (выпуск 1940 года), она работала в жанре натюрморта и пейзажа. Евгения Васильевна оставила воспоминания о первых месяцах блокады и участии художников в эвакуации собраний Эрмитажа.

*Какая дивная награда –
прорыв блокады Ленинграда –
для тех, кто смертью пренебрег, –*

так начинается одно из ее стихотворений, написанное в 1943 году.

В заключение сборника мы вспоминаем имена наших коллег, погибших в блокаду и на фронтах Великой Отечественной войны.

Мы вас помним.

Галерея древней живописи. 1941 г.

Ариадна Александровна Шмидт. 1930-е гг.

Из дневника Ариадны Александровны Шмидт

22 июня 1941 года

Выходной день Эрмитажа понедельник. Это было воскресенье. Я собиралась утром на работу. Дети уже встали. Муж [Г. Н. Шмидт], которому не надо было рано вставать, лежал в кровати с видом отдыхающего человека, закинув руки за голову. В зубах его дымилась папироса.

Домработница Шура, родственница наших соседей по квартире О[тпущеннико]вых, высокая стройная девушка с круглым скуластым лицом, очень хорошенькая, с моей маленькой Марьянкой [М. Г. Шмидт-Столярова] на руках, прошла к столу, чтобы взять и вскипятить снова чайник и напоить детей чаем. В открытое окно смотрело ясное летнее утро, доносились с улицы голоса людей и звук шагов по тротуару и где-то далеко говорило радио. У нас радио не было.

У меня был сегодня боевой день. С недавнего времени я связалась с Театральным музеем и получила интересную работу, такую работу, о которой мечтала всю жизнь. Мои театральные зарисовки имели большой успех, и музей предложил мне сделать ряд зарисовок из балетных постановок в Большом и Малом оперных театрах. Я уже работала над «Лебединым озером», а сегодня мне предстояло вторично посмотреть «Баядерку». Один раз я видела спектакль с Улановой, а теперь должна была посмотреть в этой же роли Вечеслову. И сегодня после работы я прямо из Эрмитажа должна была ехать в театр, где меня должен был поджидать сотрудник Театрального музея с контрамаркой.

Эта работа открывала передо мной широкие горизонты, я была полна энергии, желания работать, рисовать, надеялась хорошо заработать, и кроме всего прочего мне предстояло удовольствие посмотреть массу театральных спектаклей. И сегодня настроение у меня было крайне приподнятое. Ввиду того, что я исчезала из дому до поздней ночи, я отдавала подробные распоряжения по хозяйству своей Шуре. Затем поцеловала девчонку и с портфелем в руках подошла к постели, на которой лежал муж.

«Ты, значит, не придешь сегодня после работы?» – спросил он, вынимая изо рта папиросу и стряхивая пепел. «Наверное, нет. Но, может, мне удастся отпроситься уйти на час раньше, тогда я все-таки забегу пообедать». Я искала на ночном столике какие-то необходимые мне мелочи. Красивые большие глаза мужа следили за мной из-под полуопущенных, длинных и пушистых ресниц, легкая улыбка тронула его губы. В этом взгляде и в этой улыбке вспыхнуло мимолетное выражение желания. Я любила этот его взгляд. Он взволновал меня и сейчас, и мне было жалко уходить из дома в этот день. Но уже пора. Я наклонилась, поцеловала его в лоб под красивой волной его вьющихся волос, и он с улыбкой поймал и сжал мою руку.

Я вышла из дому. Мне не надо было ехать на трамвае. Только перейти два моста – Биржевой и Дворцовый, – и я на набережной у Зимнего дворца. Поэтому я ничего не знала, ничего не слышала. Я быстро шла по широкой асфальтированной площади около Биржи. Но от каких-то случайных встречных прохожих ко мне донеслись слова «воздушная тревога». «Ах, какая будет досада!» – подумала я.

Уже давно поговаривали, что предстоят большие занятия по ПВХО. Я была зачислена в медико-санитарную команду, и постоянно мне приходилось бывать на занятиях ПВХО и участвовать во всех мероприятиях по подготовке к противохимической обороне. И на этот раз, очевидно, опять предстояло удовольствие. Я уже начала думать, как бы мне отпроситься в случае, если сегодня будет подготовка. Такая серьезная причина, как работа для Театрального музея, наверное, примут во внимание и дадут мне отпуск.

Так я дошла до Эрмитажа и при входе в вестибюле опять услышала слова о воздушной тревоге. Ну, так и есть. Учебная тревога! А чтоб их! И в отделе, как только я вошла, сотрудники сразу сообщили, что мне звонили из команды. «Я знаю, знаю! Сейчас бегу». Я не держала своего противогаза в отделе. Я пользовалась противогазом недавно умершего Зарудного. Он был хороший, в полном порядке, и был мне впору. Перекинув сумку через плечо, я бегом пустилась вниз. В медпункте я застала только Ильину, начальницу команды. Это интересная женщина в русском купеческом стиле с круглым смуглым лицом и черными, гладко причесанными на прямой пробор волосами, всегда хорошо и к лицу одетая. Всегда подтянутая и строгая, редко улыбающаяся, с каким-то холодом, веющим от нее. Я опоздала. Она сказала мне: «Ну вот, бегите скорей в штаб к М-ву. С вас снимут мерку для противоипритного костюма». «А что сегодня такое? Учебная тревога?» «Не знаю. Всех вызвали в команды».

Я иду через подвалы в штаб. Там большое оживление. Люди таскают носилки, пачки сложенных зеленых комбинезонов и прочий оборонный инвентарь. Члены команд толпятся у стола. Подхожу и я к М-ву. Он собственноручно быстро снимает с меня мерку. Я приступаю к своей просьбе. Прошу отпустить меня сегодня вечером, говорю, что у меня работа в театре. М-в заинтересовывается, какая работа, связана ли она с эрмитажной работой. «Видите ли, не могу вам ничего сказать, так как сам ничего не знаю еще. Но... – он пристально, значительным взглядом посмотрел на меня. – Кажется, дело очень серьезное».

И с этого момента тревога поселилась во мне. Что такое? Что такое? Вообще-то уже давно было тревожно и беспокойно. Я припомнила, что за несколько дней как-то долго не ложилась спать и чуть не полночи провела за работой, рисовала сцену из «Лебединого озера». И всю ночь отчаянно трещали самолеты, казалось, целые эскадрильи пролетали над городом, и на следующий день говорили о каком-то недоразумении на границе Финляндии, о каких-то немецких судах, которые пытались высадить какой-то десант и их принудили уйти. Вообще-то слово «война» носилось в воздухе. И многие ждали ее в конце лета. Тревога чувствовалась во всем. И сейчас опять что-нибудь такое. Опять какая-нибудь диверсионная попытка. Меня это волновало только как

неожиданная помеха в моей интересной работе. Как мне вырваться вечером в театр? Сняв с меня мерку, М-в сказал: «Сейчас можете идти работать в отдел». И я пришла к себе наверх.

Работала я в «комнате с овальным столом». Так называли мы эту комнату. В ней стоял большой овальный стол. По стенам шкафы из карельской березы. Около широких окон два небольших рундука. А из окон чудный вид на Неву, Петропавловскую крепость и Биржу. Вдаль убегает светлая лента Малой Невы с легкими силуэтами мостов, переброшенных через нее. Этот вид такой привычный, и несмотря ни на что, каждый день он неизменно перед глазами, такой чарующий. Широкая гладь Невы, всегда подернутая рябью, вечно бегущие перед глазами волны и озаренный солнцем желтый пляж на другом берегу у стен крепости.

За овальным столом нас работает четверо. Рядом со мной сидит тихая маленькая старушка Грехнева с острым носиком и большими серыми совиными глазами, с тусклыми волосами, гладко причесанными и закрученными маленькой шишечкой на затылке. Это молчаливое скромное нелюдимое существо. Очень старательная и педантичная в работе, очень бедная и нуждающаяся, так как зарабатывает она гроши. Она держится очень замкнуто и если с кем разговаривает, так только по поводу работы, и ни с кем не «дружит», держится так незаметно, так тихо, что о ней как-то все забывают и ее не замечают. Напротив за столом сидят двое: научн. сотр. Евгения Васильевна Некрасова, женщина огромного роста, кот.[орую] покойный Зарудный прозвал «Кариатидой», и старуха Болдырева. Последняя сидит как раз против меня. Это дама прежних дореволюционных времен. Очень воспитанная, очень интеллигентная, прекрасно знающая языки, в темном старомодном платье со старомодной прической, в очках. У нее вид классной дамы или начальницы женской гимназии. Сейчас ее нет. Нет еще и Грехневой, она нештатный работник и приходит позже, Евгения Васильевна куда-то вышла. Я одна за овальным столом.

Работа у меня по проверке и исправлению бракованных инвентарей. Проверяю их при помощи материала. Это интересно, так как вся масса гравюр проходит через мои руки. Я сажусь за стол и раскрываю альбом. Это литографии. Виды Англии. Передо мной вид Темзы и лондонских доков. На первом плане буксир с клубами густого черного дыма, тянущегося из трубы. Я невольно сравниваю вид на литографии с видом, открывающимся из наших окон. Дверь в комнату приотворяется и в нее заглядывает молодой сын старухи Бол[дыре]вой, работающий в Эр. Отделе Востока.

– Что, мамы еще нет? – спрашивает он, и в голосе его звучит тревога. Он скрывается.

Что-то мешает мне сосредоточиться на работе. И опять мысль о том, как уйти сегодня вечером в театр. И вдруг в соседней комнате торопливые шаги, голоса и слова «война», «Германия» доходят до моего слуха. И сразу куда-то обрывается, падает сердце. Быстро выхожу из комнаты. Навстречу уже бежит испуганная толстая Мария Осиповна Гензилович (?).

– Вы слышали? Вы знаете? Война с Германией! Сегодня ночью нападение на (нрзб.) Севастополь... Ленинград... Был налет, но отбили.

Так вот оно! Настало! То, что давно уже мучило тревогой, предчувствие грядущей катастрофы, неизбежной беды. Война! Война! И с этого момента у меня чувство, что все пропало, все рухнуло куда-то! И вся жизнь разлетелась вдребезги. С первого момента я понимаю весь ужас, всю чудовищную опасность случившегося. Многие еще сначала не оценили как следует происходящее. Многим казалось, что война с Германией будет вроде Финской войны, ну немного поопасней, подольше затянется, но никто не думал, что будет так, как оно было. Перепуганная, пораженная, я уже не могла работать в этот день. Я нервно ходила по помещению, как зверь, попавший в клетку. Я и чувствовала себя зверем в клетке. Самый ужас для меня заключался в том, что я была связана с командой ПВХО. Что же это будет? Казарменное положение. А дети? Что будет с ними? Начнутся бомбежки. Я буду здесь в Эрмитаже, а они там одни без меня. Боже мой. Собака имеет право быть в минуты опасности со щенками, волчиха с волчатами, а я, женщина, в грозный час беды не имею права быть около своих детей. Железные цепи служебной и военной дисциплины приковали меня к военному объекту. Что делать? Что делать? И с этого часа я ходила, ломая руки от своей муки. Дети это одно. Второе было сознание, что погибло и рухнуло мое будущее, связанное с интересной работой, с театром. Третье – я боялась грядущих ужасов войны: бомбежек, химических атак и всего, что несет с собой современная война. Я сознавала, что я боюсь, я никогда не была храброй и даже сама считала себя трусихой. И меня уже лихорадило от страха, и я совершенно не знала, как буду я держаться, хватит ли у меня силы воли, чтобы подтянуться, собрать все свое мужество, и если не смело, то хотя бы внешне спокойно встретить опасность и не растеряться, не поддаться дикому животному страху. Это первый день войны. Он прошел спокойно, не было тревоги, все было тихо. Я не замечала настроения других, своих сотрудников. Я говорила с ними, помню, что о чем-то говорила с Гензилович. Было выступление Молотова, которое я бегала слушать на Малый подъезд.

И вдруг телефонный звонок. Меня спрашивают. Звонит сотрудник Театрального музея.

– Приезжайте в театр. Я вас буду ждать около 8-ми часов в вестибюле.

Будто ничего не произошло! Я объясняю ему, что вот такое ужасное положение, я нахожусь в команде ПВХО и вряд ли меня отпустят.

– Ну постарайтесь как-нибудь, – слышу я, – я буду ждать вас все-таки. Ну может, ко второму действию приедете?

– Не знаю, не знаю!.. Ведь война же... Сейчас очень строго... Понимаете.

– Ну да, понимаю, конечно, но все-таки может быть... Я вас жду.

Отхожу от телефона с чувством безнадежности. Но как могут люди быть спокойными? И заниматься обыкновенными делами? Вот и в театре тоже... Спектакль... Он не отменен... И балерины будут танцевать... И публика будет смотреть.

Затем приходит переписчица. Я должна с ней считать работу. Эта женщина невозмутимо спокойна. Пришла как всегда – и опять будто ничего не случилось. Но она незадолго до этого потеряла мужа, сына и осталась совсем одна. И для нее война ничем не грозит, т. е. ей не за кого беспокоиться и не о ком бояться. Я все-таки говорю ей:

– Вы так спокойны!

– Ну а что же делать? – отвечает она, улыбаясь.

И она начинает читать переписанный инвентарь, а я слушаю и ничего не понимаю. Мысли разбегаются. И ни о чем, кроме войны, я думать не могу. О войне и о своих детях. Муж мой болен тяжелой сердечной болезнью. На войну его вряд ли возьмут, но он прикреплен железной цепью к своему объекту, и его тоже не будет дома. Дети остаются с Шурой. Но как будет вести себя Шура? Можно ли на нее положиться в такой грозный час? Надо как-то пытаться освободиться от работы в команде. Но чувствую, что это невозможно. Когда я говорю М-ву о том, что у меня дети брошены одни и что я живу около военных заводов, что мой район особенно опасен в смысле бомбежки, он говорит, что его собственные дети тоже в таком же положении, т. к. его жена на работе и он тоже живет около военного объекта. Следовательно, надо брать пример с него и не рыпаться.

Помню еще, вначале, я только узнала, что война, как в отдел пришла Надя [Максимова], наш реставратор. Она еще не знала страшного известия. Но с удивлением сообщила мне, что была в штабе: «И знаешь? Что-то очень серьезное... Мне сейчас приказано получить снаряжение для команды, я сейчас принимала носилки и противогазы... И сейчас туда бегу».

– Да ты разве не знаешь? – спросила я.

– А что? Я ничего не знаю.

– Надя! Да ведь война! С Германией!

Лицо Нади меняется:

– Да что ты говоришь?

– Ну да! Ну да!

И я рассказываю ей все, что знаю. И Надя срывается и кидается прочь из отдела. Она партийная. Сейчас у нее большое несчастье. Ее бросил муж. Она только что была в санатории в Нальчике, вернулась оттуда, и ее ждал такой сюрприз. Муж заявил ей, что больше с ней жить не будет. Надя ужасно переживала этот разрыв и только и говорила со мной о своем муже. Все мысли ее были полны им. И вот в это страдание ворвалось страшное известие о войне. Мысли Нади опять-таки были о муже. Опасность войны она восприняла как опасность, грозящую мужу. Он попадал на фронт. С другой стороны, в ней возникла надежда, что, может, в этот страшный час он вернется к ней и перед фронтом расстанется с ней, как с женой.

В команде нам говорят, что вечером нас будут отпускать домой на два часа, только не всех сразу, а поочередно, надо сговориться и, кто когда хочет, уйти. Ночевать будем в Эрмитаже в помещении охраны. Значит, я увижу своих девочек, смогу дать Шуре наставления. Я соображаю, что муж вряд ли дома. Наверное, он поехал на стройку, как только услышал о войне. Я смогу переодеть белье. А главное, надо сказать, чтобы все было приготовлено на случай ночной тревоги. Ночью будет налет, я не сомневалась. Вспоминалось все, что вычитывала из газет о лондонских бомбежках. Вспомнила о каких-то ужасных воющих бомбах. Надо, чтобы детям приготовили шапки, подбитые на ушах ватой.

После работы вместо того, чтобы идти домой, я спускаюсь в медпункт, место сбора медико-санитарной команды. Там уже все в сборе. Надя тоже в этой команде. Мы с ней держимся вместе. Я начальник звена. Я проверяю сумку, всякие бинты, жгуты, шины. Боже мой! Неужели же придется все это пустить в ход? Увидеть кровь. Коснуться крови. Увидеть ужасные раны, да что раны! Увидеть тела людские, превращенные в клочья мяса? И, может, погибнуть самой. И опять: дети! Бедная маленькая глупая Марьянка! Бедная Оленька [О. Г. Шмидт-Скобло], такая милая и кроткая. Сейчас они ждут маму. А мамы нет. Проклятый Миг-ов! Это он зацепил меня в команду, не считаясь с тем, что у меня дети!

Глафира Николаевна Балашова.
1930-е гг.

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз.

22 июня воскресенье, рабочий день в Эрмитаже; в этот день не работают только рабочие музея и сотрудники мастерских.

Не было еще официального объявления о начале войны, не было еще выступления тов. Молотова. Двери Эрмитажа, как всегда, были открыты для публики, сидели на своих местах дежурные в залах. Директор Эрмитажа академик Иосиф Абгарович Орбели объявил с утра о переходе музея на военное положение. Все должны оставаться на своих местах: сотрудники в кабинетах, смотрители в залах.

Немногочисленная публика ходила по музею, тревожно посматривая в окна; по-видимому, это были приезжие. У меня и у научного сотрудника нашего Отдела Востока Нины Захаровны Митиной семьи были отправлены на дачу: у меня на ст. Тайцы, у нее в Гатчину. Мы получили разрешение от И. А. Орбели съездить на дачу после 18 часов с тем, чтобы к 24 часам вернуться в Ленинград.

Я приехала на станцию около 19 часов. По дороге к вокзалу меня встретила моя семья: муж и дети, а также наши друзья. Все веселые, оживленные, с букетами цветущей сирени, а я... возбужденная, охваченная ужасом начала войны, о которой, гуляя с утра в лесу, они еще ничего не знали. В то время, в 1941 году, радиоприемники

Сотрудники готовят ящики к отправке в галерею Растрелли. 1941 г.

Картины, подготовленные к эвакуации. Осень 1941 г.
Фотография Б. П. Кудоярова

в сельской местности были редкостью. Брошены букеты: наши знакомые спешили на вокзал, а мы отправились на дачу, чтобы обо всем переговорить.

Вечером, встретившись с Н. З. Митиной, как мы заранее договорились, мы приехали в Ленинград и с вокзала остановились на ее квартире на Театральной площади. Сообщив И. А. Орбели о своем возвращении, мы получили его разрешение оставаться в квартире ночевать.

С утра, 23 июня, мы были уже в Эрмитаже, где были начаты работы по подготовке к эвакуации. Заранее приготовленные ящики, внутри которых был упаковочный материал: бумага, вата, стружка и др., имели определенные маркировочные знаки. Так, ОВ – Отдел Востока, ОК – Особая кладовая, ОИПК – Отдел истории первобытной культуры и т. д.

Не все сотрудники Отдела Востока находились в это время в Ленинграде. Две экспедиции уже выехали на работу: на Кавказ, на раскопки Кармир-Блура, экспедиция во главе с Борисом Борисовичем Пиотровским, и вторая экспедиция в Среднюю Азию, возглавляемая Александром Юрьевичем Якубовским (в нее входили научные сотрудники Михаил Михайлович Дьяконов, Андрей Яковлевич Борисов, Владимир Николаевич Кесаев

В. Ф. Левинсон-Лессинг
и К. М. Скалон. Свердловск

но упаковки сложных вещей, напр., изделий из серебра. Вещи из Особой кладовой укладывались в маленькие тонкие ящики и ставились по 2–4 в большие, что создавало как бы двойную упаковку.

К 1 июля в Москву, в Комитет по делам искусства, было сообщено о готовности музейных экспонатов к отправке. Поскольку часть научных сотрудников была мобилизована на оборонные работы, большая помощь была оказана в подготовительных работах к отправке «добровольцами» – студентами, художниками, пришедшими по зову сердца в Эрмитаж.

Первое июля 1941 года... На товарную станцию Московского вокзала подан литерный поезд, состоящий из 22 больших четырехосных вагонов, одного бронированного и одного классного для сопровождающих и для отдыха бойцов военной охраны.

К вечеру к Эрмитажу стали подъезжать машины для погрузки ящиков, уже спущенных вниз военными и моряками к подъездам музея. В сопровождении научных сотрудников и вооруженных бойцов от каждого подъезда двинулись машины, направляясь к Московскому вокзалу. Через Дворцовую площадь, по Невскому проспекту...

Сопровождающими были представители каждого отдела. Иосиф Абгарович лично отобрал 16 человек научных сотрудников и реставраторов из числа тех, кто не имел семей. Во главе группы отъезжающих стоял

при участии известного антрополога из Москвы Михаила Михайловича Герасимова). Задачей этой экспедиции были раскопки в г. Самарканде мавзолея Гур-Эмир.

Моя работа началась с упаковки коллекций Средней Азии, экспонатов, находящихся в Особой кладовой. Участие в упаковке принимали все сотрудники. Вместе со мной работали Нафиса Исаковна Шамилова, Елена Сергеевна Вылегжанина, научно-технический сотрудник Бобровская и др. В Особой кладовой трудились Камилла Васильевна Тревер, Анна Павловна Султан-Шах, Нина Захаровна Митина и другие. Вернувшиеся из экспедиции сотрудники тоже приняли участие в упаковке, но это было уже при подготовке второго эшелона. Некоторые сотрудники получили мобилизационные повестки в армию (Игорь Михайлович Дьяконов, Михаил Михайлович Дьяконов).

Работа по упаковке вещей велась круглосуточно, с небольшим перерывом на 2–3 часа только ночью. Белые ленинградские ночи давали возможность для ночной работы. Спали по очереди, в залах, где шла упаковка, на стульях или на свернутых коврах.

В упаковке участвовали и реставраторы, давая указания относительно

Владимир Францевич Левинсон-Лессинг, заведующий Отделом западноевропейского искусства. Он же был назначен начальником поезда.

Отправился в путь первый эшелон. Место назначения оставалось неизвестным до момента прибытия поезда.

Список сотрудников 1-го эшелона:

1. Левинсон-Лессинг Владимир Францевич, зав. ОЗЕИ. Директор филиала.
2. Банк Алиса Владимировна – Отдел Востока, зав. Отделением Византии.
3. Березина Валентина Николаевна – ОЗЕИ, хранитель живописи (с ней сын Саша Кучеренко 1942 г. рожд.).
4. Быков Алексей Андреевич – ОН.
5. Верховская Александра Сергеевна – ОЗЕИ, хранитель тканей.
6. Зарецкая Зинаида Владимировна – ОЗЕИ, уч. секретарь отдела.
7. Иессен Александр Александрович – ОИПК (с ним жена и дочь 9 лет).
8. Каменская Татьяна Давыдовна – ОЗЕИ, специалист по рисункам (с ней племянница Лена Гаккель, 12 лет).
9. Кроль Александра Ефимовна – ОЗЕИ, хранитель живописи (с ней сын Юра 9 лет).
10. Михеев Николай Дмитриевич – старший реставратор живописи.
11. Передольская Анна Алексеевна – ОАМ, зав. отделом (с ней мать 70 лет и племянница 12 лет).
12. Ракитина Ксения Александровна – ОВ, уч. секретарь отдела.
13. Смирнова Дарья Ивановна – реставратор-химик.
14. Степанова Мария Владимировна – зав. ОК.
15. Турулин А. А. – реставратор по живописи.
16. Хай Рахиль Моисеевна – ОЗЕИ, хранитель живописи (с ней дочь Клара [Семенова] 3 лет).

Из воспоминаний Анны Григорьевны Беловой

Утро 22-го июня 1941 г. в Ленинграде было теплым, ясным и солнечным. Это было воскресенье, и мы с мамой, Любовью Николаевной Беловой, собрались идти по хозяйственным делам на Гороховую улицу. Впереди нас ожидало интересное лето: отец, Григорий Дмитриевич Белов, собирался навестить своих родных в деревне Вахонькино (Череповецкий район Вологодской обл.). Мы с мамой собирались в Керчь к тете Наде, маминой сестре. Далее меня ожидал кружок рисования при Академии художеств.

По-видимому, репродуктор у нас с утра не был включен, так как первое известие о войне мама услышала от нашей соседки по квартире. Старая женщина, плача и причитая, что-то говорила маме. Мама слушала ее недоверчиво, думая, что та что-то перепутала.

Когда мы вышли на улицу, то сразу почувствовали, что это не ошибка...

Перевозка газгольдеров по площади Урицкого (Дворцовой). 1942–1943 гг. Фотография Б. П. Кудоярова

возраста. Наша комната была средней. В третьей комнате жила моя ровесница – Галя Карулас с мамой. Потом шла большая темная ванная, темная коммунальная кухня со столиками, примусами и керосинками. Из кухни был выход на черную лестницу во двор. Вдоль всех комнат до кухни тянулся темный коридор со шкафами и сундуками, но он был достаточно просторным, так как мы, дети, катались по нему на трехколесных велосипедах.

В каждой комнате была высокая голландская печь из белого кафеля с медной дверцей и медным листом под ней. Конечно, при печке были все необходимые инструменты для топки: совок и кочерга.

С начала войны высокое окно оказалось очень трудным для затемнения: пришлось сшить два одеяла и еще что-то, чтобы сделать полный и плотный занавес. Кроме того, на каждое стекло надо было наклеить крест-накрест полоски бумаги, чтобы предохранить стекла от удара взрывной волны.

Когда мы вышли на набережную, сразу бросились в глаза люди с красными повязками на рукаве. На площади Урицкого (Дворцовая площадь) на столбах были установлены громкоговорители, вокруг них собирались группы людей.

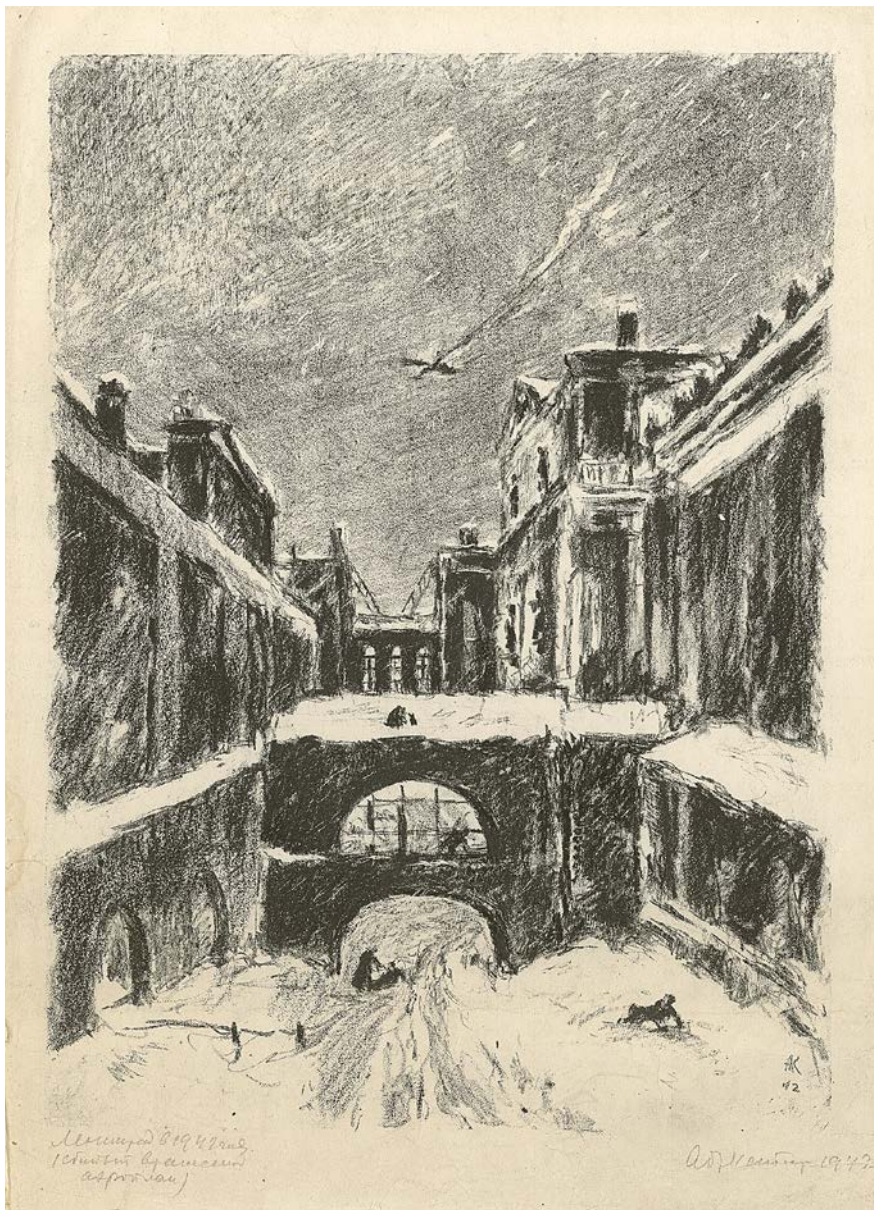
В районе Исаакиевского собора нас застала первая воздушная тревога. Сразу появились дежурные с повязками и предложили всем прохожим укрыться в подезде ближайшего дома напротив собора. Каждый раз, когда я прохожу мимо этого здания, я вспоминаю первый день войны.

В первую же ночь с 22-го на 23-е июня завывла сирена воздушной тревоги (радио уже не выключали). Это было очень страшно, но мы уже знали, куда бежать: бомбоубежища находились рядом – вход с Малого подезда Эрмитажа. Для взрослых – спуск в подвал слева от лестницы, для женщин с детьми – справа. Наше бомбоубежище было просторным, под сводчатыми потолками стояли простые деревянные скамьи, был бачок с питьевой

В то время мы жили рядом с Эрмитажем по адресу: набережная 9-го Января (Дворцовая набережная), д. 32, кв. 5. Это известное здание Дж. Кваренги, включающее в себя Эрмитажный театр. Вход на нашу лестницу был через подъезд с набережной. Наша квартира находилась на третьем этаже. Когда-то она была частью большой квартиры, которая занимала парадный этаж здания с большими высокими окнами, выходившими на Неву и во двор. Позже я слышала, что это была квартира самого Дж. Кваренги. Наша квартира состояла из трех больших комнат с высокими потолками (6 м). В каждой комнате было одно большое окно. Все наши окна выходили во двор, с видом на казарму. В комнате, ближайшей к Эрмитажному театру, сохранялась выпуклая полукруглая стена, которая считалась задней стеной театра.

В этой комнате жила большая семья Вольфсонов с детьми разного

А. В. Каплун. Сбитый вражеский самолет над Эрмитажем. 1942 г.
Литография

водой. Особенно перепуганным дежурные давали валерьянку. Время от времени мы слышали где-то снаружи глухое уханье и думали, что это падают бомбы. Дежурные объяснили нам, что это звук машины, проезжающей по набережной. Звук возникал, когда машина на полном ходу съезжала с мостика Зимней канавки. В первое время народу в нашем детском бомбоубежище было немного, было тихо и спокойно.

Далее воздушные тревоги повторялись ежедневно, днем и ночью, но до нашего отъезда (20-го июля) налетов на город еще не было.

С первого дня войны я почти не видела отца: с утра до ночи он был в Эрмитаже, шла работа по срочной эвакуации музейных экспонатов, готовили первый эшелон, моя мама, как и все женщины нашего дома, часто дежурила во дворе. Дни стояли теплые и солнечные, и мы, дети дежурных, часто играли во дворе нашего дома или в его большой подворотне.

Примерно через месяц после начала войны в Ленинграде ввели карточки. Они были розового цвета.

Я совсем не помню, как мы собирались в эвакуацию. Помню лишь последний день перед нашим отъездом. Видимо, уже все было упаковано и отправлено в багаж, потому что все мы (отец, мама и я) и еще кто-то из эрмитажников в последний раз пообедали в ресторане «Кавказский» (в полуподвальчике у Казанского собора), где обеды были еще без карточек.

Из воспоминаний Ревекки Ионовны Рубинштейн

21 июня 1941 года – последний счастливый день. Я помню с самого утра все, что происходило в этот сияющий солнечный день...

Витя пошел в школу, Катя возилась с Ирой и Лекой*, Нюра занималась хозяйством, а мама «командовала парадом». Мы с Колей [Н. А. Шолпо] пошли на работу: он в Университет, а я в Педагогический институт им. А. И. Герцена. День был очень насыщенный. Сначала шли еще занятия со студентами, вернее консультации перед экзаменами. Потом был Ученый совет, который вел Сергей Иванович Ковалев, античник. После заседания мы пошли обедать к Сергею Ивановичу...

* Витя, Ира и Лека – дети Р. И. Рубинштейн и Н. А. Шолпо. – *Сост.*

Сотрудницы Эрмитажа во время дежурства на крыше Зимнего дворца.
1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Сотрудницы Эрмитажа в форме ПВО на крыше Зимнего дворца.
1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

За обедом не засиживались, торопились опять на заседание в Университет. Соломон Яковлевич Лурье делал доклад. Собралась вся кафедра древнего мира – античники и восточники, и в их числе Коля. Доклад, как всегда, был интересным, несколько парадоксальными были выводы (недаром в своей среде С. Я. Лурье называли «зеленая лошадь»). Прения затянулись, спорили с докладчиком...

А за окном сияло солнце, хотелось скорее уйти из жаркой и душной комнаты от горячих споров. Вдруг послышался шум пропеллеров, и несколько сверкающих самолетов пролетели по голубому небу и скрылись. «Какое счастье, – подумала я, – что слышу и вижу самолеты и не боюсь их. Ведь у нас нет войны. А там каждый вражеский самолет – это ужас и смерть». <...>

Было уже три часа 22-го июня... Но мы еще ничего не знали и спокойно легли спать. Завтра воскресенье, никуда спешить не надо и можно выспаться. Милые соседи обычно рано включали громкоговоритель, иногда удавалось продолжать спать, даже несмотря на его громкое говорение. Включили и на этот раз. Проснулась и разозлилась: даже в воскресенье не дадут поспать! И вдруг слышу: «В 12 часов будет говорить Молотов». Это настойчиво повторяется несколько раз. Бужу Колю – в 12 часов будет говорить Молотов, что-то он скажет.

День начинается как обычно. Встают дети. Завтрак. Уборка. Но все валится из рук. Тревожно. Ждем 12 часов. Что скажет Молотов? Наконец, стоим у громкоговорителя. Левитан объявляет, что у микрофона Молотов, и мы слушаем хорошо известную речь о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз.

Разве можно выразить словами, что мы почувствовали, слушая радио? Война, страшная, ужасная война! Но ведь это не надолго, его не пустят. Дадут отпор. И все равно страшно. Вспоминаем финскую кампанию, но сейчас это в тысячу раз ужаснее. Что-то оборвалось внутри. Кончилась прежняя жизнь. Что нас ждет?

А потом все, как в угаре. Не помню, в какой последовательности происходили события. Ходим на работу, что-то делаем дома, но внутри все время звучит: «война!». Рекомендуют заклеить окна бумагой накрест,

А. В. Каплун. Вид на Александровскую колонну из окна Зимнего дворца.
25 апреля 1942 г. Бумага, карандаш, цветной карандаш

Вид на Александровскую колонну из окна Зимнего дворца

чтобы они не лопнули от взрывной волны. Резали бумагу, варили клей, разукрасили все окна. Некоторые фантазеры вырезали целые узоры и пейзажи, которыми оклеивали окна. Думали, что это непременно уберезит окно. Теперь смешно вспоминать об этом. Во дворе рыли траншеи, делали над ними деревянные настилы, посыпали землей...

Начались бомбежки. Первые бомбы в Ленинграде упали 23-го июня ночью где-то в районе Новой деревни. Проснулись от грохота далекого взрыва. А потом ежедневно: в репродукторе вой сирены и заунывные протяжные гудки заводов, надрывающие душу. Стук метронома, однообразный, настойчивый. Мне все казалось, что это стучит пульс у больного с высокой температурой. Наконец, горн – отбой воздушной тревоги. Снова голос Левитана, передающий тревожные сводки с фронтов от Белого до Черного моря. А потом опять воздушная тревога – сирена и метроном... Где-то далеко бьют зенитки, иногда слышны глухие взрывы.

В первые дни воздушных тревог поражало обилие разноцветных ракет, которые пускали во всех районах города. Их видели в центре из окон Зимнего дворца, где жила Милица, на Петроградской, у нас в Лесном. Мы как-то говорили об этом с Милицей, и обе думали, что ракеты пускают, давая указания зенитчикам. На самом деле оказалось, что ракетчиками были те, кто ждал прихода Гитлера. Вскоре это прекратилось: одних поймали, другие затаились. У ребят после этого началась настоящая «шпиономания». Каждый незнакомый человек казался им шпионом. Они шли за ним, следили, иногда даже приводили в ЖАКТ, но все оказывалось ерундой.

Репродуктор не выключали ни днем, ни ночью. 3-го июля, как всегда, слушали радио. Вдруг голос Сталина: «Братья и сестры, к вам обращаюсь я, друзья мои...». У него перехватывает дыхание, слышно, как он пьет воду и зубы стучат о край стакана, и опять продолжает говорить. Призывает в ополчение. Господи, до чего же плохо.

Еще с конца июня идут разговоры об эвакуации детей. В Эрмитаже с первых дней войны упаковывают самое ценное. Часть вещей уже отправлена эшелонами на восток. Готовится к отправке второй эшелон. Я иногда захожу туда и помогаю паковать египетские вещи. Страшно ходить по опустевшим залам, страшно и больно... <...>

Герценовский институт организовывал эвакуацию детей, возглавляла эту работу одна сотрудница института, русский историк. У нее также было двое детей – Рюрик и Лада. Ехали в Ярославскую область. Вдруг приходит Люба Антонова – она везет эрмитажных детей, тоже в Ярославскую область. Предлагает взять и нашу тройку. Конечно, отправляем с ней. Как ни хороша Таня из Герценовского, но Люба своя, родная.

На долю эрмитажного интерната выпало много тяжелых испытаний в связи с переездом в Пермскую (тогда Молотовскую) область. А Герценовский интернат никуда не двигался, дети там не болели, в хорошем виде вернулись домой. Но кто же мог знать, что ждет впереди. Сама Люба потеряла свою маленькую дочку. Да что говорить теперь об этом. Всех моих я получила живыми и здоровыми, за ними без меня смотрели родные глаза, о них заботились, как о своих собственных.

6-го июля отправился из Ленинграда эшелон с детьми, в том числе интернат Эрмитажа. Утром мы в Эрмитаже. Весь коридор от служебного входа до Советского подъезда заполнен детьми, родителями, тюками. Мы с Колей в числе провожающих. Наконец, сажают в автобусы детей и персонал. Мы, как и все родители, сами едем на вокзал. Весь состав из дачных вагонов. Стоим у вагона, где наши малыши. Вите через четыре месяца – 10 лет, Ире четыре года, а Леке еще нет и трех. Кругом шум, детский крик, слезы. Даем Вите последние напутствия – смотри за маленькими, ты старший. Наконец поезд двигается. Долго идем за ним, машем руками. Исчезает последний вагон – и что-то обрывается в сердце. Но ведь это не надолго, не может быть долгой такая война – утешаем друг друга и самих себя.

Вернулись в пустой дом. Там тихо и тяжело. Мама держится молодцом, утешает. А я не могу. Как увижу детские вещи, книжки, игрушки – становится совсем плохо. Почему-то особенно надрывало сердце воспоминание, как Лека читал стишки: «Ляг голичок под порог на бочок» и еще из «Азбуки» Маршака: «Яков по-японьски говорит с соседом, я не понимаю, что он говорит». От этих стишков хотелось плакать, но я крепилась.

Евгения Васильевна Байкова

Из воспоминаний Евгении Васильевны Байковой

Осень 1941 года

Работа художников по эвакуации Эрмитажа

Присланные в Эрмитаж части солдат для эвакуации Эрмитажа сменяют художники – картины требуют нежных рук.

Работа с утра до позднего вечера. Ноги гудят. В Эрмитаже кормят обедом, в буфете еще можно кое-что купить, но денег нет и мы его обходим стороной. Снимаем картины со стен, с подрамников, перекладываем тонкой рулонной бумагой, накатываем на валы. Обычного чувства трепета перед шедеврами нет: хотя «Даная» заворачиваем нарочито долго. Скорее, скорее. Убрать... Внизу скульпторы, что-то упаковывают в ящики. По залам всюду Орбели. Пожарники требуют убрать с чердаков запасы золотых тяжелых рам. Спускаем их в лестничных пролетах на веревках и бегом на плюшевых салазках через залы вниз. Распоряжается этим еще кругленький розовый реставратор. Бригада художников редет. Уже не все могут ходить, первым умирает художник Гордон. Наконец, картины убраны и увезены, бригады распущены, оставлена одна из мужчин. Прошу меня оставить с ними. Обедом больше не кормят. Обещают заплатить деньги за работу. Убираем в подвалы тяжести: мозаичные столы, малахитовые вазы, пудовые шкафы. В залах появляются ящики из свежих струганных досок. Сотрудники носят и сыпают в них песок. Пустой Эрмитаж похож на залу, откуда вынесли покойника.

В. В. Милютина. Ваза в Шатровом зале.
1942 г. Бумага, уголь.

Зал Снайдерса во время войны

Хранилище рам в каретном сарае. 1942 г.
Фотография Б. П. Кудоярова

Малый Эрмитаж. Павильонный зал. 1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Павильонный зал. Июнь 1943 г.

Шатровый зал во время войны

Хранилище рам в каретном сарае. 1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Пробоина в галерее Растрелли

Борис Борисович Пиотровский.
1930-е гг.

Из воспоминаний Бориса Борисовича Пиотровского*

Первые дни войны

Война началась неожиданно, хотя логически она была неизбежна. Мы привыкли читать в газетах о военных действиях в Европе и Африке, но не думали о том, что они докатятся до нас сегодня.

Когда я вернулся в Чарбах на базу экспедиции и сообщил эту новость, все были потрясены неожиданностью. И. М. Лурье сразу же собрался уезжать, такое же решение приняла и В. С. Гарбузова. От волнения И. М. стало не по себе, и он в растерянности повторял: «Как же я поеду, ведь я не поел». Быстро наладили еду, собрали вещи. Я решил остаться для завершения работ, со мной осталась и Н. П. Кипарисова.

В городе тоже все были в растерянности. Наступил вечер, город погрузился во тьму, ни одного огонька. Но вскоре он ослепительно засверкал. Турецкое правительство заявило, что они находятся с Советским Союзом в мирных отношениях, и светомаскировку отменили.

На следующий день на холме расчет рабочих. Некоторые из них уходили в армию. Завхоз, проработавший несколько дней и купивший себе для ведения дел портфель, требовал расчета за две недели; пришлось оформиться.

Абрикосовую рощу заняли зенитчики, заняли прочно. Я получил указание два дня ходить по холму, делать вид, что работы не свернуты. Наш Кармир-Блур хорошо просматривался с турецкой границы. Ходил и сердился: ведь и я нужен в Ленинграде.

Свертывание работ заняло несколько дней; в Историческом музее и Институте истории Армении молодые сотрудники призывались в армию. Р. М. Джанполадян приняла на себя обязанности директора музея.

Были куплены не без труда билеты до Тбилиси. Гостиница в Ереване была переполнена, пришлось на последнюю ночь принять Н. П. Кипарисову в свой номер.

При расставании никто не думал, что война будет долгой, все были в приподнятом, но растерянном состоянии.

В Тбилиси на ленинградский поезд продавали только верхние плацкартные места. По дороге в вагоны набивалось большое количество людей, стояли также в проходах. На станциях было уже трудно достать продукты. Так и ехали в тесноте, а когда въехали в Среднюю Россию, то – ночью и в темноте, в вагонах, как в старину, проводники имели фонари со свечами, которые освещали только коридор. К. Г. Кафадарян возвращался из Ленинграда в Ереван с пересадкой, ему пришлось двое суток простоять, так как сесть было некуда, и он жаловался на то, что ноги у него сильно опухли.

* Здесь и далее воспоминания Б. Б. Пиотровского воспроизводятся по книге: *Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Руда и Металлы», 2009. С. 171–191.

Вернулся я в Ленинград в первых числах июля. Поезд пришел поздно вечером. До полночи, до «комендантского часа», оставалось мало времени. Я расстался со своей спутницей и по пустым улицам поспешил домой. В сумерках белой ночи дома, лишённые света, с чернеющими открытыми окнами, стояли, как крепости с раскрытыми амбразурами.

На фоне светлого неба маячили аэростаты заграждения, и казалось, что им не было числа. Изредка попадались спешившие прохожие да спокойно прогуливавшиеся военные патрули – красноармейцы и моряки с автоматами в руках. В городе стояло затишье, как перед бурей.

Добрался до дома, мать сообщила мне, что многие знакомые и мой брат Константин уже в армии, он в артиллерийской части, по стопам отца. О брате Юрии, враче, служившем в армии на Дальнем Востоке, никаких известий не было.

Уже в первые дни после объявления войны, в конце июня, было сформировано народное ополчение, которое сразу же отправилось на передовые позиции, что привело к неоправданным потерям. В учреждениях и жилых домах приступали к своей работе команды противовоздушной и химической обороны; к счастью, газы в этой войне никто применять не решился.

Каждый день тысячные отряды ленинградцев уезжали поездами на оборонное строительство. Полным ходом шла и эвакуация.

А Ленинград жил обычной жизнью. Сторонний наблюдатель, может быть, даже и не заметил бы разницы между военным и довоенным временем. Все так же работали театры, филармония, кино, в учреждениях продолжалась деловая жизнь, только пульс бился учащеннее. Многие заводы и учреждения готовились к эвакуации. Родители отправляли детей на восток, а сами оставались продолжать свою работу.

Когда я пришел в Эрмитаж, то там кипела работа по эвакуации. С первого дня войны в Музее началась упаковка музейных ценностей, предназначенных к отправке по заранее разработанному плану. На помощь пришли студенты, художники, архитекторы, артисты. Первый эшелон с музейными сокровищами ушел на восток, в Свердловск, в точно назначенный срок – 1 июля (тогда я находился еще в пути). Уходил он под защитой зениток на платформах, в сопровождении самолетов.

Вместе с сокровищами Эрмитажа была отправлена большая группа сотрудников Эрмитажа, научных работников, хранителей и специалистов-реставраторов во главе с В. Ф. Левинсон-Лессингом. Эвакуация проходила организованно – И. А. Орбели был в своей стихии – стихии организатора. Из Москвы приехал председатель Комитета по делам искусств при Совнаркомом СССР М. Б. Храпченко с помощником, а также заместитель комиссара внутренних дел тов. Павлов, который, по существу, руководил самой отправкой экспонатов: это мог выполнить человек, имевший право самостоятельно брать из резерва средства транспорта. Секретарем парторганизации в то время был В. Н. Васильев, очень умный и сложный человек, имевший только одно «профильное

измерение», – настолько он был художав. Васильев имел сложившуюся биографию. С 1934 по 1937 г. он был секретарем Кронштадтского горкома ВЛКСМ и секретарем Фрунзенского райкома ВЛКСМ в Ленинграде. Затем он был переведен на комсомольскую работу в Автономную республику немцев Поволжья, где в 1938–1939 гг. стал секретарем горкома ВКП(б) г. Энгельса и депутатом Верховного Совета РСФСР. В сложной ситуации он покинул Поволжье и вернулся в Ленинград, где в 1939 г. поступил в Эрмитаж на должность заведующего научно-просветительным отделом. В. Н. Васильев не всегда ладил с И. А. Орбели, но он был осторожным и выдержанным, и дело не доходило до открытого конфликта. Однажды я присутствовал при разговоре Орбели с Васильевым и своими глазами видел, как стул, брошенный Иосифом Абгаровичем в сторону, разлетелся на куски, но конфликта не последовало.

Когда я вернулся в Эрмитаж, шла упаковка второго эшелона, который ушел в Свердловск 20 июля, всего было увезено 1118 тыс. предметов. Третий предполагавшийся эшелон отправлять на восток было опасно, и ящики, предназначенные для него, остались в Эрмитаже на все военное время.

Упаковка шла интенсивно, везде появлялся И. А. Орбели, с ним обычно архитектор А. В. Сивков. Работали все, и пожилые и молодые. А. Ю. Якубовский не выпускал из рук тележку, на которой он перевозил экспонаты. Среди упаковщиков, пришедших Эрмитажу на помощь, я встретил своих старых знакомых, в частности одноклассника по школе артиста Ялика Эренберга. Утомившиеся работники шли отдыхать на диваны Эрмитажного театра, превращенного в дортуар. В интенсивные дни упаковок я оставался ночевать в Эрмитаже, обычно на столе своего кабинета, а в более свободные дни уходил на ночь домой – тогда я жил на улице Петра Лаврова.

Когда я вернулся в Ленинград, запись в ополчение была уже прекращена, необученные ополченцы несли большие потери; а у меня была отсрочка от призыва, пришлось довольствоваться формированиями гражданской обороны – я выбрал противопожарную команду МПВО, стал пожарным.

В июле приходилось нести ночное дежурство в кабинете директора. Эти белые ночи с силуэтами аэростатов заграждения в небе незабываемы. Они одновременно и настораживали, и успокаивали.

В конце июля в Эрмитаж приехал секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) тов. Дубровский и предложил некоторым сотрудникам, в том числе и мне, вступить в партизанские отряды. Я охотно согласился, так как, будучи археологом, умел делать съемки местности и пользоваться картами. Это мог я сделать лучше, чем владеть оружием. Вместе со мной дали согласие А. Н. Болдырев, столяр Фролов, Ростовцев и Богнар, бывший партизаном на востоке в Гражданскую войну. У нас отобрали военные билеты и дали маленькие бумажные квитки с текстом об отображении военного билета. Этот зашифрованный листок бумаги размером 6 × 10 см вызвал недоумение у служащих военкомата при контрольной проверке военнообязанных, и только после указания военкома меня отпустили домой. Оформление в партизанские отряды шло медленно, и я со своим квитком, выданным 29 июля, проходил более полумесяца.

Эвакуировалась и Академия наук, в Институте истории материальной культуры паковали в ящики наиболее ценные коллекции и рукописи. В институте кавказоведов было шесть, но во время эвакуации было четверо. Самый молодой и веселый, С. Н. Аносов, начавший работать на Кармир-Блуре, был убит в самом начале войны. Самый старший из нас, А. А. Иессен, уехал с эрмитажными коллекциями в Свердловск. А. П. Круглов уже находился в армии, на Центральном фронте, где позже его настигла смерть. В один из вечеров начала августа встретились три оставшихся в городе товарища: Ю. В. Подгаецкий, Б. Е. Деген-Ковалевский и я.

Деген закончил и сдал для защиты свою кандидатскую диссертацию «Курганы в Кабардинском парке города Нальчика», он был увлечен этой темой, торопил защиту, боясь, что Ученый совет может растаять; но вместе с тем его беспокоила семья, которую надо было эвакуировать. Еще больше тревожился Подгаецкий, так как он недавно женился и имел маленькую дочку. Свободным был я один. Но я со дня на день ждал вызова на партизанские курсы. В нашей беседе, на редкость серьезной, каждый рассказал, что он успел сделать и что не успел. Договорились о том, что кто останется живым после войны, тот позаботится о памяти своих друзей и сохранит научные материалы хотя бы для архива.

Защита диссертации Дегена состоялась 27 сентября. Б. Е. Деген умер через месяц, когда провожал свою семью в эвакуацию, прямо на аэродроме. Подгаецкий пришел в Эрмитаж в состоянии крайней дистрофии, он умер у меня на глазах, и когда я переносил его мертвым, то не почувствовал его веса – настолько он исхудал. После его смерти я перевез из его дома рукописи в Эрмитаж и проводил жену Т. Архангельскую с дочкой до эвакуационного пункта Академии наук (обе они погибли). Но все эти печальные события имели место уже позже, ближе к концу года.

В начале августа фронт с каждым днем приближался, и в середине августа враг был уже у ворот города. Поступали сведения: «Снаряды рвутся в Гатчине, Пушкине, Павловске». Работники пригородных дворцов-музеев самоотверженно, с риском для жизни, спасали музейные сокровища, закапывали в землю статуи, отправляли упакованные ящики в Ленинград, последними уходили из своих городов.

16 августа я получил повестку с извещением о призыве по адресу Мойка, 26. Это было помещение детской музыкальной школы, которое занял один из партизанских отрядов Дзержинского района. Он состоял из сотрудников Нефтяного института, находившегося на Дворцовой наб., д. 18, в здании, куда позже переехал Институт истории материальной культуры. Пятерых эрмитажников присоединили к этому отряду, находившемуся под командованием командира Ракова (его чин я не запомнил). Учение было примитивным: штыковой бой, стрельба из пистолета – другого оружия не было, но действовал завет: «Каждый партизан должен достать себе оружие сам». Много времени отводилось медицинской учебе, нас тренировали делать сложные перевязки головы. Кормили неважно, на наши же продовольственные карточки, спали мы на коротких детских кроватях. Правда, большинство «партизан» убегало на ночь домой. В один из нудных дней партизанской подготовки пришел командир

С. М. Михайлов. Бомбоубежище
в Эрмитаже. 1941 г.
Бумага, карандаш

вожарной обороны в залы нанести горы песка и поставить ванны с водой для тушения зажигательных бомб. Но самой объемной работой была подготовка бомбоубежищ в подвалах, которые надо было приспособить для жилья, изготовить и расставить койки, заложить кирпичом окна, подготовить канализацию.

Когда в сентябре начались систематические налеты немецкой авиации, то в бомбоубежищах Эрмитажа и Зимнего дворца жило две тысячи человек: оставшиеся сотрудники музея с семьями, ученые, музейные работники, деятели культуры и другие, также с семьями. Были приняты на хранение не только некоторые ценности из пригородных дворцов и музеев, основные фонды которых хранились в Исаакиевском и Казанском соборах, а также в подвалах Русского музея, но и отдельные предметы от частных граждан.

Архитектор А. С. Никольский, живший в бомбоубежищах Эрмитажа, составил альбом рисунков, изображающих эти убежища и жизнь в них. Это, пожалуй, лучший документ, отражающий условия жизни в то тяжелое время.

Раков и объявил, что наш отряд расформировывается, так как забросить его в тыл сейчас, при близости фронта, уже нельзя, и мы все передаем в распоряжении МПВО. Так я и вернулся в Эрмитаж и получил должность заместителя начальника противопожарной команды, начальником которой стал А. Н. Болдырев.

До расформирования нашего отряда я решил перейти в другой отряд, университетский, в котором был мой товарищ по экспедициям П. Н. Шульц; но я опоздал, отряд перебросили за линию фронта. Там он попал в трудное положение, был рассеян. Шульц настолько отморозил руки, что пришлось ампутировать все пальцы, а он был опытный работник.

Сначала по возвращении в Эрмитаж готовили к отправке третий эшелон, запаковывали ящики, сидели на тюках и чемоданах, и в результате плотно остались в Ленинграде; блокадное кольцо еще не замкнулось, но было к этому близко. Начались будни пожарной команды.

В Эрмитаже было очень много работы. Надо было укрыть оставшиеся музейные ценности в надежные места, приспособить все залы и помещения к военной обстановке. На стекла многочисленных окон наклеивали полоски бумаги крест-накрест, для того чтобы при ударе взрывной волны стекла не рассыпались мелкими осколками. Надо было для проти-

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

Эвакуация детей

В первых числах июля 1941 г., после отправки первого эшелона, когда еще продолжалась упаковка вещей для второго эшелона, была объявлена эвакуация детей.

Секретарь парторганизации Эрмитажа Владимир Николаевич Васильев предложил зав. Школьным кабинетом Любви Владимировне Антоновой взять на себя организацию интерната. Дело было спешным, детей нужно было отправлять уже через два дня. Интернат был создан на базе детского сада Эрмитажа. 140 человек: кроме детей эрмитажников, дети сотрудников других музеев и институтов Академии наук были подготовлены к отправке. Кроме Л. В. Антоновой, с детьми выехали зав. детским садом Нина Николаевна Кильпио, воспитательница младшей группы Анфиса Васильевна Исакова, кухарка Устинья Петровна (фамилии ее я, к сожалению, не помню) [Пронкина] и несколько эрмитажных экскурсоводов: О. Б. Дмитриева, Л. Я. Рохлина, Мария Федоровна Едовина и др.

Эшелон был отправлен в Ярославскую область, но из-за начавшихся налетов немецкой авиации было решено отправить его на Урал. Судя по рассказам, это было очень трудное путешествие на барках по Волге и Каме. Скученность на барках вызвала эпидемические и простудные заболевания у детей. Плыли очень медленно. С трудом добрались до Пермской области, где получили назначение: на ст. Ляды, недалеко от Перми. Тяжелым оказался не только пройденный путь...

Тяжелым было устройство на месте. Нужно было организовать жилье (отведенные для интерната дома школьного типа были неблагоустроены), питание. Столовые одновременно были и спальнями. Сотрудники интерната сделали все возможное и невозможное, заботясь о детях. Постепенно дети начали поправляться, поздоровели, и Любовь Владимировна сумела впоследствии даже взять некоторых ребят, приехавших с родителями в Свердловск. Это были: дочь Г. Н. Балашовой Таня Климчицкая, 4 лет, племянники Каминской – 2 и племянники К. А. Ракитиной – 2, кроме того, двое детей Софьи Михайловны Кочетовой. В Свердловске в местные детские сады их нельзя было устроить, так как сады были переполнены, а дети оставались без присмотра.

Для пополнения рациона руководители интерната организовывали старших ребят на сбор грибов и ягод. За все, что было сделано для детей, нельзя не принести благодарности сотрудникам интерната.

Любовь Владимировна Антонова.
1930-е гг.

Любовь Владимировна Антонова

Искробол Ярославской области – в Эрмитаж

Лето 1941 года

Дорогие товарищи!

146 ребят живы и здоровы и шлют привет своим родителям. Живем мы в деревне Искробол в 20 км от районного центра, в 10 км от железнодорожной станции Красный Профинтерн. Лес от нас далеко, кругом поля, озера, реки. В 4 км протекает Волга. Наша дорога была очень трудна. Мы не только не могли ребят положить на ночь, но даже посадить. Я не говорю о персонале, который стоял или, если сидел, то на подножке вагона, на ступеньках. Ехали трое суток. Несмотря на большой запас воды, на вторые сутки вода стала иссыхать. Кипятка на станциях почти не было, а если и был, то на 2500 ребят эшелона – 80 литров. Каждая кружка воды бралась с боя. Нам пришлось ввести норму. Все частные запасы воды были конфискованы для ясельных и младших, дошкольных. Когда в дороге появлялась возможность купить молоко и другие продукты, мы их приобретали и кормили ими старших. Подъезжая к «Красному Профинтерну», мы издали увидели сотни крестьянских подвод, ожидающих нас. Началась организованная высадка: первыми выходили дети работников НКВД; вторыми – дети Эрмитажа. Нас встретил председатель Искробольского сельсовета и председатель колхоза «Путь Ленина» (это краснознаменный колхоз Некрасовского района Ярославской области). Колхоз прислал за эрмитажными ребятами 100 подвод; около 80 из них были загружены вещами и детьми, и в 12 часов дня 9 июля, в знойный день, при температуре свыше 40°, мы тронулись по направлению к деревне. Все население деревни, одетое в праздничные платья, с цветами в руках, со слезами на глазах, встречало нас перед правлением колхоза. Колхозники сами высаживали ребят из телег, несли их в комнаты, усаживали за столы, кормили заранее приготовленным обедом. Затем нам сказали, что вытоплено несколько бань, и колхозницы, забрав ребят, сами перемыли их в банях и принесли их к нам чистыми, завернутыми в одеяла.

Нельзя описать все, что было пережито в эти моменты.

Без громких слов – населением была проявлена огромная чуткость, настоящая забота о детях, брошенных сюда войной, и в этом лишний раз был выражен патриотизм и единство нашего народа.

Где же мы живем и в каких условиях? В деревне нет одного большого здания, и после осмотра ряда помещений мы получили 7 домов: первый дом – бывшие ясли, здесь расположены ясельные дети и младшие дошкольники (О. Б. Дмитриева, Анф. Вас. Исакова, Настя [Соловьева]). Там же общая для всех кухня и столовая для маленьких. В свободное время столовая превращается в читальню, в которой имеется около 350 книг. Дошкольники среднего возраста (А. С. Комарова) расположились на этой же улице, во втором этаже частного дома

колхозника. Старшие дошкольники (Н. Н. Кильпио) помещаются рядом, также в частном доме, в 4-х комнатах. Квартирой школьников являются два школьных здания, расположенных в 1/2 км от правления колхоза, в соседней деревне Тимонино. На днях школьники также переселяются в Искробол в частные дома, дома рядом с нами. Со школьниками живут Н. В. Холодовская и М. В. Андреева. В 6-м здании мы устроили два изолятора и амбулаторию. В 7-м здании, в двух комнатах, ночует персонал, свободный от ночного дежурства. В теплые дни все обедаем на улице; в холодные дни – в нашей столовой, которой является комната правления колхоза (мы ежедневно слушаем в ней утренние и вечерние сообщения Информбюро).

В первый же день нам набили сенники; кровати делают, но еще не все ими обеспечены. Все дошкольники спят уже на кроватях. Кровати, ящики для белья, шкафы и пр. колхозники делают из своего материала, бесплатно, после рабочего дня.

Питаются ребята неплохо, утром завтрак от 8 до 10 час. (чай с молоком, кофе или молоко, бутерброды с маслом и сыром, бывают яйца или каша). От 13 час. до 15 час. – обед из 2-х блюд. В 18 час. – полдник для маленьких. От 8 до 10 ужин. Пока продукты получаем бесперебойно. Ребята сыты. Трудности на каждом шагу и в организации быта, и в воспитании многочисленных членов нашей семьи. Если в дороге меня страшили желудки маленьких детей, то здесь, на месте, я серьезно думаю о воспитании школьников. С большинством из этих ребят мы познакомились здесь впервые: часть из них посредственные ученики школ с посредственной дисциплиной – неорганизованные, не желающие укладываться в рамки нашего быта, не желающие работать в колхозе (все школьники работают по 3 часа в день на прополке, поливке или сенокосе). Надо заметить, что многие младшие, например Витя Шолпо, Юра Едовин, Юля Гумбина и другие, очень хорошо работали на огороде. Зато некоторые из более взрослых мальчиков очень трудны: им кажется, что они попали в условия санатории; несколько раз они убегали с работы и пытаются держать себя независимо и неорганизованно, например: Б-в Эдуард (сообщите о нем матери, которая работает в столовой Эрмитажа), М-в Анатолий (отец – депутат Райсовета Дзержинского района – ул. Рылеева, 18, кв. 26); просьба по возможности сообщить родителям; О-в Всеволод (мать работает в охране Эрмитажа), Е-в Александр (мать – уборщица в Эрмитаже).

Ситчихин Лев (13 л.) и Бартановский Рома (13 л.) (Музей Революции) – представляют из себя другие типы – это умные и честные мальчики, вызывающие к себе большие симпатии. На второй день дороги они заявили мне, что хотят вернуться домой, просили помочь им, т. к. иначе все равно убегут. Я попробовала уговорить их и доказать невозможность возврата, но видя, что доводы бесполезны, – обратилась к начальнику эшелона, но на вторые сутки по приезде мальчики опять поставили вопрос о своем отъезде и вечером, оставив вещи, исчезли. Я подняла на ноги весь колхоз, сельсовет, сообщила все необходимые сведения в Райсовет. Через сутки ребята были возвращены назад. Они приехали с милиционером, похудевшие и грязные, но упорно твердили, что не могут жить без Ленинграда и без своей семьи и что они убегут опять. На следующий день я поехала с ними в Райком

Партии и Райсовет. Получив там родительское наставление, они заявили мне, что до осени (до начала учебного года) они не уйдут, а там посмотрят. Мне жаль этих ребят, которые так глубоко переживают разлуку с городом и с родителями. Я стараюсь их отвлечь, но возможности для этого у меня немного. Я написала матери Левы Ситчихина. По возможности, сообщите об этом в Музей Революции на имя Берлин (это фамилия его матери).

Но, помимо трудных ребят, есть много хороших, простых, организованных мальчиков и девочек. Например, Витя Шпринцин, Ким Симкин, старший Герцель, Витя Рохлин. Пока это молодые помощники взрослых. Из девочек – Галя Асаевич, Вика Вильчевская – сразу по приезде они добровольно взялись в течение недели помогать на кухне. Вообще о девочках ничего плохого написать не могу. Думаю, что будет интересно матерям узнать о маленьких детях, которые сами не умеют писать и у которых здесь нет старших братьев и сестер. Начну с самых маленьких.

Каменцева Ира (Фехнер) – 2 года, спокойная девочка, не плачет, очень хорошо ест, здорова.

Шолпо Лека в поезде скучал, плакал, не отпускал ни на шаг брата Витю. Здесь успокоился, играет, здоров, хорошо ест и относится к брату и сестре только как к хорошим знакомым.

Росина Валя – самая маленькая девочка, но с большим характером. Ест хорошо, но проявляет излишнюю самостоятельность. В вагоне был понос, теперь здорова.

Соколова Соня – в вагоне не переставала звать маму и бабушку и всех нас била. По приезде в деревню – стала любимицей всего колхоза и привязывается преимущественно к бабушкам. Сейчас привыкла, привязалась к нам, здорова, весела, играет, хорошо ест.

Худяк Вова – в вагоне вел себя очень хорошо, не скучал. Сейчас настолько освоился, что дерется с ребятами, но вообще мальчик хороший и послушный. Он без конца спрашивает: «Скоро ли кончится война?».

Дударевы Славик и Вова – здоровы, но оба золотушные дети, поэтому требуют к себе особого внимания.

Шолпо Ира. Перестала скучать, здорова. Голова чистая, косы заплетены. Очень хорошо и организованно держит себя в группе.

Волкович Сережа. Ест и спит отлично. Здоров.

Лурье Вадик. В вагоне часто вспоминал дом, маму. По дороге с вокзала правил лошадей и был страшно горд. Сейчас здоров, весел, не скушает, сильно загорел. Играет, шалит. Живет с группой А. Серг. [Комарова].

Козлов Вадик. В поезде скучал, плакал. Сейчас здоров, весел, не скушает, но часто говорит о маме. Живет с группой Ал. Серг.

Васильева Лара. В дороге скучала. Сейчас здорова, хорошо ест, ждет конца войны, чтобы скорее приехать домой.

Герасимов (Ерохов) Миша. Очень скучал в вагоне, вспоминал маму и говорил, что Гитлер очень плохой, из-за него он не может быть дома. Первые 3 дня провел в изоляторе, т. к. обжегся на солнце и имел повышенную температуру. Сейчас здоров, играет с детьми, любит, чтобы с ним много разговаривали. Рисует маме картину.

Ефимова Нина – весела, чувствует себя хорошо, дружит с девочками Наташей Струцовой, Майей Соповой. Земскова Люся – здорова.

Росин Гера – здоров, чувствует себя хорошо.

Чистяков Сережа часто вспоминает дом, спрашивает, когда поедем домой.

Каменцев Игорь – здоров, весел, дружит с мальчиками.

Об остальных будем писать в следующем письме.

Товарищи, к вам просьба: мы будем систематически писать вам о детях, а вас просим писать подробнее о себе, о городе, обо всем, что нам близко.

Подробное письмо часто писать невозможно, просим поэтому дать возможность нашим мужьям ознакомиться с нашей жизнью по этому письму.

Антонова

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

Свердловск

7 июля 1941 года

И вот – 7 июля 1941 года Свердловск. На товарной станции города эшелон встречали представители Исполкома и Обкома партии. Вместе с В. Ф. Левинсоном-Лессингом они отправились в центр города, на ул. Вайнера. Здесь находилась Картинная галерея, предназначавшаяся для размещения эрмитажных вещей.

Был воскресный день, и галерея была открыта для посетителей. Приступили к осмотру здания. Помещение показывала директор галереи Альма Мартыновна Кастра. Картинная галерея размещалась в трехэтажном каменном здании с центральным отоплением и водопроводом. Осмотр показал, что необходимо заложить окна первого этажа, убрать со двора деревянные сараи и заборы, освободить гараж.

Залы галереи для посещения были закрыты, дано указание на перевозку экспонатов Эрмитажа. Машины для перевозки ящиков были выделены Военным округом; в сопровождении вооруженных бойцов и прибывших из Ленинграда сотрудников груз был доставлен на ул. Вайнера (здание галереи напротив отделения Госбанка).

Здесь, в Картинной галерее, разместился филиал Эрмитажа, ставший центром эвакуации музея. Кабинет директора филиала служил одновременно и местом дежурных. Альма Мартыновна Кастра оставила за собой свой кабинет на 3-м этаже на все время пребывания Эрмитажа в Свердловске.

В. Л. Левинсон-Лессинг. Свердловск

Ящики с экспонатами в Картинной галерее на ул. Вайнера, 11. Свердловск

Перевозка ящиков показала, что одно здание не может вместить всех экспонатов, необходимо думать о срочной подготовке и других помещений.

Несколько привезенных ящиков не прошли в проезд галереи, их оставили во дворе, на машине под охраной специально выделенного дежурного милиционера. Позже сумели как-то внести гробницу Александра Невского и несколько других крупных предметов. Статуя Вольтера была перевезена в Костел. Польский Костел на ул. Малышева, заселенный людьми, стал впоследствии одним из помещений Свердловского филиала Эрмитажа.

Подготовка второго эшелона

После отправки первого эшелона сотрудникам разрешили перейти жить в свои квартиры, так как многое было уже приготовлено к отправке. Но работа продолжалась. Большие и сложные вещи помогали упаковывать реставраторы: научные сотрудники не могли обойтись без их помощи, напр., при упаковке резных дверей мавзолея Гур-Эмир. Двери реставраторы предварительно заклеили бумагой и положили в специально заказанный плоский ящик. Реставраторы вели также упаковку больших бронзовых светильников из мечети Ходжи Ахмада Ясеви и фрагментов резного каменного фриза из Айртама и др. вещей.

Второй эшелон был готов к отправлению. В Комитет по делам искусств, в Москву было сообщено о нашей готовности к эвакуации. 20 июля 1941 года к товарной станции Московского вокзала отправились машины с ящиками, заранее подготовленными и спущенными к подъездам. Машины сопровождали вооруженные бойцы и сотрудники. Список сотрудников, лично составленный Иосифом Абгаровичем, состоял из 16 человек. Кроме сотрудников, с эшелоном уезжали не отправленные в эвакуацию их дети. Начальником второго эшелона был назначен сотрудник ОИПК Михаил Петрович Грязнов.

Для отправки второго эшелона было предназначено 22 товарных вагона, один бронированный. Кроме того, начальнику поезда тов. Барскому удалось получить для сотрудников один классный вагон (не теплушку) для сотрудников и для отдыха бойцов.

В день отъезда, с утра, уезжающие с детьми и вещами пришли в Эрмитаж, в бомбоубежище (погрузка ящиков закончилась лишь к вечеру). Шла и я утром в Эрмитаж с двумя детьми: дочерью 3-х лет и сыном 10-ти лет. Со мной был огромный скарб. Когда накануне я спросила Иосифа Абгаровича, что можно взять с собой, он ответил: «Можно взять столько, сколько сможешь». Путь мой шел от Дворцового моста до Малого подъезда, на руках у меня была дочка, и я еще несла вещи. Подойдя к гранитной набережной, остановилась передохнуть... и в этот момент кожаная сумка выпала из рук в Неву! Я только вскрикнула: «Ох!», как отдыхающие на парапете бойцы увидели плывущую мимо сумку. Один боец, поддерживаемый другим, опустил в воду и вынул сумку. Как я была благодарна им, ведь в сумке были документы и деньги!

Вечером, провожаемые Иосифом Абгаровичем и остающимися сотрудниками, мы двинулись в путь. Тепло напутствовал нас наш директор. На вокзал пришел проводить меня с детьми мой отец...

Кроме места назначения, мы ничего не знали. Что ждет нас впереди? Кроме заботы об эвакуируемых экспонатах, нужно было думать о детях, которые были рядом с нами (их возраст от 3 до 12–13 лет). Воздушные тревоги создали необходимость вывезти детей. Прожитый в Ленинграде первый месяц войны, разлука с близкими сказались на разобщенности людей: одни были мало знакомы друг с другом, другие совсем незнакомы. Но даже за неделю пути стало приходиться объединяющее всех чувство. Не могли не сказаться общие дела: помощь детям, организация питания. Питание в дороге не было организовано: что-то было еще взято из Ленинграда, были еще буфеты на вокзалах и привокзальные базарчики; понадобилось кое-что упорядочить.

В чужом, далеком от родных мест городе пришла к нам близость общения...

В филиале Эрмитажа в Свердловске было известно – второй эшелон в пути и вот-вот прибудет...

Список сотрудников 2-го эшелона:

1. Грязнов Михаил Петрович, сотр. ОИПК, начальник эшелона (с ним жена М. Н. Комарова и сын Орик 9 лет).
2. Агафонова Ксения Александровна – ОЗЕИ, хранитель рисунков и гравюр (с ней дочь Улыбина Ира 9 лет).
3. Балашова Глафира Николаевна – ОВ, хранитель рисунков и гравюр (с ней дочь Климчицкая Таня 3 лет и сын Юра 10 лет).
4. Барская Ася Григорьевна – ОЗЕИ, хранитель живописи (с ней отец 65 лет).
5. Белов Григорий Димитриевич – ОАМ.
6. Белова Любовь Николаевна – ОН, нумизмат-античник.
7. Измайлова Татьяна Алексеевна – ОВ, специалист по Армении (с ней сын Оник [Аджян] 7 лет).
8. Кречетова Марианна Николаевна – ОВ, китаист (с ней племянница Ира 12 лет).

9. Левина Ирина Михайловна – ОЗЕИ, хранитель испанской живописи.
10. Максимова Надежда Николаевна – реставратор живописи на тканях.
11. Переведенцева Серафима Гавриловна – зав. фондами (с ней дочь 12 лет).
12. Пчелина Евгения Георгиевна – ОВ, археолог-кавказовед (с ней сын Георгий 12 лет).
13. Силантьева Пелагея Федоровна – ОАМ, археолог (с ней дочь Лена [Е. Ю. Силантьева-Моисеенко] 12 лет).
14. Торнеус Марина Ивановна – ОЗЕИ, хранитель серебра (с ней сын Арик [Воинов] 5 лет и мать 60 лет).
15. Фехнер Елена Юльевна – ОЗЕИ, хранитель голландской живописи.
16. Шмидт Ариадна Александровна – ОЗЕИ, хранитель живописи и гравюр. В этом эшелоне приехала семья В. Ф. Левинсона-Лессинга: его жена и мать.

Из воспоминаний Анны Григорьевны Беловой

Ленинград – Свердловск

Первую ночь отъезда мы провели в теплушке (товарном вагоне) где-то на запасных путях Московского вокзала. В вагоне были двухъярусные деревянные нары. Конечно, я запомнила только тех, кто был с детьми, такими же, как я: там была Т. А. Измайлова с сыном Оником, семья М. П. Грязнова с сыном Ориком и еще кто-то с детьми.

На рассвете началась воздушная тревога. Впервые мы увидели далеко на горизонте, в небе, вражеские самолеты. Мы, дети, следили за ними и за воздушным боем из дверей нашей теплушки. Мальчишки (откуда-то они уже все знали) объясняли, когда били наши зенитки и истребители.

В тот же день, 20-го июля, наш эшелон был отправлен в путь. Сотрудников с семьями перевели в пассажирские плацкартные вагоны. Эти вагоны находились где-то в середине между грузовыми вагонами с эрмитажными вещами. В нашем купе ехала семья В. Ф. Левинсона-Лессинга, в этом же вагоне были и еще дети – мои ровесники.

Ехали мы долго, около двух недель, часто стояли на полустанках и разъездах, иногда просто в чистом поле. Погода была хорошей. Сразу за нашим вагоном была прицеплена открытая платформа, на ней был какой-то груз под брезентом. Иногда мы выбирались на эту платформу и ехали на открытом воздухе.

В эшелоне был комендант и охрана.

Точное место нашего назначения было засекречено, но мы знали, что едем на Урал. Когда я спросила Орика Грязнова, знает ли он, куда мы едем, он ответил: «Туда, где Чапаев утонул». Для нас название «Урал» ассоциировалось тогда с названием реки и событиями из знаменитого фильма «Чапаев».

В Свердловск наш состав прибыл в темноте. Как мы провели первое время в этом городе, я не помню.

На первый месяц (август) нас поселили во Втузгородке, на окраине города, в студенческом общежитии.

Н. Н. Максимова. Дежурный милиционер у входа на ул. Вайнера, Свердловск. 23 сентября 1943 г. Бумага, карандаш

Картинная галерея (далее сокр. КГ) на ул. Вайнера была центром эвакуированного Эрмитажа. Кроме помещений для хранения ящиков там был настоящий рабочий кабинет с письменными столами и настольными лампами. В кабинете располагалась дирекция, проходили научные заседания и собрания сотрудников, там же круглосуточно находились дежурные. В кабинете был большой диван, обитый черным дерматином.

В КГ была также широкая внутренняя лестница, на площадках которой часто «тусовались» эрмитажные дети. На ступеньках этой лестницы я не раз готовила уроки или читала Ф. Купера и Майн Рида. Здание КГ имело центральное отопление и электрическое освещение, что в те времена было немаловажно.

Помню, каким-то длинным зимним вечером я сидела на диване в КГ и слушала рассказ Е. Г. Пчелиной о ее давних путешествиях по странам Востока. Однажды она очутилась в обществе прокаженных. Оказывается, эта болезнь в случае заражения могла проявиться или через две недели, или же – через 14 лет. Как раз в этом году истекал последний год тревожного ожидания...

Помню длинный коридор, по сторонам – слева и справа – двери в жилые комнаты. В нашей комнате поселили Беловых и Грязновых, т. е. мою маму со мной и Марию Николаевну Грязнову с Ориком. Наши отцы поселились, кажется, в отдельной комнате для мужчин.

Большой коридор и дворы вокруг общежития и сараев стали местом наших детских знакомств, игр и потасовок. В те дни я познакомилась и надолго подружилась со своими ровесницами: Наташей Ламановой, дочерью Ирины Михайловны Левиной, и Олей Шмидт, дочерью Ариадны Александровны Шмидт. Ее младшая сестра Марьяна и Таня Балашова [Климчицкая] были еще очень малы для нашей компании. Из мальчиков помню там Орика Грязнова, Юру Балашова, Юру Кроля.

В течение всего месяца нашей жизни во Втузгородке сотрудники были заняты разгрузкой и устройством эрмитажных вещей в городе. Для Эрмитажа были выделены: Картинная галерея (объект № 1), Костел (объект № 2) и Антирелигиозный музей (объект № 3). Все были засекречены и зашифрованы на «объекты». Так мы их и называли, даже в разговорах между собой.

Несколько слов о наших «объектах».

В архивных документах Эрмитажа можно найти достаточно сведений о зданиях, об организации работы в них, о состоянии их внутренних помещений и т. п. Ниже следуют только детские воспоминания и детское восприятие обстановки.

Сотрудники Филиала. Свердловск.
Слева сидит А. А. Быков, стоит М. И. Щербачева

Сотрудники Филиала. Свердловск. Слева направо К. Ф. Асаевич,
Р. С. Соловейчик, Л. А. Ерохова и А. А. Передольская

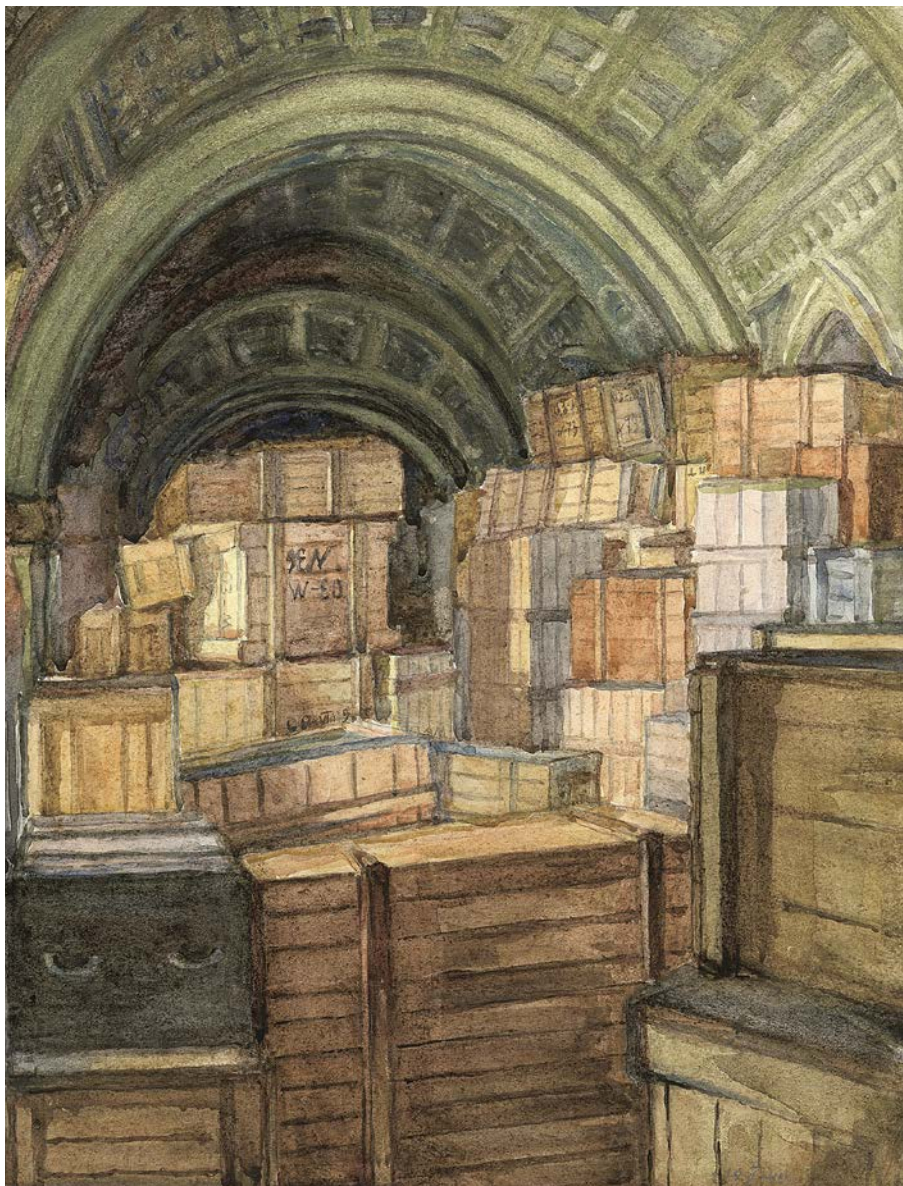
В помещениях КГ рядами стояли эрмитажные ящики, поставленные друг на друга. Они образовывали настоящие дебри и лабиринты, в некоторых рядах имелись карнизы и уступы, по которым мы карабкались на самый верх или пробирались в самые глухие закоулки, играя в прятки.

Здание КГ сохранилось в Свердловске – Екатеринбурге до настоящего времени. Там по-прежнему расположена Картинная галерея. Музей расширен пристроенными просторными зданиями, но старый фасад, вестибюль, лестница и рабочий кабинет остались без изменений.

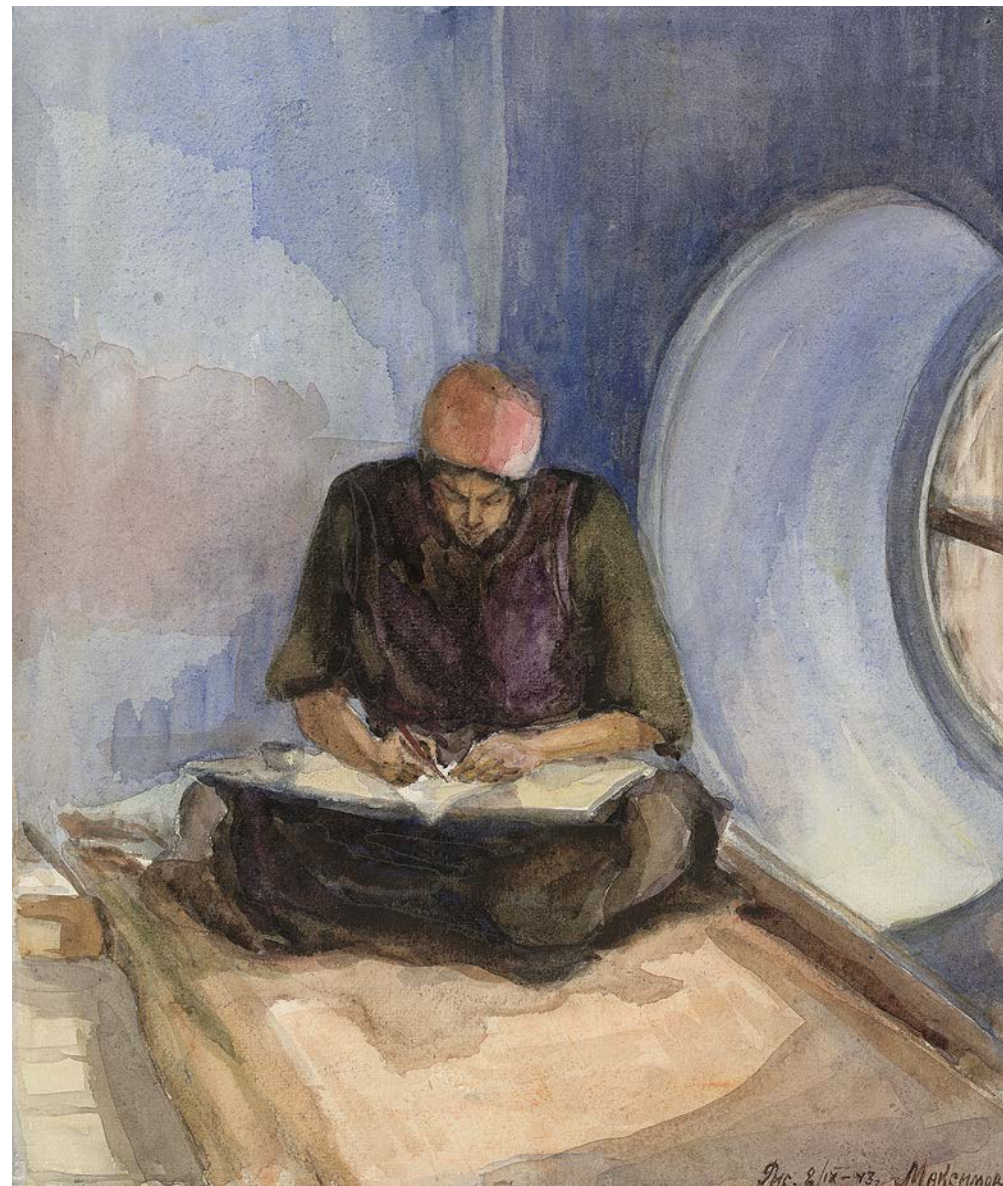
Антирелигиозный музей (сокр. АМ) занимал дом-особняк Ипатьева. Не сомневаюсь, что взрослые прекрасно понимали историческое значение этого здания, но разговоров на эту тему я не помню.

Дом стоял на склоне холма (Вознесенской горки), обращенном к центральной части города, расположенной в долине реки Исеть. На самой высокой точке холма возвышался Вознесенский храм, как раз (через площадь и сквер) напротив Ипатьевского особняка. В те времена храм был закрыт, в нем разместили какой-то склад.

Здание АМ находилось на крутом склоне, поэтому с главного фасада, который был обращен к скверу и площади перед церковью Вознесения, оно было одноэтажным (вернее, «бельэтажным»), а с противоположной стороны, которая выходила в большой запущенный сад, здание было двухэтажным. Кроме того, под ним

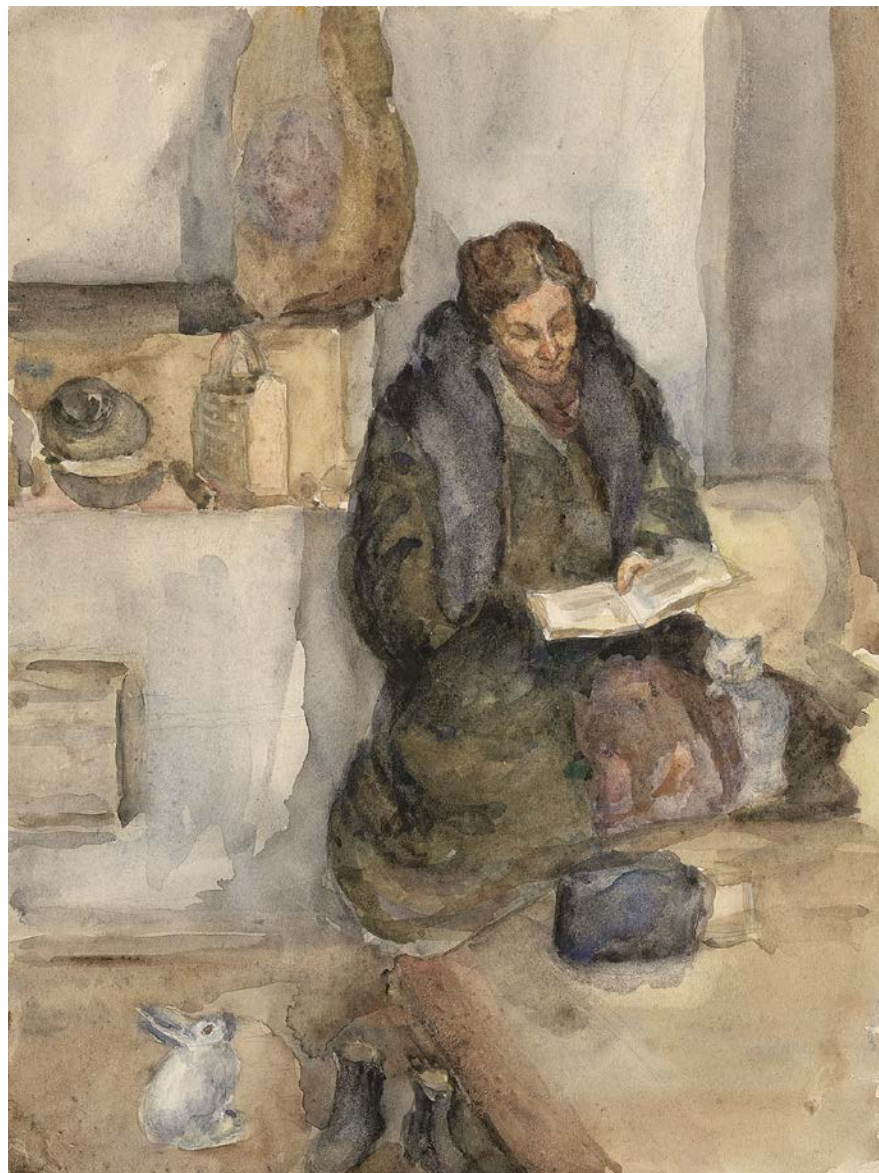

Н. Н. Максимова. Хранилище в костеле.
Свердловск. 10 февраля 1943 г. Бумага, акварель

Н. Н. Максимова. Е. Г. Пчелина в помещении костела.
Свердловск. 2 сентября 1943 г. Бумага, акварель

Н. Н. Максимова. К. М. Скалон на дежурстве в костеле.
Свердловск. Бумага, акварель

Н. Н. Максимова. Дежурная комната в костеле.
Свердловск. Бумага, акварель

Н. Н. Максимова. В. Ф. Левинсон-Лессинг,
А. В. Банк, Г. Н. Балашова в кабинете
на улице Вайнера, Свердловск. Бумага, акварель

располагались полуподвалы. Весной, когда таял снег и по склону текли бурные потоки, в эти полуподвалы проникала вода. Их открывали для просушки и проветривания. Мы часто спускались туда (вход был со двора) играть в прятки или просто «посмотреть», так как от местных детей знали, что «там царя расстреляли».

Наверху в АМ помещения также были заняты штабелями ящиков, но на стенах так и оставались картинки и плакаты антирелигиозного содержания. В комнате для дежурных тоже был большой черный диван, стол и круглая печь.

Помню там вечера с Алексеем Андреевичем Быковым: я показывала ему свои рисунки, он же поправлял мой французский или рассказывал об арабском языке.

По воле судьбы часть здания АМ была отведена для эвакуированного в Свердловск Херсонесского музея. Тут же, при нем жил сотрудник музея – С. Ф. Стржелецкий с семьей. Директор же Херсонесского музея И. Д. Максименко тоже был в Свердловске, но жил где-то в другом месте. Благодаря такому соседству отцу удалось во время эвакуации поработать над многими херсонесскими материалами.

После войны в здании АМ был архив, потом что-то еще, а в 1977 г. дом Ипатьева был снесен. В 1995 году я нашла на этом месте лишь остатки старого сада, спускавшегося когда-то по склону холма.

Костел (1880-е гг.) находился в верхней части ул. Малышева, на небольшой площади, и был окружен садовой территорией с чугунной оградой.

Ящики в помещении Костела утопали в темноте, где-то под высокими сводами едва просвечивали верхние окна. При входе, справа и слева, находились две небольшие каморки, одна – для дежурных эрмитажников, другая – для дежурного пожарника и милиционера. В каждой был столик с телефоном, деревянный топчан, покрытый брезентом, и небольшая печка.

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

Свердловск

1 августа 1941 года

Второй эшелон прибыл в Свердловск поздно вечером. Шел дождь. Нас никто не встречал, и до утра мы оставались в вагонах. Несмотря на дождь и позднее время, начальник второго эшелона Михаил Петрович Грязнов отправился на ул. Вайнера, в филиал. Кроме дежурного – им был Александр Александрович Иессен, – никого уже не было. Владимир Францевич Левинсон-Лессинг ушел в Исполком хлопотать о машинах и рабочей силе. Необходимо было определить места для размещения вещей и людей.

Утром на вокзал приехал Владимир Францевич, стали подходить машины. На помощь прибыли сотрудники, приехавшие с первым эшеленом. Прежде всего решили отправить детей. Под присмотром старших ребят они были увезены в общежитие Музыкального училища во Втузгородке, где временно были размещены в стандартном двухэтажном доме с водопроводом, в комнатах стояли железные кровати с сетками, имелась кухня. Так как у студентов училища были каникулы, здание оставалось свободным до начала учебного года.

По указанию директора филиала эрмитажные экспонаты распределялись по трем объектам: 1 – Картинная галерея, 2 – здание польского Костела и 3 – здание Антирелигиозного музея.

Костел на ул. Малышева – каменное здание, не имеющее отопления. Временные обитатели Костела, разгородившись деревянными перегородками, растапливали «чугунки». Перед прибытием второго эшелона встала задача: переселить сразу же людей из Костела, сломать существующие перегородки (эту работу выполняли сотрудники вместе с реставраторами).

Кирпичное здание б. Антирелигиозного музея находилось на площади Народной мести (напротив Дворца пионеров). Бывший частный особняк с низкими небольшими комнатами, с печным отоплением. Это здание хорошо известно в истории: здесь была последняя резиденция Романовых (они были расстреляны в подвалах дома).

Хотя с машинами для погрузки ящиков и развозки их по объектам прибыли военные, каждый день выделялось по 11 человек сотрудников для сопровождения грузов и хранительской работы на местах.

Из воспоминаний Ревекки Ионовны Рубинштейн

Июль. Начались налеты фашистских самолетов. Все чаще и чаще стремились они прорваться к Ленинграду. Но пока их все не подпускали к городу. Все время били зенитки, а по ночам все небо прощупывали прожекторами. <...>

В конце августа перерезана последняя нить, связывающая нас с Большой землей. Мы отрезаны. Но жизнь продолжается: работают на оборону заводы, вузы и школы готовятся к началу учебного года, открыты театры, кино. <...>

А Коля [Шолпо] был на переднем крае, с автоматом, которым не успел научиться как следует владеть, в наспех организованных отрядах ополчения, посланных на смерть под Ленинградом. Последнее письмо от него было датировано 11 сентября. <...>

Сотрудники Эрмитажа просматривают поврежденные артобстрелами картины. 1943–1944 гг. Фотография Б. П. Кудоярова

А все-таки я долго надеялась, ждала. А вдруг... Терпеть не могу стихотворения Симонова «Жди меня». Уж я ли не ждала? И сколько жданных не вернулось. А сколько тех, кого не ждали, пришли домой на занятое место. Не выношу фальши, даже патриотической.

Наступил сентябрь. Начались занятия в Университете, в институтах Герценовском и Покровском. В обоих институтах я работала раньше. В Университете пришлось замещать Колю.

Полчища фашистов стояли уже под Ленинградом, их самолеты часто прорывались в город и бомбили не только военные объекты. Восьмого сентября мощная фугаска попала в Бадаевские склады, где хранились основные запасы продовольствия. Это далеко от Лесного, в районе Волкова кладбища, совсем на другом конце города, но взрыв был слышен и у нас, видны были густые клубы дыма, а вечером темно-красное зарево пожара. После этого положение с продовольствием стало ужасным. Несмотря на эвакуацию, население города увеличилось за счет беженцев, искавших в Ленинграде спасения от немцев. Пока еще что-то давали по карточкам, но норму хлеба все время сокращали. Транспорт работал все хуже и хуже, казалось, остановится совсем.

В октябре норма хлеба – 150 граммов. Хлеб черный, сырой, противный. Какой в нем процент муки?

Начали вывозить на самолетах академиков. Союз писателей организовал отправку писателей. Заведующий эвакуацией Литфонда отправил группу, а следующим рейсом улетел сам. Острили, что эта должность превратилась в «посадочную площадку». <...>

А в Ленинграде жизнь шла своим чередом. Я продолжала читать лекции во всех трех вузах, а в Герценовском еще и по вечерам. Обычно налеты бывали в конце дня, тогда мы спускались в подвал, а потом просто перенесли туда наши занятия. Помню длинный коридор подвала, вдоль которого на небольшом расстоянии друг от друга расставлены столики. За каждым сидит преподаватель и несколько студентов. Мы «читаем» лекции потихоньку, чтобы не мешать друг другу. Я почти конфиденциально рассказываю о Египте и Вавилоне, про ассирийские

войны. Как все это далеко от той войны, которую мы переживаем. Иногда в репродукторе вой сирены: воздушная тревога. Но мы в бомбоубежище и занятий не прерываем. Только сжимается сердце, когда слышны глухие взрывы. <...>

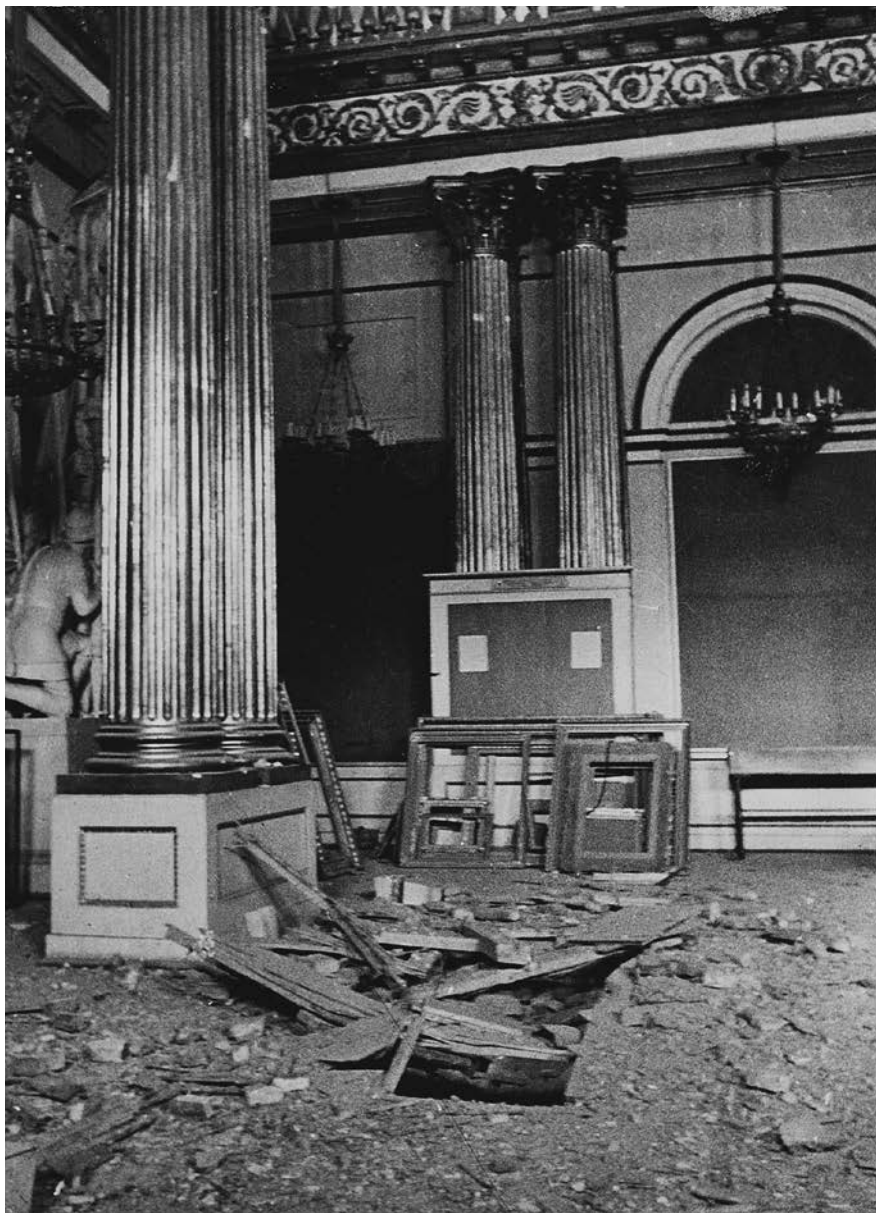
В дни вечерних занятий я не ходила домой, ночевала у Милицы. Она жила в квартире при Эрмитаже. Велено во время налетов спускаться в подвал. Мы не ходили: лень вылезать из теплой постели. Только прислушивались к жужжанию пролетающих самолетов, по звуку научились отличать наших от фашистских. «Мессершмитты» и «юнкеры» трещали очень противно. Если слышали самолет, значит пронесло – бомба упала не на нас; утешались этим.

Однажды во время вечерних занятий был такой страшный налет, что здание института сотряслось от взрывов. Бомбили где-то близко. После налета шла к Милице. В этот вечер, кроме фугасных бомб, сбросили много «зажигалок». Несколько упали на американские горы в Народном саду возле Петропавловской крепости. Горы пылали, как огромный костер, освещая большое пространство вокруг. Все объекты были четко видны, и фашисты бомбили город. Я шла по Дворцовой набережной уже после обстрела. Пожар еще продолжался. Слышен был треск сухих досок, искры летели во все стороны, ветер переносил через Неву горящие щепки, и они падали у стен Эрмитажа и Зимнего дворца. Зрелище было удивительное. В нем была какая-то зловещая, страшная красота.

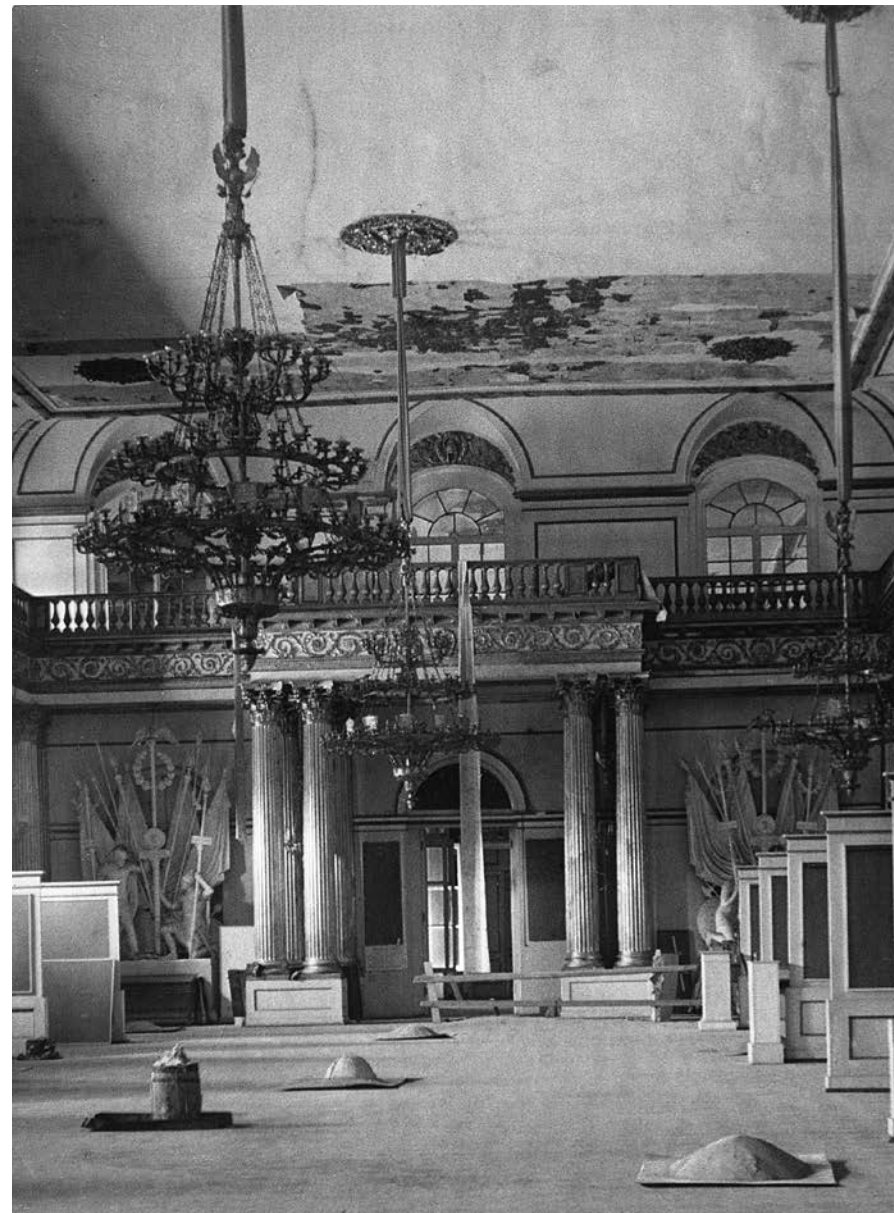
Еды становилось все меньше. Хлеб был не настоящим, в нем было больше всяких, даже малосъедобных примесей, чем муки. И всего 150 гр.

Каретный сарай после прямого попадания снаряда. Июнь 1942 г.

Разрушения в Гербовом зале. 1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Гербовый зал. 1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

И. Н. Новосельская. Очередь за хлебом.
[1941–1942 гг.] Бумага, акварель

в день. Очень ждали прибавки пайка к ноябрьским праздникам. За несколько дней до 7-го по радио объявлено: придется туже затянуть пояса, эшелонам с продовольствием не пройти через кольцо блокады. А потом новая норма хлеба: рабочим 200 гр., всем остальным – 125.

На самолетах продолжают вывозить людей из города. В середине ноября улетели в Новосибирск Милица и Исидор [Лурье]. Наталья Давыдовна оставалась в Ленинграде. Она так и не уехала. Делилась своим скудным пайком со своими кошками, пока те были живы. <...>

А вообще слез не было. Не плакала, хотя все время думала о Коле, не знала, что с детьми. В Эрмитаже тоже не было сведений о том, как они устроились на новом месте в Лядах. Связь с Большой землей окончательно прервалась. Мы в плотном кольце блокады, но все на своих местах, работаем по мере сил и даже сверх всяких сил. Те, которые сдавались, лежали без дела, съедали за один раз весь дневной паек, быстрее погибали от дистрофии. Гораздо крепче держались те, кто работал.

Из воспоминаний К. Б. Поповой о Л. Б. Гейнемане*

Хлеб надо было выкупать в тот же день (за предыдущий уже не давали). Не всегда было легко (о «легко» не могло быть и речи, все было трудно) получить его. И как-то какая-то сотрудница Эрмитажа не могла выкупить хлеб (а может быть, уже не выходила, не знаю). Во всяком случае, Леонид Борисович нес ей этот хлеб. Жила она не очень далеко. Идет он по заснеженной пустой набережной, несет пайку хлеба в руках (почему – не знаю). И слышит, что за ним идет человек. Завороженный хлебом, идет за ним. Леня пробовал ускорить шаг – нет сил. Наконец доходит до нужного двора. Человек за ним. Поднимается по лестнице – человек за ним. И тут Ленчик повернулся и, защищая хлеб... зарычал. Преследователь схватился за голову, повернулся и пошел прочь. Не знаю ничего выше, человечнее этого рычания.

* Полный текст воспоминаний см.: Соломаха Е. Ю. Судьба человека. Леонид Борисович Гейнеман // Музей и война. Судьба людей, коллекций, зданий. ЕМИИ : сб. докладов. Екатеринбург, 2016. С. 231.

Один из залов Эрмитажа после артобстрела.
1942–1943 гг. Фотография Б. П. Кудоярова

Античная скульптура в залах Нового Эрмитажа во время войны

Музейные предметы, составленные в зале Юпитера.
1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Разрушенная стена в Романовской галерее.
1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Картины, поврежденные взрывной волной в одном из залов.
1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

В. В. Милютина. Разрушения в секторе доклассового общества.
Третий этаж Зимнего дворца. 1942 г. Бумага, акварель

В. В. Милютина. Разрушения в одном из помещений музея.
1942 г. Бумага, карандаш

В. В. Милютина. Пробойна в стене, выходящей на Кухонный двор.
1942 г. Бумага, уголь

Из воспоминаний Бориса Борисовича Пиотровского

Блокада

Меня часто спрашивают – почему от времени блокады не сохранились документальные фотографии? Дело в том, что в начале войны все граждане были обязаны сдать на государственное хранение фотоаппараты и радиоприемники, оставались только репродукторы, в основном тарелочной формы, трансляционной сети. Радиосеть работала бесперебойно. А фотоаппараты имели только корреспонденты, они редко появлялись в Эрмитаже.

Первая бомбежка была днем 8 сентября, она была неожиданной, в небе с шумом большими группами летели, как хищные птицы, немецкие самолеты – зрелище незабываемое, потом начался грохот разрывов бомб. Они разбомбили продовольственные склады города, так называемые «Бадаевские», что критически отразилось позже на продовольственном снабжении ленинградцев. При бомбежках сразу же вспыхивали пожары, и над городом стелились клубы черного дыма.

Таких больших массовых налетов больше не было, позже в налетах участвовало несколько вражеских самолетов, они сбрасывали свой смертоносный груз и долго кружили над городом; прорваться назад им было трудно, так как на пути их ожидали наши перехватчики. Над городом немецкие самолеты сбивали редко, боясь дополнительных очагов пожара; огонь зениток в основном был защитным, не дававшим самолетам снижаться для прицельного бомбометания. Бывали случаи, когда наши летчики сбивали врага тараном. Один такой сбитый самолет упал у Таврического сада. Позже ленинградцы к бомбежкам привыкли, и они вошли у них в распорядок дня. Немцы стали методично бомбить город. Сначала воздушные тревоги начинались в 20 ч вечера, а когда стало темнеть раньше, то перенесли на 19 ч. Ленинградцы к этому времени спешили добраться до дома или до бомбоубежища, где они жили.

В одну из сентябрьских ночей я был свободен от дежурства и ночевал дома, на ул. Петра Лаврова. Тогда-то я и получил первое «крещение». В эту ночь район Литейного проспекта и прилегающих к нему улиц подвергся сильному налету. Шум, грохот и тряска были неописуемы. Их можно пережить, но описать трудно. Шум летящего, вернее кружащегося, самолета сочетался с визгом летящих бомб, грохотом зениток, гулом разрыва и последующей тряской. Толчки бывали настолько сильными, что я с трудом удерживался на ногах. Я вышел

Роман Кармен на съемке у портика с атлантами Нового Эрмитажа.
1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Пробоина в портике с атлантами Нового Эрмитажа.
1942–1943 гг. Фотография Б. П. Кудоярова

на лестницу, там было безопаснее, так как лестничный каркас надежнее этажных перекрытий, и там простоял до окончания налета. В эту ночь на ул. Петра Лаврова было разрушено четыре дома, один напротив нашего. Разрушения очень сильные, у некоторых домов обрушились внешние стены, и пять этажей можно было видеть в разрезе, причем на стенах и по углам комнат сохранилась обстановка.

После окончания этой первой для меня ночной тревоги, под утро, я лег спать под стук топоров, так как на улице спешно для прекращения движения возводили забор (позже этих мер не было). Мне снилось, будто плотники изготовляли гробы.

Ко всему можно привыкнуть. Однажды во дворе дома, где я жил, упало несколько небольших зажигательных бомб, тушение которых трудностей не представляло: их надо было только вовремя обезвредить. Вокруг горячей бомбы, лежавшей у помойки, собралась толпа, ее тушили песком, а один из активных зрителей снял свою шапку и с остервенением кинул ее в бомбу, которая казалась затравленной – волком на псарне.

С середины октября я уже дома не бывал, я перешел на казарменное положение, а моя мать и соседка Н. К. Лисицина переселились в эрмитажное бомбоубежище. Один раз, уже в тяжелые дни, я был вызван в военкомат и воспользовался квартирой как транзитным пунктом. Оказалось, что она была повреждена при одном из обстрелов, окна были разбиты, осколки снарядов попали в буфет; когда я его открыл, то посуда стояла на месте, тарелки стопками, но когда я попытался их взять, то большинство посуды было разбито. Кто-то в квартире побывал, унес велосипед, теплую куртку брата и почему-то снял со стены две миниатюры, которые я перед войной купил. Можно было взять многое и более ценное.

В октябре особые трудности еще не ощущались, хотя продовольственные карточки отоваривались наполовину, а то и меньше. Столовая еще работала, суп стоил 9 коп., на второе обычно была каша. Кроме того, были небольшие запасы и дома: ведь люди не ожидали длительной блокады и нужное количество продуктов вовремя не закупили.

Пробоина в потолке Отделения рисунков

И. Н. Новосельская. Улица блокадного Ленинграда.
[1941–1942 гг.] Бумага, акварель

Город жил еще активно. В августе и сентябре книжные издательства выпустили свою продукцию и книжные лавки были переполнены книгами по разным специальностям. На столиках около книжных лавок на Невском и Литейном проспектах можно было купить интересные книги, которые в мирное время улетучились бы сразу.

Научная жизнь продолжалась. 11 октября на Ученом совете Института истории материальной культуры я делал доклад о связях Урарту с Закавказьем, используя материалы двухлетних раскопок на Кармир-Блуре. Там правил ученый секретарь С. Н. Бибиков, приходил и директор института М. И. Артамонов (уехал из Ленинграда в ноябре), постоянным посетителем всех научных заседаний был академик С. А. Жебелев.

В Эрмитаже научная работа была сосредоточена в противопожарной команде, которая занимала несколько комнат на антресолях «директорского коридора». В первой комнате был штаб, где стояли рабочие столы, в других помещениях стояли кровати. Некоторые члены команды

ночевали со своими близкими в бомбоубежище. В команде были А. Н. Болдырев, А. Я. Борисов, Ростовцев, А. Корсун, художник М. Н. Мох, оставивший свой Фарфоровый завод им. Ломоносова.

Поздно вечером, когда было спокойно, я любил у коптилки работать, писать доклады и готовить свою большую книгу «История и культура Урарту». А. Н. Изергина позднее рассказывала о том, как она возмущалась тем, что в такое тревожное время я при свете коптилки мог писать своим постоянно ровным почерком. Когда все спали, в первую комнату приходил библиотекарь Г. Ю. Вальтер и на спиртовке грел консервы, которые были у него в запасе. Но дело было не в еде, а в нервном настрое – из всех членов пожарной команды Вальтер умер первым.

В конце ноября писатель Славентатор в «Правде» опубликовал заметку о научной работе и живой атмосфере в нашей противопожарной команде, которую очень часто посещал И. А. Орбели.

Любовь Владимировна Антонова

Искробол Ярославской области

Милице Эдвиновне Матье

Ленинград

8 октября 1941 года

Дорогая Милица Эдвиновна,

Вы правы, что писать делается очень трудно, – слишком различны условия нашей жизни, а затем многое хочется рассказать и трудно написать.

Вы на фронте, а мы живем в мирной обстановке, в деревне, жизнью настоящих колхозников. Наше пребывание здесь затянулось, а поэтому изменились и условия жизни. Ребята – очень умный и требовательный народ, живя в частных домах, они, конечно, стесняют хозяев, и последнее время мы сильно чувствуем, что стали лишними. Затем, некоторая часть населения считает нас самыми зажиточными людьми. Совершенно естественно, что снабжаемся мы лучше одиночек, и это является причиной ряда неприятностей. Между прочим, на нашу кладовую было 3 раза совершено нападение. Первое нападение было совершенно неудачно для деревенских воров. Темной ночью напуганные сторожами воры бежали из конторы, не сумев даже добраться до замков кладовой. Второй раз из мойки вынесли посуду. Наутро было обнаружено только 6 тарелок и 5 пиал. И это вся посуда для группы в 130 детей и 20 взрослых! Прodelав около 20 км, объехав несколько сел, мы сумели достать 11 сахарниц, которые должны были заменить тарелки. И только через неделю в одном из сел, за 12 км, были куплены глиняные миски. Во время последнего нападения были взломаны замки и унесено 2 ящика с маслом весом 48 кг

Ольга Борисовна Дмитриева. 1930-е гг.

и бочонок с медом 34 кг. Мед был куплен у пчеловода для ребят и персонала на случай отсутствия сахара. Обидно, что ребята даже не успели попробовать. Один ящик масла был найден брошенным за домом. Всего продуктов было похищено на сумму тысяча пятьсот семьдесят рублей. В общем, в некотором смысле жизнь стала труднее. Я и Дина Ефимова перестали возвращаться ночами из наших экспедиций за продуктами. Определенную часть населения очень сильно интересует и национальный вопрос.

Изменившиеся условия жизни и отдельные факты нами сообщены соответствующим органам власти. Дело о кладовой передано следователю, и двое хулиганов посажены в тюрьму.

Наступает зима, у нас уже был снег, и с зимой появились новые заботы. Пока очень трудным является дровяной вопрос. Юридически мы имеем много дров – наряд на 150 кубометров, фактически в лесу заготовленных дров тоже много (только нами заготовлено 22 куб. метра). Но вывезти эти дрова пока невозможно. Нет лошадей. Все клячи, которые остались, возят картофель, капусту и т. д. на сдачу государству. Сейчас разгар уборки овощей, они мерзнут на поле, застигнутые ранней зимой. Поэтому пока мы сами ежедневно возим на тачках для кухни хворост и корни, которые корчем километра за 2 от деревни. Везти на себе дрова из лесу мы не можем. Ближайший лес в 10 км от нас, а дороги деревенские ужасны. Думаю, что в свое время Автодор ничего не сделал для исправления российских дорог.

В связи с дровами трудной стала и топка бань. Мыть ребят стали реже.

Весь персонал, кроме возки дров, участвует и в чистке картофеля (дети посещают школу, а затем готовят уроки). Если вы по вечерам собираетесь за круглым столом в товарищеской беседе, то мы тоже вечерами собираемся за круглой корзиной и чистим в продолжение 2-х часов картофель на обед. Делаем это мы побригадно.

Многое другое стоит еще на очереди: обувь на лето и т. д. Большая часть нашей одежды не годится. Достать многое очень трудно, но тем не менее дети, нуждающиеся в обуви, получили простые ботинки из свиной кожи, непромокаемые. Обут полностью и весь персонал. Дина Ефимова, я и двое из технического персонала имеем высокие русские сапоги, которые в наших условиях являются единственным спасением. Кроме этого, в кладовой лежит 350 метров бельевого материала, из которого шьется белье. На днях думали получить темного материала для верхней одежды.

Дорогая Милица Эдвиновна, надеюсь, Вы не рассматриваете письма как жалобу на трудности жизни. Нам очень трудно, физически трудно, но никто из нас не падает духом, не хнычет. Мы несем свои трудности бодро, со смехом, с шутками. Мы смеемся друг над другом, т. к. никто из нас не похож на бывших ленинградцев. Должна признаться, что часто неудачной в целом ряде работ бываю я. Я деревню мало знаю, только как дачник, плохо колю дрова, плохо пилю, плохо копаю картофель, не умею косить, жать и т. д. Но я льщу себя надеждой, что в конце концов одолею крестьянский труд, который, кстати говоря, очень тяжелый. Но наряду с такой неудачной, как я, имеются прекрасный лесоруб Ольга Дмитриевна, великолепный возчик дров Ольга Бор. Дмитриева,

великолепный возчик дров Евдокия Михайловна Ефимова, чудесный кухонный мужик Нина Анатольевна Винберг и др. Правда, иногда мы и плачем. Но это мы скрываем друг от друга, и причиной слез являетесь вы, близкие и родные ленинградцы. Писем чрезвычайно мало. Несомненно, в этом виновата почта, мы это понимаем, но очень трудно в такие дни жить в глуши, без радио (его сняли), почти что без газет, среди самых чудовищных слухов и рассказов «очевидцев». Конечно, слухам не веришь, но бывают моменты, когда они обволакивают со всех сторон и невозможное кажется вероятным. А тут еще отсутствие всяких вестей от Вас!

В последних письмах я писала, что питание стало хуже. Но сейчас появилась возможность покупать молоко по рыночной цене 2 р. 50 к. – 3 р., яйца 15–20 р. десят., свинину 20 р. килогр. и т. д. Если Вы хотите повысить качество питания детей, поставьте перед родителями вопрос о присылке сюда 50 р. ежемесячно на усиление питания. Те матери, которые дали деньги перед отъездом, могут пока ничего не посылать, т. к. родительские деньги мною еще не были тронуты. Эрмитажных денег у меня осталось очень немного, их я тратила на оборудование и трачу на одежду и обувь.

Наши кадры поредели. Сорокина и Волкович уехали в Ташкент. По распоряжению уполномоченного по эвакуации я должна была Волкович снять с питания, а Сорокина уехала по собственному желанию в страхе перед возникшими трудностями. Я не задерживала ни ту, ни другую и ни минуты об этом не жалею. Стало меньше сплетен и обстановка стала более деловая и дружная. Кильпио Нина Ник. иногда срывается. Ее характеристику я Вам в одном из писем уже давала. Она работает под непрерывным коллективным присмотром и несмотря на это иногда позволяет жестокости в отношении ребят. Последний раз вместе с Ефимовой мы ее предупредили, что если не будут изменены методы воздействия на ребят, будет поставлен вопрос о снятии ее с педагогической работы, с запрещением когда-либо ей заниматься. Думаю, что после войны ей нельзя доверять руководящую педагогическую работу.

Теперь о детях. Ребятишки и малые и большие живы и здоровы. Никаких серьезных заболеваний нет. Погода сейчас очень плохая, поэтому большую часть времени младшие дети проводят дома. Во всех домах имеются зимние рамы и печи. Школьники с 1-го по 7-ой класс посещают школу. Занимаются они хорошо. Конечно, наши дети значительно сильнее крестьянских ребятишек. Дисциплина пока хорошая. Тетрадами ребята пока обеспечены, я их страшно экономлю. Учебники у ребят с 1-го по 4-ый класс отсутствуют, если будет можно, пришлите. Старшие учебниками обеспечены. Учащиеся 8-го – 10-го класса весь сентябрь по октябрь работали и работают в колхозе. Работали они много и хорошо, совсем взрослые колхозники. Каждый день они записывали трудодни, и сейчас уже начинается расплата за работу натурой. Они получают картофель, капусту и т. д. Живут 8–10 классы на Профинтерне. Бытовые условия старших ребят лучше наших. В квартирах горит электричество, имеется радио, получают газеты, получают книги из библиотеки. Живут они большой семьей (17 человек) во главе с бабушкой – Н. В. Холодовской, которая создает им домашний уют. Вечерами в столовой, она же и спальня

мальчиков, собирается за самоваром вся семья. Ребята читают газеты, письма, шутят, смеются, или добродушно ворчит Н. Вас., браня Юру Зархи или Яшу Жижмар (?) за промоченные ноги, Галю Асаевич за то, что она легко одета, и т. д. Над. Вас. любит своих ребят, балует их, тратит на них всю свою зарплату, пытаясь тем самым улучшить питание, и работает как повариха и воспитатель с утра до позднего вечера, забыв, что ей уже много лет. Но не беспокойтесь, она сильно похудела, но чувствует себя хорошо. Коллектив ребят на Красных Профсоюзов очень хороший – ничего плохого нельзя сказать ни про мальчиков, ни про девочек.

Совсем другая картина была с учащимися среднего возраста 5–7 классов. Здесь с первых дней стали выделяться трое мальчиков, о которых я писала еще в своем первом письме: Б-в, О-в и М-в.

Пока был весь коллектив вместе, лучшая взрослая часть ребят оказывала сильное влияние на этот средний возраст, оказывая большую помощь руководителям. Это Юра Зархи, Яша Жижмар (?), Ким Симкин, Галя Асаевич, Галя Петерсон, Маргарита Серк и др.

Но с их отъездом на Профинтерн картина резко изменилась.

Б-в и О-в с первых дней зарекомендовали себя как лентяи, лгуны и воришки. Сначала было воровство внутри группы, среди своих ребят, затем начались кражи у своей руководительницы О. Б. Дмитриевой, затем воровство вышло за пределы группы по деревне. Б-в в конце концов связался с воровской хулиганской молодежью деревни. Сначала мы пытались влиять на этих ребят своими силами. Затем были привлечены силы Исполкома Сельсовета. Дальше был привлечен и следователь, который также пытался воздействовать на ребят. И ничего не помогало. О-в признавался в воровстве, но продолжал красть дальше. У того и у другого были случаи пьянки. Хулиганская часть деревенской молодежи стала втягивать этих мальчиков и через них разлагать весь ребячий коллектив. Это были самые трудные для всех нас дни. Мальчишки в возрасте 11–14 лет совсем распоясались. Они отказались работать, требовали только еду, кричали, что их обворовывают руководители. Среди наших ребят появился антисемитизм. Кроме двух названных мальчиков вождем безобразий был еще и Толя М. Это очень умный, живой, культурный мальчик. В нем очень много хороших задатков, но в то же время он, являясь единственным сыном состоятельных родителей, страшно избалован, изнежен и никогда не имел в прошлом в школе хорошей дисциплины. Он презирал труд, считая, что работают только бабы и дураки, Толя не воровал, но избивал ребят, подчиняя слабых себе, и издевался над ними. И вот трое мальчиков требовали от всей группы не работать и не подчиняться руководителям. Недостаточно устойчивые ребята, но не плохие, как, например, Витя Рохлин, Леня Семенов, Аркадий Герцель, Яша Фрейдович, Олег Андреев, стали подпадать под их влияние. Даже очень хороший мальчик Витя Шпринцин был втянут однажды в безобразную сцену, устроенную ребятами по адресу Дмитриевой и Ефимовой. Тогда я, несмотря на жалость к родителям, решила убрать этих ребят из нашего коллектива. Последний раз я, собрав всех мальчиков, пригласив председателя Сельсовета, председателя колхоза, следователя, предупредила ребят, что в случае повторения безобразий переведу несколько человек в специальный детский

дом. Мое предупреждение не помогло, ребята были уверены, что я только угрожаю, но ничего не посмею сделать. И я, получив разрешение в эвакупункте, 25 сентября отвезла Б-ва и О-ва в 22-ой ленинградский детский дом, расположенный в нескольких километрах от нас, и сдала директору детдома тов. Жаворонкову.

Отправку ребят я внешне обставила очень сильно. За ребятами и за мной пришел сельский уполномоченный, который отвел нас в сельсовет. Там был последний отеческий разговор председателя и следователя. Затем нам подали лошадь следователя, которая и отвезла нас в Бор. При прощании было много слез и обещаний, но я им больше не придавала значения. Отправка произвела колоссальное впечатление. Ребят сейчас буквально не узнать. Толя М-в сейчас один из лучших мальчиков. Мальчики выполняют сейчас все, что им поручается, хорошо учатся, хорошо ведут себя в школе, в большой чистоте держат свой дом, сами убирают его, ежедневно моют в нем полы. Изменился и внешний вид мальчиков, исчезла эта внешняя распушенность и неряшливость, с которой я ничего не могла поделать. Сейчас все обстоит благополучно.

Привет всем от всех.

Евдокия Михайловна Ефимова

Евдокия Михайловна Ефимова

Станция Ляды Молотовской обл.

Милице Эдвиновне Матъе

Ленинград

1 декабря 1941 года

Дорогая Милица Эдвиновна.

Вот мы добрались до места назначения, где будем зимовать. Дорога была длинная и трудная, и самое тяжелое в дороге было то, что наши ребята почти все болели корью, которую мы подцепили на пароходе. Итак, наше путешествие продолжалось 38 дней. У нас из коллектива выбыли трое – это Дима Коршунов, Таня Богданова и Татуша Дмитриева, которые умерли от кори в городе Городце Горьковском. В Молотове лежат в больнице Худяк Вова, Васильева Вера, Федоров, Герцель Дима, Ася Симкина. От кори у Худяка осложнение на легкие. В нашем изоляторе лежат все Шолпо от простуды, Лара Васильева от кори, очень плохо выглядит после болезни Дударев Вова, Кира Гаталин, Миша Герасимов. А остальные ребята здоровы. Вадик Лурье молодец, ни одного раза не дал температуры. Вадя Козлов полежал два дня и сейчас идет на поправку. Мы все делаем, чтобы спасти ребят, которые лежат в больнице города Молотова. Но что с ребятами, которые остались в Городце Горьковском, не знаем. Как там справляется Люба Антонова. С ней остались Вика Вильчевская с Никой, который болел корью... Весь день

я и Оля Дмитриева ходили по всем организациям и больницам, навещали детей. Остались ночевать в Молотове, завтра с утра опять добиваться будем от Облгорсовета улучшения питания ребят. Хотя нас сейчас питают хорошо, но за дорогу все ребята похудели.

Расположились мы в школе временно, для нас отделяют другое помещение, где мы будем жить самостоятельно.

Очень жаль Любу Антонову, которая осталась в Городце с больными ребятами, троих она потеряла, прислала телеграмму. Остальные – это Ника и Вика Вильчевские, Витя Шпринцин и Юра Богданов-Антонов – поправляются.

Не сердитесь, что долго не писали. В пути трудно писать. Все расскажем, когда приедем, подробно. Пишите нам чаще, мы в долгу не останемся.

Привет всему нашему коллективу. Где Иосиф Абгарович, не болен ли он. Целую крепко.

Дина Ефимова

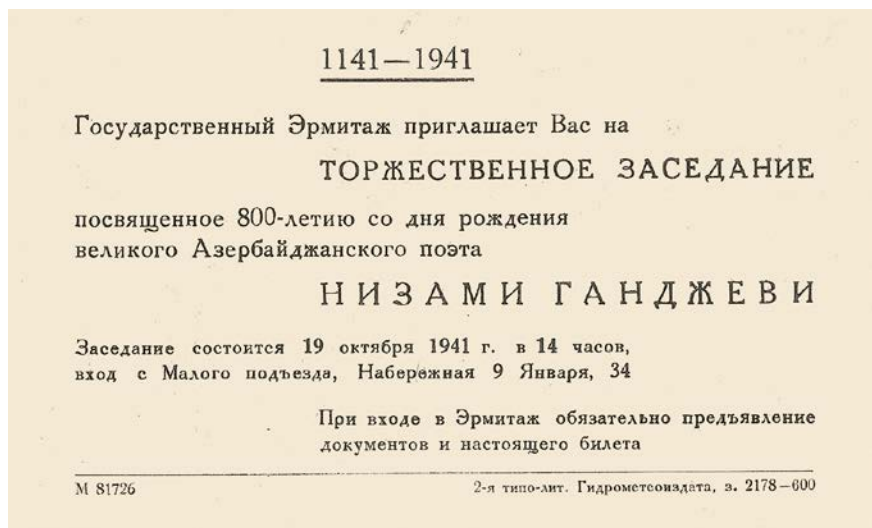
Из воспоминаний Бориса Борисовича Пиотровского

Юбилей Низами

Еще в мирное время шла подготовка к празднованию 800-летнего юбилея азербайджанского поэта Низами, но война смешала все карты. Однако И. А. Орбели хотел обязательно отметить этот юбилей в заблокированном Ленинграде. Он поехал в Смольный для согласования этого вопроса и для вызова с фронта поэта Н. С. Тихонова и основного докладчика М. М. Дьяконова. В Смольном он встретил Тихонова, который отнесся к этой идее пессимистично. «Дорогой Иосиф Абгарович, вы видите, что делается вокруг». Орбели возразил, что именно поэтому и надо отмечать юбилей. Они оба прошли в политуправление Ленинградского фронта, и там Орбели поддержали, обещав на день юбилея откомандировать в Эрмитаж Н. С. Тихонова и М. М. Дьяконова. Юбилейное заседание состоялось 19 октября, и к этому дню был отпечатан пригласительный билет в типографии Гидрометеоиздата, которая работала.

Торжество проходило в «школьном кабинете», где еще остались витрины с моделями знаменитых архитектурных памятников – когда-то в этом помещении заседал Государственный совет Российской империи.

Со вступительным словом выступили И. А. Орбели и Н. С. Тихонов, с докладом – М. М. Дьяконов и А. Н. Болдырев. Стихи Низами читал Г. Птицын. Люди сидели в пальто, но все было торжественно и знаменательно. Н. Тихонов в своем корреспондентском очерке писал: «В великолепном Эрмитаже недавно справляли юбилей великого азербайджанского писателя – человеколюбца Низами... В солнечном Баку откликнулось это торжество, и по всему Советскому Союзу узнали, что в Ленинграде жив могучий дух торжествующего творчества».

Приглашение на торжественное заседание,
посвященное 800-летию Низами Ганджеви. 19 октября 1941 г.

Было приятно встречать прибывающих с фронта эрмитажников. Приезжал и Игорь Михайлович Дьяконов и устроил «вавилонский праздник» – на Древнем Востоке все праздники сопровождалось трапезой, праздника без кормления не бывало. Он привез консервы – шпроты, и после того как все рыбки были разделены между присутствующими, консервное масло было разыграно, его получил А. Корсун.

И голод, и холод, и все равно работа

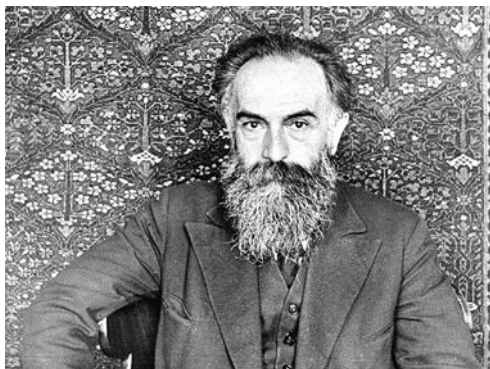
В начале ноября, после ноябрьских праздников, продовольственное положение резко ухудшилось. Гражданское население стало получать на день 125 г хлеба, бойцы местной обороны 200 г и изредка суп, который по-прежнему стоил 9 коп., и бутылку соевого молока. Иногда в качестве десерта выдавалась половина плитки столярного клея, а кусочек осетрового клея из реставрационных запасов казался верхом роскоши.

6 ноября в Свердловск выехали М. Э. Матье и И. М. Лурье; я был назначен профессором Эрмитажа, что мне потом пригодилось, и и. о. заведующего отделом Востока.

Научная жизнь продолжалась. В блиндаже здания Академии наук происходило обсуждение диссертации моей аспирантки Е. М. Калашниковой, родственницы тбилисского архитектора (но она не выдержала последующее время блокады и умерла); читал я также доклад о походе Саргона против Урарту. На нем присутствовал и С. А. Жебелев. Мы вышли вместе, он выражал удовлетворение тем, что наука в трудных условиях не умирает. Эта встреча с моим учителем была последней, а через несколько дней я узнал о его кончине.

Иногда я заходил в Музей антропологии и этнографии, по пути в главное здание Академии, там работал мой дядя Александр Брониславович; я приносил ему табак, который получал по карточкам, а случалось, что и он сам приходил в Эрмитаж. Но эти встречи внезапно прекратились. Однажды он в свой музей не пришел, и обстоятельства его смерти так и остались неизвестными.

23 ноября я был на концерте в филармонии, где выступал оркестр радиокомитета. Исполнялось «Итальянское каприччио» Чайковского (дирижировал Н. Рабинович), и вдруг поблизости стали рваться снаряды, люстра в зале закачалась, но посторонние звуки, напоминавшие слушателям о фронте, впечатление от концерта не испортили, они даже его усилили. С концерта пришлось возвращаться под музыку обстрела и близких разрывов снарядов, но ленинградцы к этому уже привыкли. На улицах висели таблички и были помещены надписи, извещающие о том, по какой стороне улицы при обстреле ходить безопасно. Дальнобойные орудия палили со стороны Петергофа (Петродворца).

Иосиф Абгарович Орбели

В середине декабря остановились трамваи. Работа их прекратилась неожиданно, в центре города на трамвайных путях застряли не успевшие дойти до парка вагоны, и долго стояли они посреди улиц, с выбитыми стеклами, занесенные снегом. После прекращения действия городского транспорта сразу бросилось в глаза увеличение количества людей на улицах, людей, тянущих детские саночки. Откуда взялось такое количество саней? Ю. М. Непринцев говорил, что этим легким саночкам надо поставить памятник, так как они значительно облегчали труд ослабевших людей. Людям пришлось делать пешком громадные концы. Улицы оказались заполненными народом, через мосты шла непрерывная толпа, белое ровное поле замерзшей Невы было перекрещено тропинками, по которым двигались вереницы людей, многие из них тащили саночки. И когда неожиданно начался артиллерийский обстрел и через Неву, завывая, летели снаряды, можно было видеть, как люди, точно по команде, ложились на лед. И мне пришлось через Неву тащить саночки с рукописями Ю. Подгаецкого после его смерти и после отправки умиравшей семьи на Большую землю. Спуститься на лед было легко, а вот выбраться на набережную не хватало сил, и без помощи проходящих моряков я бы не сладил с моим грузом.

В конце декабря и в начале января 1942 г. в значительной мере прекратилась подача электричества и воды. К голоду прибавились еще темнота и холод, воду приходилось брать на Неве из проруби. Такая прорубь для эрмитажников была на Неве, около спуска у дома № 32 по Дворцовой набережной. За ночь прорубь замерзала, и ее надо было вырубать заново. Таким прорубщиком был профессор университета, арабист В. И. Беляев. Иногда приходилось его ждать с топориком и радоваться, когда на спуске к Неве показывалась его хромящая фигура. Он был ранен в ногу во время финской войны.

В таких тяжелых условиях исключительное значение имел хорошо организованный коллектив, и именно таким коллективом был Государственный Эрмитаж.

И. А. Орбели, не любивший будни, в тяжелое время развернулся, его руководство было жестким, иногда безжалостным, но он показывал всем пример.

Значительно позже, в 1977 г., Советский Союз посетил главный судья США Уоррен Бергер. Перед его приездом мне, уже как директору Эрмитажа, передали просьбу посла СССР в США А. Ф. Добрынина показать гостю подлинные приказы по Эрмитажу конца 1941 – начала 1942 г. И я ему эти приказы показал. Там были выговоры за опоздания, конечно не за минутные; там были приказы на увольнения за провинности. Лишение работы и рабочей продовольственной карточки в то время было жестокой мерой, часто губительной, но эти увольнения были какой-то причиной для отбора людей по требуемому сокращению штата. Но наряду с такими приказами были поощрения за хорошую работу, праздничные приказы с поздравлениями, перемещения по работе. Были и приказы, характеризующие неуравновешенность директора. Так, в отдельном приказе он запрещал применять «армейский жаргон» в штабе обороны («Слушаюсь», «Никак нет»), считая эти фразы пережитками царской армии, и предлагал употреблять их «только в семейном быту». Но Иосиф Абгарович оставался Иосифом Абгаровичем.

Эти приказы, к которым Уоррен Бергер сначала отнесся с некоторым недоверием (разумеется, приказ о «жаргоне» ему показан не был), опровергли распространенное в США представление о том, что ленинградцы в тяжелые дни блокады пассивно ожидали свою судьбу. На самом деле было не так, люди трудились в самых тяжелых условиях, женщины и подростки заменили ушедших мужчин, и на оборонных заводах изготавливали снаряды прямо на фронт. Но и деятели культуры и искусства делали свое дело, были на «своем месте».

Работа в Эрмитаже шла по различным линиям. Надо было спешно ликвидировать последствия обстрела, забивать фанерой выбитые стекла, а иногда и целые рамы, обслуживать бомбоубежища, в которых жило много людей, надежно укрыть оставшиеся музейные ценности.

Противопожарная команда МПВО должна была выполнять работу столяров, грузчиков, слесарей и служителей морга. Трагедию повседневной жизни, отраженной в приказе, обнаруживал длинный перечень сотрудников музея, исключенных из списка по случаю смерти. Умирили преимущественно люди, жившие дома и пришедшие в Эрмитаж уже в состоянии дистрофии. Люди, трудившиеся в подразделениях МПВО, держались в коллективе. Основной причиной смерти была дистрофия нервов, представление о безнадежности положения, нервный упадок сил и отсутствие сопротивляемости. Сотрудники, работавшие в самые тяжелые дни блокады, мылись, брились, делили скудный паек на две или три части, спали в свободное время и не разговаривали о еде – это было строжайше запрещено.

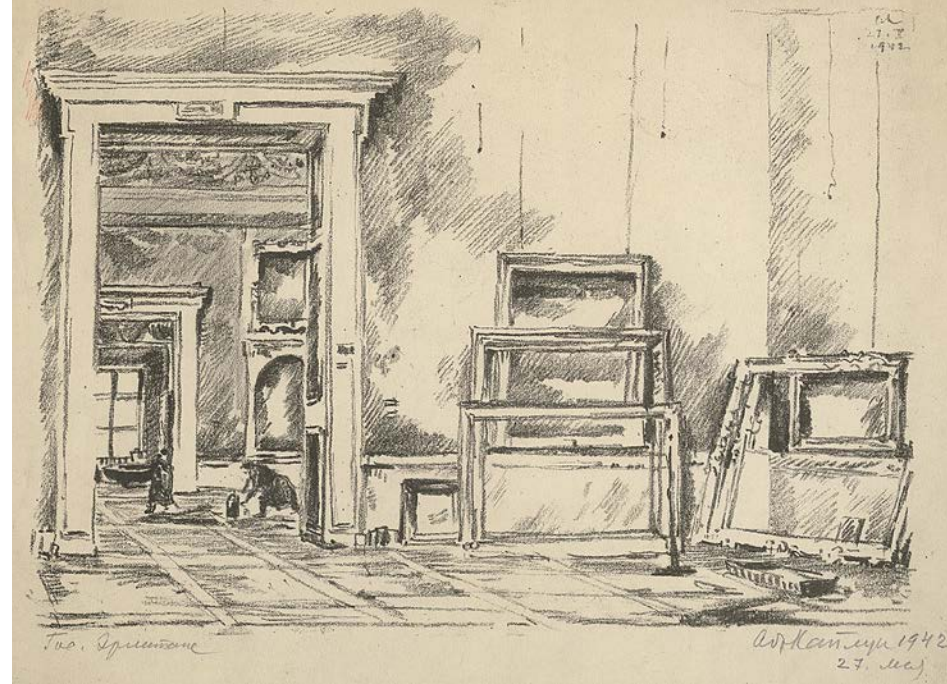
В бомбоубежище была небольшая комнатка с телефоном и двумя койками – для начальника противопожарной команды (А. Н. Болдырева) и для меня, его заместителя. Проснувшись при телефонном звонке, объявляющем тревогу, мы смотрели на календарь, какое число он показывает, четное или нечетное, и тот, чья очередь идти на посты, поднимался, а другой продолжал спать. При тревоге приходилось будить членов команды, находившихся в общем бомбоубежище, и для того чтобы не поднимать шум, будили их подергиванием за ноги.

Дежурные занимали свои определенные посты, и им приходилось вечером бежать по совершенно темным залам Эрмитажа и Зимнего дворца, по маршрутам иногда очень длинным, более двух километров. Но эти маршруты были для них настолько привычными, что они смогли бы пробежать их и с закрытыми глазами.

Большое впечатление оставляли пустые, насквозь промерзшие залы музея. Когда были убраны все предметы, то архитектура залов и их декорировка выступали особенно рельефно ночью: освещенные пожарами, светом, проникавшим через частично заколоченные окна, залы музея становились сказочными, особенно те, где стены были покрыты инеем. Гулко звучали шаги, и эхом отдавался человеческий голос; в роскошных золоченых рамах зияла чернеющая пустота, так как картины из них были уже давно вынуты. Во время вечерних тревог (а в Ленинграде в декабре темнота наступает быстро) можно было наблюдать изумительные зрелища: пожар «американских гор» около зоопарка, горящие зажигательные бомбы на пляже Петропавловской крепости, факелы подоженных деревянных вышек на крышах зданий. С возмущением мы со своих постов иногда видели, как

Один из залов Зимнего дворца во время войны

А. В. Каплун. Большие просветы с пустыми рамами. 27 мая 1942 г.
Литография

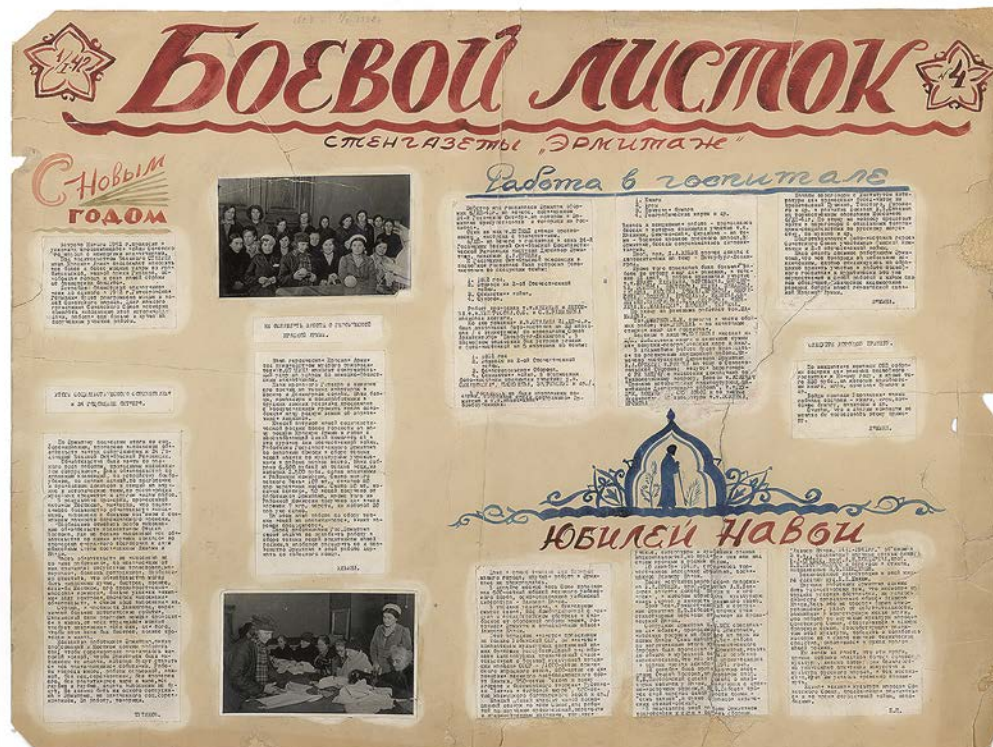
во время налета с земли запускались сигнальные ракеты, отмечавшие, в частности, мосты, и тогда начиналась беспорядочная стрельба. С этой бедой, с предательством, пришлось серьезно бороться.

Во многих районах города во время бомбежек возникали очаги пожаров, и на фоне зарева четко вырисовывались контуры хорошо знакомых каждому ленинградцу зданий: Петропавловской крепости, Адмиралтейства, Исаакиевского собора. Днем они стояли хмурыми, вызолоченный купол Исаакия был выкрашен в серый цвет, а на Адмиралтейскую иглу был натянут брезентовый чехол.

Воздушные налеты немецкой авиации продолжались часто очень долго, иногда до 7 часов подряд. Мне приходилось совершать далекий путь с чайником в руках, разнося кипяток, иногда уже сильно остывший, по постам.

Долгие часы дежурства на постах научные сотрудники даром не теряли, они занимали время разговорами на научные темы. Одно время в ротонде Зимнего дворца я стоял на посту вместе с великолепным ученым, безвременно погибшим, А. Я. Борисовым; я его образовывал в области археологии, а он меня в области семитологии. Я уже упоминал о том, что противопожарная команда Эрмитажа была центром научной работы.

В конце ноября блокаду прорвала открытка из Армении – от С. В. Тер-Аветисяна, с ним я работал на Кармир-Блуре, от Н. М. Токарского и сотрудников Комитета охраны исторических памятников Армении. В ней были

Боевой листок № 4 стенгазеты
«Эрмитаж». 1 января 1942 г.

в которой были обожжены эти изящные фарфоровые предметы. Через день юбилейное заседание было продолжено. На нем состоялся мой доклад о связях поэм Навои с древневосточной литературой, а сотрудник Эрмитажа Николай Лебедев без устали читал свои замечательные переводы произведений Навои. Проведение праздника культуры народов Советского Союза показывает, с каким подъемом могли работать люди в тяжелых условиях.

И. А. Орбели решил издавать сборник докладов, зачитанных на заседаниях, посвященных Навои. Рукопись получила разрешение Ленгорлита, помеченное январем 1942 г., М. Н. Мох начал делать иллюстрации, но благое намерение оказалось неосуществленным.

Можно сказать, что мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941/1942 гг., удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке, и это понятно – в то время можно было или не писать вовсе, или писать с большим подъемом, среднее исключалось.

Михаил Мох, художник Фарфорового завода им. Ломоносова, а после войны художественный руководитель этого завода, и Николай Лебедев, талантливый специалист по туркменской и персидской литературе, поступили

такие строки: «...нам очень приятно, что вы живы и здоровы и среди больших забот не оставляете научную работу». Можно понять, как подняла наше настроение эта открытка, имевшая штамп военной цензуры.

Научная работа облегчала нам тяжелую жизнь. Те, кто был занят работой, легче переносили голод. Чувство голода со временем обычно переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях. И так же, как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе.

Умирая, не забыли Навои

10 декабря, в тот день, когда перестали ходить трамваи, в Эрмитаже проходило торжественное заседание, посвященное 500-летию поэта Навои, основателя узбекской литературы. После вступительного слова И. А. Орбели и научного доклада А. Н. Болдырева поэт Всеволод Рождественский, прибывший в военной форме, читал свои переводы стихов Навои, а в витрине были выставлены фарфоровый бокал и коробочка, специально расписанная к этому дню художником М. Н. Мохом. Эти фарфоровые изделия могли быть обожжены лишь благодаря помощи моряков. База подводных лодок «Полярная звезда», вмерзшая в лед Невы около Эрмитажа, протянула кабель в подвалы Эрмитажа для муфельной печи,

в Эрмитаж в 1941 г. на должность чернорабочих. Они возили кирпич, закладывали окна подвальных помещений, таскали доски, а в свободное от этих работ время занимались своим основным делом.

На заседании, посвященном Навои, Н. Лебедев выступал уже физически полуживым, от истощения он еле двигался, но его приходилось удерживать от слишком большого количества стихов, которые он отобрал для чтения.

После второго заседания, 12 декабря, он слег и не смог уже подняться. Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то, несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и декламировал свои переводы и стихи. И когда он лежал уже мертвым, покрытым цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи.

29 декабря в Институте востоковедения Академии наук СССР также состоялось заседание, посвященное Навои. В холодном зале библиотеки собрались укутанные люди, в которых трудно было узнать знакомых ученых-востоковедов. Заседание прошло активно. После вступительного слова академика И. Ю. Крачковского с докладами выступили проф. Е. Э. Бертельс и Б. Т. Руденко. Последний читал доклад, очень заинтересовавший меня своей темой, но так как из-за холода он его сильно сокращал, то Руденко дал мне рукопись доклада, которую вернуть ему я не смог, так как вскоре во время дежурства в институте Б. Т. Руденко уснул и не проснулся. Экземпляр его доклада, притом единственный, у меня сохранился, и значительно позже он был напечатан по этому экземпляру, переданному мною в Институт востоковедения АН СССР.

Не затухала работа и в Институте истории, но я на научные заседания туда не доходил.

Еще в октябре и первой половине ноября в Доме ученых, ожидая скудный обед, подававшийся в полутемном зале бывшего ресторана, я встречал своих старых знакомых историков. Сильно изменившихся, с закопченными от «буржук» (печурок) лицами и руками, но полных энергии, строивших планы своих научных и организационных работ, несмотря на то, что многие из них стояли уже на пороге смерти.

Новый год с И. А. Орбели

Кончался 1941 г. В новогоднюю ночь И. А. Орбели выступал в радиоцентре на Манежной площади, и я его туда сопровождал. Дошли благополучно, без труда. Кроме Орбели, выступал летчик, сбивший тараном фашистский самолет, рабочий и кто-то из литераторов. В студии зрителей было мало, нам раздали кружки с кипятком, и мы должны были вести себя шумно, чтобы создать впечатление переполненного зала.

Когда возвращались в Эрмитаж, начался артиллерийский обстрел. Недалеко перед нами, около Русского музея, разорвался снаряд, а мы шли в ту сторону, инстинктивно замедлили шаг; следующий разорвался уже за нами, и мы поспешили выйти к Мойке, и когда перешли через реку, то были уже в безопасности, так как эта сторона набережной не простреливалась.

Вернулись в Эрмитаж уже в 1942 г. Обитатели бомбоубежища, около которого была рабочая комната Орбели, торжественно Иосифа Абгаровича встретили и поднесли ценный подарок – поднос со спичечными коробками. Я поспешил в убежище, где жила моя мать, и поздравил всех с уже наступившим Новым годом.

Для сотрудников Эрмитажа большой тяготой была трудовая повинность по уборке дворов и улиц вокруг Эрмитажа и Зимнего дворца. Получив одну из разнарядок, Иосиф Абгарович позвонил начальнику милицейского отряда, охранявшего Эрмитаж, с просьбой вывести милиционеров на помощь эрмитажникам. Командир отряда по телефону ответил, что «милиция – орган надзора и в трудовой повинности не участвует». Орбели пришел в ярость, закричал, что он не знает, какой орган представляет собою милиция, но если милиционеры – советские люди, то он заставит их выйти на работу, но он должен выяснить вопрос о принадлежности ведомственной милиции к советским людям, и повесил трубку. Командир отряда пытался несколько раз звонить Орбели, но тот отвечал: «Уважаемый орган, я вопрос о принадлежности вас к советским людям не выяснил».

Раздался звонок, у телефона начальник милиции города тов. Соловьев, Герой Советского Союза. Он спросил у Орбели, что у него произошло с командиром отряда ведомственной милиции. Иосиф Абгарович разошелся и начал Соловьеву говорить непередаваемые текстом слова. Соловьев его урезонивал и просил остановиться, я сидел рядом с телефоном и все отчетливо слышал. Воспользовавшись паузой, Соловьев сказал: «Дорогой академик, не шуми, не посылай своих дистрофиков на работу, я пришлю помощь». И действительно, на двух машинах прибыли красноармейцы, которые очистили от снега улицу и тротуары.

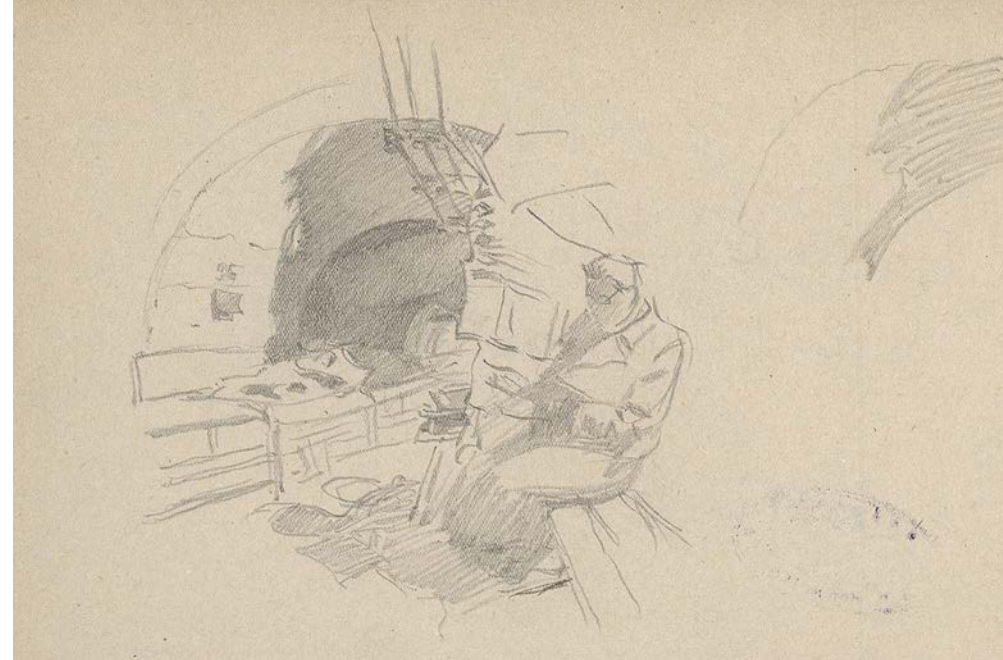
Мне приходилось в эти дни постоянно бывать около Орбели, и я часто слышал его «взрывные разговоры» по телефону. Эрмитажу всегда оказывалась помощь.

Из воспоминаний Ревекки Ионовны Рубинштейн

Я довольно часто ходила в подвал Эрмитажа, где жило много моих друзей. Там был устроен настоящий «табор». В отсеках под сводами каждая семья устраивала свой угол; завешивали, чем могли, чтобы отгородиться от посторонних взглядов. Фактически все сотрудники, оставшиеся в Ленинграде, перекочевали в подвал, очень немногие оставались дома. Наталья Давыдовна, разумеется, не уехала от своих кошек, жила с ними в своей квартире на Дворцовой набережной. В подвал входили с улицы через служебный вход у Зимней канавки. Шли через коридор и вестибюль в Двадцатиколонный зал, где у входа горел маленький фонарик, оттуда шли через маленький зал с мозаикой у окна в следующий, где стоял другой фонарик. Оттуда – выход во двор и со двора вход в подвал. Во всех уголках сквозь занавески просвечивают «мигасики» – фитильки в баночке с каким-нибудь горючим. Позже Орбели добился подводки электричества от корабля, который стоял на Неве у самого Эрмитажа. Шума

С. М. Михайлов. Художник И. И. Варакин в бомбоубежище в Эрмитаже. 1941 г. Бумага, карандаш

С. М. Михайлов. Бомбоубежище в Эрмитаже. 19 ноября 1941 г. Бумага, черный мел, уголь

Софья Александровна Пиотровская. 1930-е гг.

Константин Борисович Пиотровский. 1940-е гг.

в подвале не было, только какой-то гул приглушенной жизни в этом убежище. Спасались от бомбежек, да и вообще – легче было все переносить вместе со всеми, а не в одиночку. Но от голодной смерти, к сожалению, очень многие не спаслись.

Вместе с Пиотровскими я встречала там 1942 год. Кроме Софьи Александровны и Бориса пришел его брат Костя... и кто-то еще. Собрали все свои пайки, достали свечи вместо «мигасика», я принесла пиво, которое мне неожиданно выдали по каким-то талонам. Самый богатый вклад сделал Костя – он был военный и его паек был несравним с нашим. Встречали Новый год тревожно: что он принесет нам? Сколько еще страдать нашей земле? Но в победу верили твердо. Только бы дожить до нее. Вот именно в этом не было уверенности.

Январь и февраль 1942 года были рекордными по количеству смерти от голода. Самое удивительное, что, несмотря на морозы, на ослабленные

голодом организмы людей, не было никаких эпидемий, даже простуд. Косила дистрофия. Легче стало к середине февраля, когда открыли «Дорогу жизни». Через лед Ладожского озера шли грузовики с продовольствием, обратно на них увозили детей, стариков, наиболее ослабленных людей. Улетел в Ереван Орбели, с ним улетел Борис [Пиотровский]. «Дорога жизни» была очень опасной трассой: ее бомбили с воздуха, обстреливали из дальнобойных орудий. Но машины шли днем и ночью, спасая ленинградцев. <...>

Мне помогло выжить то, что я все время помнила: у меня трое, без меня они пропадут, ведь неизвестно, что с Колей [Н. А. Шолпо]... Именно поэтому, как ни трудно было, находила силы не съесть сразу весь паек, а делить его на три части.

Из воспоминаний Веры Владимировны Милютиной*

Про Эрмитаж в блокаду

Высший художественный институт, а проще говоря – Академию художеств, я окончила в 1932 году у профессора М. П. Бобышева как театральный художник. С тех пор, в соответствии с моим профессиональным «профилем», я им многие годы и работала. И, конечно, с ранней юности постоянно рисовала и писала с натуры все, что меня интересовало там, где мне доводилось бывать: пейзажи и «архитектуру», дворцовые интерьеры и крестьянскую утварь. С годами рисунки мои перестали быть только материалом для будущих постановок, а сделались самостоятельными графическими работами, потому что графика привлекла меня к себе не менее сильно, чем театр.

Начало Великой Отечественной войны застало меня в должности главного художника Ленинградской государственной эстрады, закрывшейся в первые же ее месяцы. Здание ИЗОРАМа, где я и еще несколько художников исполняли летом и ранней осенью 1941 года «лубочные картинки» и открытки (по сведениям, сообщавшимся ТАСС), оказалось разбомбленным. Мы дважды «переезжали» (учреждение и я сама!), началась страшная, морозная блокадная зима, и в феврале в ИЗОРАМе нас осталось всего четверо художников плюс директор... Я перешла в Ленгороформление, а по заданию Выборгского районного комитета партии начала делать карикатуры для окон РОСТА, так как ранней весной началась общегородская уборка Ленинграда.

Надо было, главным образом силами ленинградских женщин (мужчин в городе осталось мало), расчистить проезжие улицы от завалов, вынести покойников из подвалов, навести порядок на могилах погибших блокадников, восстановить водоснабжение в квартирах, помочь наладить транспорт.

* Текст воспоминаний воспроизведен по книге: *Розанов А. С. Вера Милютина и о ней.* М. : Прометей, 1991. С. 21–27.

А. В. Каплун. Портрет Веры Владимировны Милутиной. 27 апреля 1942 г. Бумага, карандаш, сангина

В. В. Милутина. Разрушения в одном из внутренних дворов Зимнего дворца. 1942 г. Фотография с утраченного рисунка

Требования к моим карикатурам предъявлялись невысокие, но я старалась изображать с портретным сходством тех из работников домовых бригад, кто уваливал от работы. Город же кругом, особенно ночью при яркой луне, был полон такой зловещей живописности, с такой страшной декоративностью громоздились остатки разбомбленного дома, где я прожила двадцать три года. И так было важно, и так хотелось все это нарисовать. Но времени для себя у меня не оставалось нисколько.

А в феврале ко мне пришел Андрей Андреевич Барташевич (он был заместителем Б. И. Загурского в Ленинградском отделении Комитета по делам искусств). Сказал, что я включена в число пяти художников, которым поручено зафиксировать «ранения Эрмитажа». Предлагалось немедленно, завтра же приступить к изображению: 1) разрушений зданий, причиненных бомбежками и артиллерийскими обстрелами, 2) уборки помещений силами оставшихся в Ленинграде сотрудников музея, 3) вида зал, уже приведенных в порядок после эвакуации экспонатов и ликвидации разрушений. Каждый из художников мог выбрать объект по своему желанию, любой материал и выполнить работу в любом размере.

В группу были зачислены: живописцы Б. В. Кучумов и В. В. Пакулин, график А. В. Каплун и я – театральный художник, а кто был пятым, к сожалению, забыла.

Я очень обрадовалась: это было то, что мне хотелось делать, хоть я и не знала, хватит ли у меня сил (правда, обещана была еще и дополнительная порция супа в столовой).

И вот по утрам я стала выходить из дома, плотно запакованная во все шерстяное, что только нашлось: в стеганом ватнике и ватных же штанах, туго стянутая поясом. На ногах – валенки с теплыми стельками, на руках – пульсники, а в руках – палка. Хоть и съедена ровно половина хлебного пайка и выпита кружка кипятка, походка была неуверенной. (Палка – она друг дистрофика!) За спиной рюкзак, в нем две фанерные «доски на рамках», листы бумаги и кальки, коробочка с карандашами и кусочком сахара (на всякий случай...). Иду радостная – я иду рисовать!

Зима подходит к концу. Должно стать легче жить. Только будут ли силы? Но ведь я иду рисовать, значит, будут. Подхожу к Литейному мосту. Нева! Сколько здесь женщин! Они сбрасывают снег через перила на лед. Подъезжают грузовики со снегом. По тротуарам на горбатой середине моста ползут одинокие фигуры, иногда они тащат санки. Кто-то сидит на снегу – не встать? Или это просто озябшие, голодные люди, уставшие от работы ломом и лопатой? Или те, что шли на работу, но вдруг теперь обессилели? Чем им поможешь? Спасла бы их ложка сахарного песка, или полстакана кофе, или даже несколько глотков кипятку...

А по сверкающему льду реки протоптаны во всех направлениях тропинки. Одинокие черные фигуры плетутся и по ним, окруженные белым простором. Ни одной полыньи...

Мост кончился. Набережная Невы. Летний сад. Он поредел. (Решетка цела, но нет «будочек», в которых обычно зимуют статуи.) Идти уже не под силу. Все чаще присаживаюсь на гранитные скамьи на спусках, на

В. В. Милютин. Вид на Неву и Кировский мост из окон Старого Эрмитажа. 1942 г. Бумага, акварель

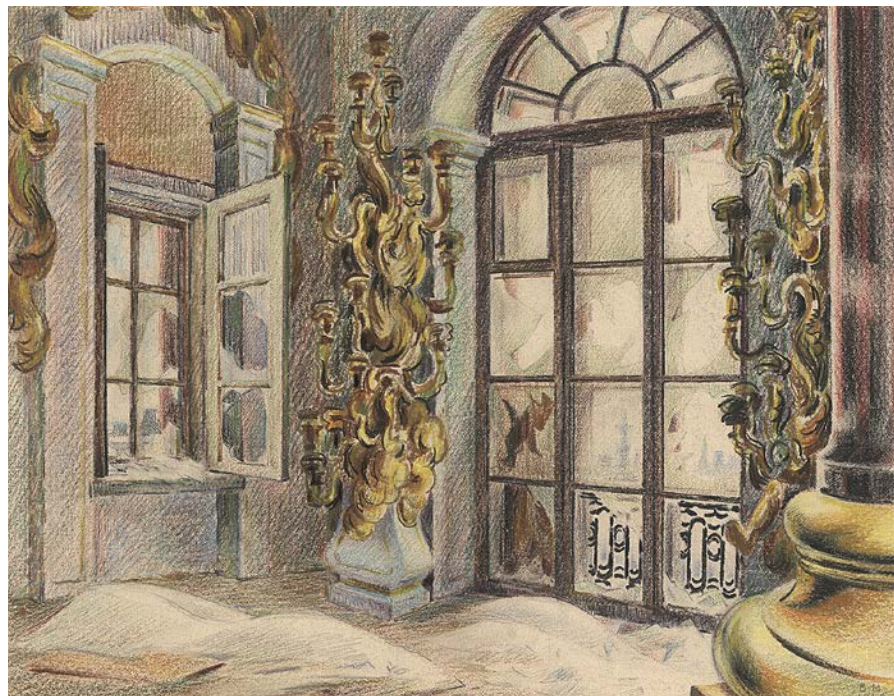

Ада Васильевна Вильм

ступени у мостов. Передыхаю. Иду дальше. Наконец, Зимняя канавка. И – вот он – Эрмитаж! Два корабля прямо у каменного парапета. Я уже знаю, что один дает «свет», а другой «воду» в здание музея. Малый подъезд. Меня встречает Ада Васильевна Вильм. Поднимаемся по лестнице в бельэтаж.

Великолепие пустого, местами разрушенного Эрмитажа казалось нереальным. То была сразу и картина бедствия, и необыкновенной, невиданной роскоши! Поразительное и незабываемое зрелище! Мрамор и позолота под слоем инея. Иорданская лестница... страшно ступать на ступени, сплошь устланные кусочками какой-то пленки – это отслаивается и осыпается живопись плафона. Опустевшие залы величественны и огромны, их стены в кристаллах изморози. Никогда еще они не казались мне такими великолепными. Прежде внимание обычно приковывали к себе живопись, скульптура или прикладное искусство и малозаметным оставалось искусство создавших дворцы замечательных архитекторов и декораторов. Сейчас здесь осталось только их изумительное искусство (да повсюду следы жестокого, безмозглого фашистского варварства)...

С начала осени помещения были уставлены белыми асбестовыми колпаками с колечком наверху, чем-то похожими на раскрытые зонтики. Ими следовало тушить зажигательные бомбы (!). Рядами стояли маленькие мешочки с песком (тоже на случай пожара). Песок и на листе фанеры, а в кучу

В. В. Милютинa. Иорданская лестница. Второй этаж.
Март 1942 г. Бумага, цветной карандаш

В. В. Милютинa. Зал с пустыми рамами и песком.
Апрель 1942 г. Бумага, уголь

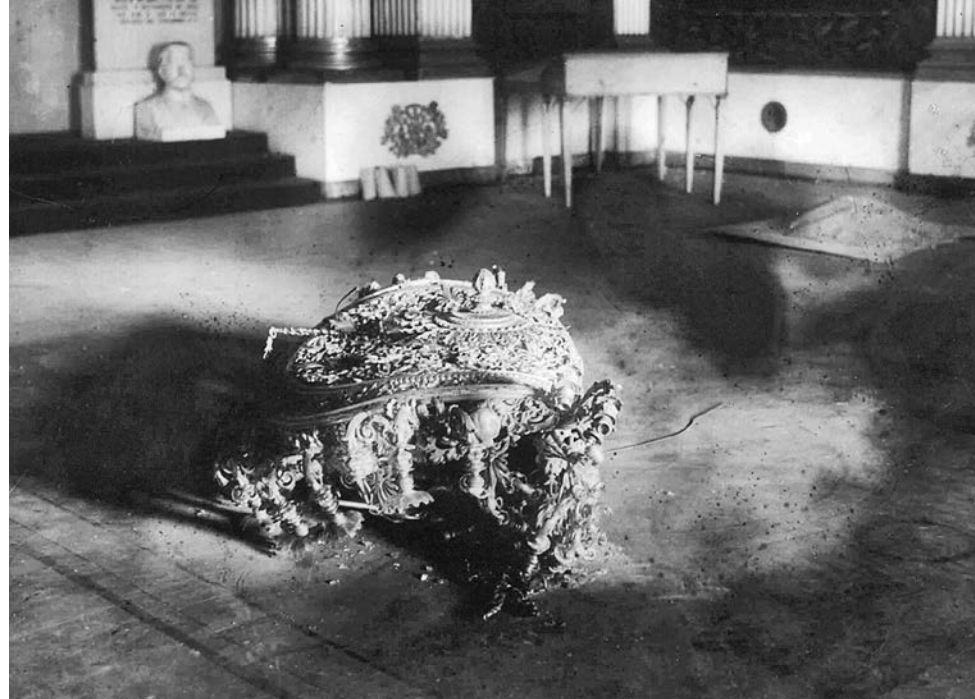
воткнута безнадежно вмерзшая в него лопата. Снежные сугробы под разбитыми окнами. Кое-где прорвались днища у многоведерных баков, и вытекшая вода ледяными озерами замерзла на драгоценном паркете. В них отражалось величие заиндевевших стен и плафонов.

«С чего будете сегодня начинать?» – спрашивала Ада Васильевна. Каждый день по утрам я являлась к ней, суровой и требовательной, но притом удивительно внимательной и по-своему доброжелательной к окружающим; круглосуточно (она жила на казарменном положении) за всем наблюдающей и принимающей необходимые меры.

Прежде всего надо было найти кого-то, кто оставался бы возле меня во все время моей работы. Мы отправлялись в дежурку. Там вокруг топящейся печурки сидели закутанные фигуры неопределенного пола и возраста, с кружечками кипятку и черными сухариками в руках. Кого-нибудь из них Ада Васильевна назначала быть моим сторожем, и одна из этих закутанных в одеяла и платки личностей плелась потом за мной по пустым музейным

В. В. Милютина. Зал Рембрандта. 1942 г. Бумага, акварель

Разбитая люстра в Петровском зале. Январь 1944 г.

анфиладам, тоже хрустя битыми стеклами (они вылетали из окон от бомбежек и обстрелов, их заменяли деревянными щитами и листами фанеры. Уже так мало оставалось там целых розоватых и фиолетовых зеркальных стекол XVIII века).

В залах стоял мороз. В зияющие проемы окон дул ледяной ветер. В открытые двери виднелся уходивший вдаль длинный ряд зал. Знакомые помещения выглядели необычно и даже жутко. На прежних местах висели пустые рамы от эвакуированных картин. Лежали сорвавшиеся с потолка и грохнувшие на пол огромные люстры. В рыцарском зале, как призраки, толпились раздетые, без оружия и доспехов, обтянутые замшей фигуры рыцарей и их коней. Позы манекенов, казалось, выражали недоумение или даже отчаяние.

Рисовать «объект» я садилась на ящик с песком или поваленный постамент от эвакуированной скульптуры, а мой «часовой» покорно (или свирепо) ждал, когда я кончу работать. А работала я медленно. Рисовать было трудно. Уголек не сразу повиновался замерзшим пальцам, скрюченным от голода, работы на окопах, от цинги. Правда, когда это становилось нужным, я могла вынуть левую руку из рукавички, размазать уголь по ледяному на ощупь листу и быстро спрятать ее обратно. А вот правую руку приходилось часто греть за пазухой. (К счастью, спасал стеганый ватник, рассчитанный на мужчину.)

В. В. Милютинa. Уборка в Больших Просветах.
Март 1942 г. Бумага, уголь

Трагический колорит того, что я видела, как мне казалось, вернее всего мог быть передан бархатистой чернотой прессованного угля. Очень помогла мне и сама фактура чудом сохранившейся у меня шершавой бумаги. Когда кончились сильные морозы, но в залах не стало теплей, она почему-то начинала отсыревать (и тут пошли новые трудности). Небольшие наброски я чаще всего делала карандашом-негро, но не могла рассчитывать на то, что смогу окончить начатое по памяти дома, без натуры. (Часы «промерзания» в Эрмитаже, затем нелегкий путь домой... Нет, там уже не поработаешь. Не хватает сил.)

С другими художниками, работавшими по тому же заданию, я встречалась в залах лишь изредка. Вячеслав Владимирович Пакулин писал маслом свои великолепные холсты. Чаще всего я видела его возле окон. Как-то он сказал мне: «Бросьте вы ваши кирпичи! Пишите лучше Неву. Смотрите, какой простор!» Я не последовала его совету. Адриан Владимирович Каплун работал над небольшими листами. На собранном материале он, по-видимому, хотел исполнить потом серию гравюр.

Василий Никитич Кучумов, отличный живописец и опытный «интерьерщик», до войны много писал и рисовал во дворцах Ленинграда и его пригородов. Он хорошо знал их архитектуру, отделку и убранство. Я многому научилась, занимаясь у него на монументальном отделении в Художественно-промышленном техникуме. А теперь, в такой суровый период в истории нашей Родины, нам довелось встретиться и вместе работать.

Ближе к вечеру (еще бы немного... ну еще немножечко, чуть-чуть посидеть, вот сейчас закончу...) неумолимая фигура караульщицы свирепо гонит меня вон – она больше не может ждать, озябла, устала...

Начинался обратный путь на Выборгскую сторону. Надо опять и опять прятаться в подворотнях, в парадных – тревога! Окопный пропуск, дававший право ходить по улицам во время бомбежек, просрочен и меня могут «забрать» на сутки, хоть паспорт и всегда со мной. Значит, время до отбоя приходится где-то переждать. Последним «бомбоубежищем» на моем пути чаще всего оказывался нижний коридор Дома писателей на Неве. Там не сквозило и было не так морозно.

В. В. Милютин. Рыцарский зал (Георгиевский зал Зимнего дворца).
1942 г. Бумага, акварель

И, наконец, – я дома! Наше временное жилище цело, дедушка вернулся с работы. Сегодня им выдали там сыромятных ремней. Только их надо очень долго варить – кто-то из знакомых уже пробовал, а дров мало... Студень из столярного клея уже застывает на окне – это на завтра. Съедаем похлебку из половины концентратного кубика. Теперь – вода!!! Общий водопровод «для всех» во дворе давно замерз. Неужели и сегодня придется с саночками и двумя ведрами ползти на Неву? Нет, слава богу, в одной пустующей квартире в соседнем доме есть вода! Только течет она тонюсенькой струйкой... Канитель!

Потом – дрова! Оказывается, что наш сарай исчез ночью вместе с остатками дров и деревянным забором. Здорово! Придется просить в жакте, чтоб разрешили нам выломать простенки из нашего разбомбленного деревянного дома-флигеля, погибшего от «фугаски» еще в октябре 1941 года. А сейчас мы живем в доме без крыши, потому что там верхний этаж недавно сгорел по милости «зажигалки». Должно быть, нас скоро переселят? Ну, ничего. Сейчас мы оба живы, оба в силах работать, как-нибудь все обойдется. А пока что мы укладываемся на уцелевший диван и засыпаем, не обращая внимания на объявленную тревогу. В бомбоубежище мы перестали ходить, хоть с приближением весны и артиллерийские обстрелы вновь прибавились, и притихшие было зимой бомбежки.

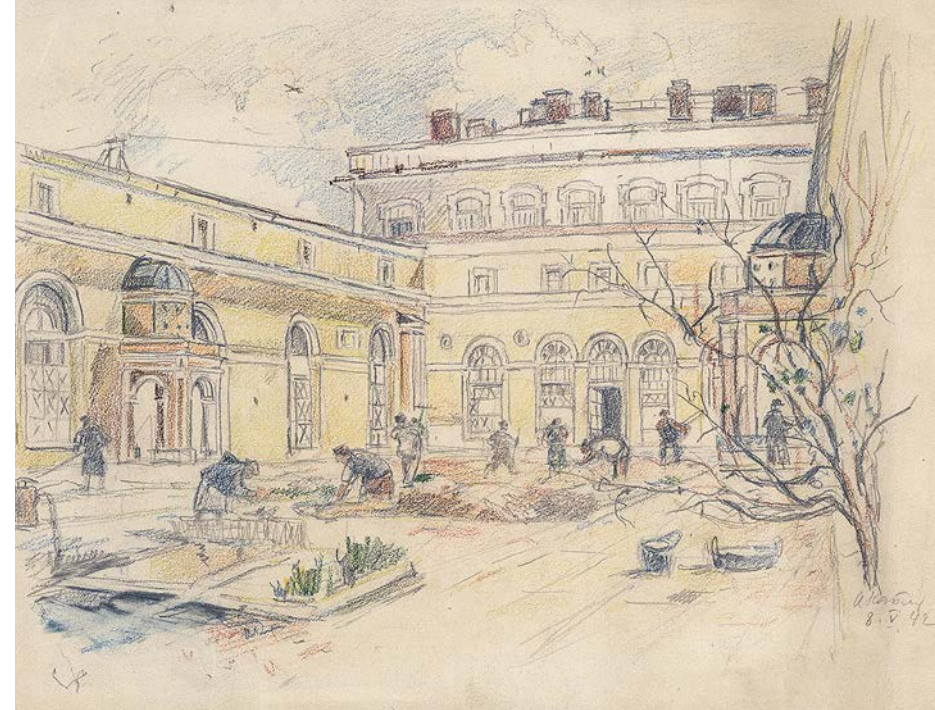
Кончились лютые морозы. Увеличили хлебный паек. Стало светлее. И на душе легче. Много народу уехало из Ленинграда по Дороге жизни (и еще больше народу умерло...). Яснее стали видны разрушения (иной раз целые дома в разрезе) на прибранных опустевших улицах.

Опустело и эрмитажное убежище (где до того спасалось около двух тысяч человек). Остался лишь небольшой коллектив сотрудников музея. Ученые делали свое дело: М. В. Доброклонский (он после отъезда И. А. Орбели стал «начальником объекта»), Н. Д. Флиттнер, Э. К. Кверфельдт, А. П. Султан-Шах, Н. М. Шарая и другие. В стационаре при Эрмитаже подкормили-подлечили слабых и пожилых. Большинство помещений Эрмитажа сотрудники привели уже в порядок. Однако, когда начались оттепели, на стенах промороженных, не согретых солнцем дворцовых зал по-прежнему сверкали кристаллы из изморози. Там было холоднее, чем на улице!

Я перешла к цветным карандашам. Такая радость – передавать цвет неба, воды, стен! Почувствовала освещение! Теперь можно было попробовать акварель, но оказалось, что в сырости она не сохла! Да и «караульщицы» свирепели оттого, что нам надо было (по лестницам!) далеко уходить за водой!

В. В. Милютина. Огород в Висячем саду.
1942 г. Фотография с утраченного рисунка

А. В. Каплун. Огород в Висячем саду.
8 мая 1942 г. Бумага, карандаш, цветной карандаш

Земельный Отдел Исполкома Ленинградского
Городского Совета депутатов трудящихся

Район Зверинский
г. Ленинград

БИЛЕТ ОГОРОДНИКА
№ 1112

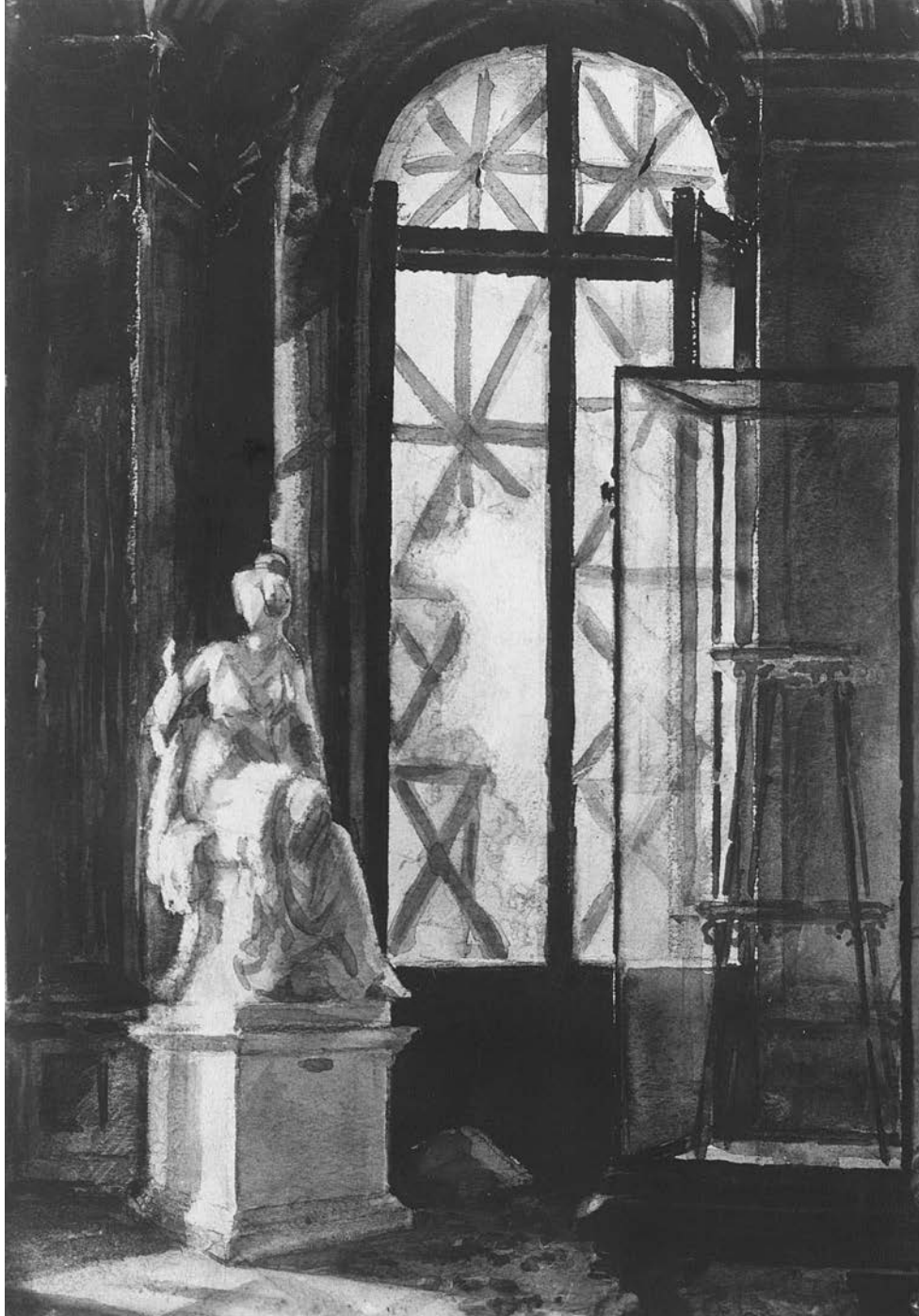
Фамилия Вильям
Имя Александрович
Отчество Сергеевич
Предприятие Зод. Эрмитаж

1. Размер индивидуального огорода <u>150</u> квадратных метров	Отметка об отпуске семян и рассады			
2. Место нахождения огорода <u>Зод. Эрмитаж</u>	№№ п/п	Дата	Количество отпу- щенных семян	Отметка об отпуске
3. Адрес огородника <u>Наб. Вайнера 9, 34</u>				
4. Количество человек семьи, на которых выделена всяма для индивидуального огорода: <u>2</u> человек				
<u>12</u> <u>апреля</u> 1943 г.				
Руководитель предприятия: <u>М. М. М. М.</u>				
М. П. Префабзавкома: <u>Судман</u>				

Билет огородника, принадлежавший А. В. Вильм. 1943 г.

Рядом с В. В. Пакулиным я однажды писала акварелью «Вид на Зимнюю канавку и Эрмитажный театр» сквозь «розовое» эрмитажное стекло (а он писал маслом через обычное). Одновременно с А. В. Каплуном я рисовала «Висячий садик». Сюда, на свет, эрмитажники выбрались из сырых и темноватых помещений и теперь копали грядки для овощей на месте екатерининских клумб (кусты роз и пришлось для этого выкопать).

И вот я пишу «Золотую гостиную». Разбитые в мелкую крошку си-
ренивые стекла утомительно хрустящим под ногами аметистовым сло-
ем усеивают пол. В окнах – серый, замаскированный купол Исаакия; за ними
уже по-весеннему тепло. Мраморная статуя сидящей молодой девушки
(с отбитым пальчиком) в золотых рефлексах, густая лазурь стен, все вме-
сте выглядит нетрагично. Все разрушения временны, все поправимо и бу-
дет, несомненно, восстановлено. И на сердце становится веселей.

В. В. Милютина. Золотая гостиная.
1942 г. Фотография с утраченного рисунка

Вид с крыши Зимнего дворца.
1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

К сожалению, папка с частью работ (акварель, цветной карандаш, уголь), которую я успела передать Б. И. Загурскому, вскоре непонятным образом таинственно исчезла из его кабинета (так же, как и все рисунки А. В. Каплуна). И ни одна из этих вещей так никогда и нигде до сих пор не «всплыла».

Но в памяти моей навсегда сохранилась увиденная и пережитая феерия: прекрасные промерзшие и величественные залы Эрмитажа и дивная Нева в его окнах. Пылающие золотые весенние закаты за Биржей и Ростральными колоннами. Мне казалось, что никогда еще мой родной город не был так красив, как тогда! Надо дожить до Победы... И дожили!

Из воспоминаний Бориса Борисовича Пиотровского

Незабываемые подарки

В начале января я серьезно заболел, было что-то вроде воспаления легких. Врачей не было, так же как и лекарей, свою городскую квартиру из-за непригодности для жилья пришлось бросить, и я лежал в холодной квартире у Н. Д. Флиттнер. Тем для разговоров по археологии Древнего Востока хватало, но кроме того, мы читали вслух рассказы Вл. Соловьева на темы русско-турецкой войны. Когда я стал поправляться, то работал по составлению конспекта книги Леман-Гаупта «Армения прежде и теперь», где выискивал данные об его раскопках в Ване. На полях конспекта появилась реплика: «Очень холодно!».

Когда я выздоровел и стал перебираться снова в помещение противопожарной команды, то «за постой» не я заплатил Флиттнер, а она, вручив мне сиракузскую серебряную декадрахму IV в. до н. э. Самую замечательную и красивую из монет. Она рассказала, что очень давно получила эту монету от коллекционера, который был к ней равнодушен. Повезло не коллекционеру, а мне.

14 февраля был мой день рождения, исполнилось 34 года. Приехал из Лисьего Носа брат Константин, привез краюшку хлеба, но так как пришлось ехать в сильный мороз, то хлеб превратился в крошки. И. А. Орбели подарил флакон (от одеколона) со спиртом и кусок столярного клея. М. Н. Мох расписал и обжег небольшой химический тигелек со знаменательной датой. Таким образом, угощением была каша из хлебных крошек и желе из столярного клея – оно показалось царским. Но половину флакона спирта я оставил, так как мне надо было отправлять на Большую Землю некоторых сотрудников Института истории материальной культуры, и в частности В. И. Равдоникаса; я предполагал, что даже капля спирта поможет мне убедить его ехать. В. И. был арестован и после освобождения находился в упадочном состоянии. Мне было поручено доставить его силой на сборочный пункт.

Я пошел к нему, квартира была открыта, все было, как после погрома, книги на полу. Я стал его звать, и из-под горы тряпья раздалась его махровая ругань, он ничего не хотел слушать. Я ему объяснил, что принес талон на место в автобусе, что его по ту сторону Ладожского пути будет ждать его сын, и поставил около него флакончик с остатками спирта – «бензин на дорогу» – и кружку с водой. Ушел, сказав, что приду назавтра его проверить. На другое утро я задержался и пришел с опозданием, квартира была закрыта, на стук никто не отвечал; обратился к соседям, те сказали, что Равдоникас утром собрался и ушел. Уже после войны он рассказал мне о том, как его взбодрила «капля бензина», принесенная мною. В то время иногда мелкий пустяк выводил человека из шокового состояния.

Февраль принес Ленинграду улучшение, значительно прибавился хлебный паек, до 400 граммов. Еще после успеха советских войск на Тихвинском фронте угроза взятия Ленинграда врагом была снята. Стало ясно, что немцы никогда не вступят в город и что им пришлось перейти к обороне, закопаться в снег и землю для того,

Сотрудницы Эрмитажа во время дежурства на крыше Зимнего дворца. 1942 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Подразделение бойцов-лыжников направляется по улице города к линии фронта. 1943 г.

чтобы всеми силами сдержать кольцо блокады. Но она фактически была уже прорвана задолго до 19 января 1943 г. В исключительно сложных условиях по льду Ладожского озера была проложена автомобильная трасса, связывавшая Ленинград с юго-восточным берегом озера. По этому ледяному пути начиная с февраля и до первых чисел апреля непрерывным потоком шли в город Ленина груженные продуктами автомашины. Одновременно этими же машинами началась планомерная эвакуация города. Выехать могли поголовно все желающие. Университет был эвакуирован в полном составе, и после недолгого перерыва исторический его факультет продолжил свою работу в Саратове. Ученые получали командировки в различные города Советского Союза по их желанию.

Федор Антонович Каликин

Ленинград

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

27 февраля 1942 года

Милый, дорогой Владимир Францевич!

После долгого вынужденного молчания пишу Вам снова и снова прошу иногда сообщать хоть открыткой о своем здоровье и жизни в ваших краях.

Простудившись стоя на дежурстве, стоя на вышке, во время В. Т. [военной тревоги], я с 24.XII. 41 года заболел да и провалялся вот до сих пор, сейчас уже не только встаю, но и хожу. Значит, есть надежда на дальнейшую поправку.

Затем, Вы знаете из газет о прорыве ленинградской блокады. Я добавлю к этому следующее, что прорыв блокады вдохнул в нас жизнь и укрепил нашу веру, наши надежды на скорейшее уничтожение заклятого и омерзительного врага.

Дорогой Владимир Францевич!

Николая Дмитриевича [Михеева], Вашего товарища по комнате и нашего общего товарища и друга, постигло несчастье. Судьба унесла жизнь его любимой супруги. У меня к Вам просьба употребить весь Ваш авторитет, опыт и умение поддержать его душевное равновесие, не дать упасть ему духом, ободрить его настолько, чтобы он мог это большое для него горе перенести легко, а там уже придет на выручку время и все сгладит. Сейчас же его нужно всемерно развлекать или отвлекать от тяжелых дум и не дать ему заболеть.

И еще и еще просьба иногда черкнуть мне о том, что Вы живы, здоровы и благополучны. Милейший наш Леонид Павлович [Альбрехт] приказал нам всем долго жить, как Вы знаете, он был последнее время слаб здоровьем, а тут такая жестокая морозная зима его здоровье пошатнула, а затем и оборвала его жизнь.

Целую Вас и желаю Вам здоровья и благополучия.

Искренне Вас любящий Ф. Калинин

Евгений Арсеньевич Румянцев

Хвалы́нск

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

9 марта 1942 года

Глубокоуважаемый Владимир Францевич!

Судьба забросила меня в г. Хвалы́нск Саратовской области, где я проживаю в настоящий момент и где я по заданию дирекции пишу работу по подготовке к эвакуации (в плане работы Отдела реставрации и консервации). Очень жаль, что я оторвался от экспонатов и главным образом не знаю, в каком состоянии они находятся после годичного пребывания вне Ленинграда и в каких условиях они хранятся, что крайне важно было бы знать при выполнении моей работы. Отсутствие этих сведений вынуждает меня видоизменить план темы и остановиться исключительно на вопросах организационного характера при развертывании работ ОРК в момент эвакуации, как то: организация реставрационных работ, их первоочередность, подготовка кадров и т. п., с указанием некоторых основных профилактических мероприятий.

Ваш адрес я узнал совершенно случайно и не уверен вполне, дойдет ли мое письмо до Вас. Если Вы его все-таки получите, то прошу выполнить мою просьбу – довести до сведения Милицы Эдвиновны Матье (адрес которой я совершенно не знаю) о моем местопребывании, и если встретятся вопросы, относящиеся к кругу деятельности моего отдела, направлять мне.

Кроме того, я прошу передать всем сердечный привет.

Состояние моего здоровья неважное. При призыве на военную службу в Хвалы́нске признан временно неспособным к военной службе и получил отсрочку.

Желаю всего наилучшего, уважающий Вас Е. Румянцев.

Письмо неизвестной

Станция Ляды Молотовской обл.

Аде Васильевне Вильм

Ленинград

Зима – весна 1942 года

Ну-с, Ада Васильевна,

Вот мы и в Лядах, конечном пункте нашего путешествия. Дорога оказалась в некоторых отношениях легче предполагавшегося мной – чувствовалась необычайная забота о кормлении наших эшелонов. Регулярно, раз в сутки, мы от начала до конца имели горячую пищу, притом в ряде случаев совершенно изумительную (впрочем, это до Вологды). После Вологды стали обеды менее эффективные, но все же и сытные и вкусные, каши, например, все с русским маслом, хлеба тоже было вдоволь – от 300 гр. до 1 кг 200 гр. в сутки, по совершенно непонятным нормам. Несколько раз выдавали масло по 100 гр. и 50 гр. один раз. Сразу по переезде через Ладожское озеро – 200 гр. чудесного шпика. Однако многим это питание вовсе не пошло на пользу, наоборот вызвало понос (Вы хорошо можете оценить это явление после стационара, где было то преимущество, что порции не давали количественно, а здешние порции совершенно гигантские по сравнению с нашими). Далее сравнительно благополучно прошли и пересадки, если не считать самого начала, когда мне лично посадка стоила 150 р. и, главное, утерю еще одного чемодана, со всем материалом научной работы – весь справочный материал, весь рукописный материал. Так что эта потеря, очень чувствительная, вывела меня из строя научной моей работы. Как буду восстанавливать – и думать не хочу.

Приняли нас, конечно, с распростертыми объятиями, но удары, которые мы не могли не нанести, конечно, сильно омрачили нашу встречу. Скажите, пожалуйста, и Розалии (нрзб.), и Нозми Григорьевне [Шпринцин], что я хоть и попыталась выполнить их наказ – не говорить Дине Григорьевне о ее горе, но более двух дней невозможно было выдержать пытку – видеть, как страдает Дина Григорьевна от неизвестности и подозрения правды. И когда я сказала эту правду, сначала другим – Антоновой, которая все еще была потрясена своим горем*, – им легче стало вдвоем переносить эти удары, о которых они обе уже и раньше догадывались и которые все же были совершенно неожиданны. Мы каждый день рассказываем те или другие подробности о жизни и быте Ленинграда – никто не может себе представить эти картины и, главное, понять нашу психологию. Спрашивают прежде всего, почему не все выехали, почему не все матери приехали. Наши трезвые рассуждения о перспективах

---

* Смертью дочери – Тани Богдановой в г. Городце во время переезда интерната в Ляды. – *Сост.*

улучшения положения в Ленинграде и, наоборот, полной неизвестности здесь – постепенно разъясняют положение. До Молотова доехали мы четверо – Рохлина (Л. Я.), Гаталина, Торнак, я, и еще Дьяконова и сын тоже совсем близко от Молотова, но по другой ветке, чем наши Ляды. Тотя [А. Н. Изергина] поехала в Алма-Ату. Ольга Владимировна в Ташкент, но тоже по северной дороге. В Свердловск доехали двое – Морозов и Каминская Вера Ивановна (она-то, впрочем, только для временной остановки). Петр Альфредович Круг не дотянул – умер всего за два дня до Молотова. Ужасный удар для Марии Владимировны [Степановой].

Ну, меня торопят, письмо идет с оказией. Всего хорошего. Привет всем от нас всех. Ребята здоровы. Вадик Яковлев вполне здоров.

Из воспоминаний Ревекки Ионовны Рубинштейн

Через «Дорогу жизни» восстановилась связь с интернатом Эрмитажа, получила письма от детей, точнее о детях, и от Вити. Интернат из Искробола Ярославской области переехал в Ляды около Перми. Переезд был тяжелый, токсическая корь погубила нескольких ребят, в том числе и Любину дочь Танечку. Часть эрмитажников уехала в Ляды к детям. <...>

Начались сборы в дорогу. Ада Васильевна [Вильм] уговаривала меня перевезти в Эрмитаж все ценные вещи и, главное, нашу библиотеку. Так делали те, кто жил неподалеку оттуда. А где было взять силы, чтобы перетащить все это из Лесного, со Старопарголовского проспекта. Ведь ни транспорта, ни человека нигде нельзя было найти. Едва смогла дотащить в институт рюкзак и чемодан с самыми необходимыми вещами. Как я могла пройти пешком 16 километров, понять не могу. Не помню, сколько времени я шла, сколько привалов делала. Должно быть, много...

После тяжелых дорожных мытарств я вышла на вокзале в Перми. Потасила свой скудный багаж на платформу пригородных поездов и, дождавшись поезда на Ляды, села в вагон. Когда доехала до места, было уже совсем поздно и темно. Вокзал слабо освещался, а дальше, в деревне, был полный мрак. В темном небе мерцали звезды. Людей совсем мало. Все же подошла к какой-то женщине, спросила, где интернат с ленинградскими детьми. Интернат хорошо знали жители поселка, и мне указали дорогу. Школа, отведенная под интернат, оказалась в пяти минутах ходьбы от вокзала, и дорога туда была прямая. Я легко нашла каменный двухэтажный дом, его выбеленные стены были видны в темноте.

В окнах темно, все спят. Куда деваться? Куда идти на ночь глядя? Во всем поселке светится одно окно. Обошла вокруг школы, заметила слабый свет самодельного светильника в окне, где не спала дежурная. Я робко постучала по стеклу. Подошла дежурная, это была Дина Ефимова, знакомая мне по Эрмитажу, она вместе с дочкой

приехала в числе обслуживающих интернат эрмитажников. Дина узнала меня, кивнула и пошла открывать дверь. Как хорошо – не придется ночевать под открытым небом!

Встреча была волнующая и грустная. Говорили о тех, кого уже нет. «А где мои?» – «Ира и Леня в этом же доме наверху, там помещаются малыши. Витя со старшими мальчиками в другом доме».

Не могу дотерпеть до утра, прошу Дину [Е. М. Ефимову] проводить меня на второй этаж. Леню (Леку, как его тогда называли) узнала сразу. У Иришки вокруг рта какие-то болячки – вначале показалось, что не моя. Вглядываюсь внимательно, вижу родные черты. Нет косичек, которые так любил папа: где уж возиться с длинными волосами таких малюток, которые сами не могли ни причесаться, ни помыть головку! Спасибо, что сберегли детей.

Дина уводит меня вниз: «Хватит, завтра насмотришься». Уж не помню, как устроилась спать на скамейках в столовой, как редела всю ночь.

Утром сразу к ребятам. Не уверена, сразу ли узнали меня Ира и Леня, но они потянулись ко мне, почувствовали родное. Леня очень привязался к Раисе Львовне, которая работала сестрой у малышей, даже называл ее «мамой». Когда она утром пришла к ним, он закричал: «Мама, а ко мне настоящая мама приехала!».

Встретила старых друзей. Во-первых, Люба – директор эрмитажного интерната, Любовь Владимировна Антонова. С ней мы особенно сблизилась со времени переезда на Старопарголовский, она стала своим человеком у нас в доме, моя «рыжая Любка». Потом Дина Коган, тоже своя – жена моего кузена Ати Когана. Из своих была еще Нина Анатольевна Винберг, жена египтолога Алексея Мачинского, наша соседка по Старопарголовскому проспекту. Знала и многих других эрмитажников, которые поехали со своими детьми как служащие интерната, – Киру Федоровну Асаевич, Марию Федоровну Едовину и других, с которыми раньше не была особенно близка. Особо следует упомянуть о Надежде Васильевне Холодовской, очень уже пожилой сотруднице, с которой я была хорошо знакома по работе в детской экскурсионной станции.

Среди персонала было еще много других матерей, не знакомых мне совсем. В интернат влились еще ленинградские ребята из других организаций, многие матери их оказались в числе сотрудников.

Первый день был какой-то сумбурный. Я помню только безумную радость – я снова с детьми, я их вижу, трогаю, чувствую их всем существом. И вместе с тем боль и тревога – где Коля [Шолпо]? Увидят ли его когда-нибудь дети? И мамы больше нет.

А ребята, особенно малыши, какие-то заторможенные, не домашние, вроде детдомовских. Ходила с ними все время по участку, постепенно разговорилась. Когда был слышен шум проходящего поезда, Лека протяжно говорил: «Это Солика-а-аньский». Почему-то эта фраза хватала меня за душу.

По вечерам, когда «огни погасли, уснул интернат», начинались долгие разговоры с Любой и Диной о том, как жил интернат в Искроболе, как переехали в Ляды. Я рассказывала о блокаде. Я была не первой вестницей оттуда. Несколько человек приехало из Ленинграда ранней весной. Люба ждала Бориса [Богданова], мечтала,

как он оправится от голода. Бедный Борис, после ранения на финской войне, он вполне мог уехать с эшелонном эрмитажного интерната. Но он считал, что не может «бежать» – вдруг он чем-нибудь сможет быть полезен в Ленинграде. Он не перенес дистрофии. Люба ничего не знала и ждала.

Витя [Шолпо] и Юра Богданов поправлялись после болезни. Они стояли у окна изолятора и увидели нескольких приезжих, которые подошли к воротам, и Любу, выбежавшую им навстречу. Ребята не слышали разговора у ворот, но увидев, как Люба заметалась, Юра сказал Вите: «Наверное, мой папа умер...». Так оно и было. Кто-то сходу сказал Любе, что Борис умер. Второй страшный удар – сначала двухлетняя Танюшка, теперь Борис.

Несколько лет назад Люба второй раз пережила смерть Бориса. Одна из сотрудниц Эрмитажа, разбирая архив Иосифа Абгаровича Орбели, нашла письмо Бориса. Он дошел до последней степени истощения и написал Орбели о своем ужасном состоянии, просил помощи. Орбели немедленно откликнулся – устроил Бориса в стационар, где его стали выхаживать, но было уже слишком поздно. Это письмо, крик о помощи, описание ужасного состояния Бориса, отношение к нему родного брата – снова все всколыхнуло, Люба второй раз хоронила любимого человека.

Оказывается, мы железные, мы все можем вынести. Недаром у бабушки была молитва: «Не дай мне Бог испытать то, что может выдержать человек».

Во втором туре эвакуации Любе пришлось пережить и выдержать многое. В Ярославской области, деревне Искроболе, было очень неплохо. Местные жители встретили хорошо, интернат был окружен заботой властей. Жить бы там до конца войны...

А потом было много горя. Из Искробола уезжали в конце ноября по Волге. На пристани несколько дней ждали парохода. Суда проходили одно за другим, но даже не останавливались, так как были переполнены. Волга уже начала замерзать, когда, наконец, один пароход забрал всех. Еле разместились в страшной тесноте. С трудом по замерзающей реке добрались до Горького, а там их не принимают – город бомбят фашистские самолеты. Поехали обратно, высадились в Городце, чтобы оттуда по железной дороге отправиться дальше на восток, на Урал. В Городце токсическая корь! Умерло несколько детей, среди них двухлетняя Таня, Любина дочурка. Юра и еще несколько человек тоже больны. Люба остается с ними, а остальные едут эшелонном дальше: Дина осталась вместе с Любой. Когда дети выздоровели, они поехали в Ляды, где обосновался интернат.

Не знаю, как проходило путешествие по железной дороге, видимо, тоже не слишком легко. Многие дети болели в поезде, больными высадились в Лядах, где в первую очередь организовали изолятор.

Среди больных был и Витя. Уже в поезде у него был сильный жар. Болел долго и тяжело. Люба рассказывала мне, что были такие дни, когда она боялась встать утром и спросить, как он. Галина Осиповна, молодая женщина, только что окончившая мединститут, оказалась хорошим врачом и выходила всех больных. Самоотверженно работал весь коллектив, многие давали свою кровь для переливания детям.

Люба, тяжело перенесшая смерть ребят от токсической кори в Городце, с понятным волнением переживала болезнь детей в Лядах. Особенно беспокоил ее Витя, болевший едва ли не серьезнее всех. Она постоянно твердила врачу: «Этого мальчика надо спасти, надо выходить!». И он выздоровел. «Тетя Люба – моя вторая мать», – как-то сказал он. Вышел он из изолятора сильно ослабевшим, в школу он не смог ходить. Поэтому он должен был снова пойти в 3-й класс, потерять год. На помощь пришла Надежда Васильевна [Холодовская]. Она с весны стала заниматься с Витей и прошла с ним весь курс третьего класса. С осени 42-го года, когда я уже была в Лядах, Витя пошел в четвертый класс.

Все, о чем я сейчас писала, я узнала из рассказов Любы и Дины. А те трудности, которые оставались во все время жизни интерната и в 42-м, и в 43-м годах, мне самой были хорошо известны. Тяжелый быт, добыча продовольствия, воспитание большого числа ребят, очень не похожих друг на друга, – разный возраст, пол, жизнь дома до войны, уровень развития... И, наконец, столь разнообразный, разношерстный персонал, состоящий в основном из матерей. Надо отдать должное административным талантам Любы, которая как хороший кормчий вела свой корабль по бурному житейскому морю военного времени. Иногда трещали мачты и реи, ветер кренил в сторону корпус судна, но Люба решительно, быть может, временами слишком резко, выправляла его курс и твердо держала руль в своих руках. Не всегда легко было сохранять хорошие отношения с местной властью, но и здесь она проявляла достаточно решительности, такта и дипломатии. Надо отдать должное персоналу, который самоотверженно работал и, что особенно важно, не выделял собственных детей из общей среды. Я не могу говорить тут обо всех, но особенно вспоминаются Дина и Ольга Павловна Лаврова, которые и до сих пор остались для Любы близкими людьми.

Евгения Яковлевна Вильчевская

Станция Ляды Молотовской обл.

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

3 апреля 1942 года

Милый Владимир Францевич!

Шлем Вам привет из Лядов, где сейчас образовалась колония коренных эрмитажников, чувствующих себя робинзонами в первые дни пребывания на необитаемом острове.

Быт наш здесь очень неприглядный, в чем могли убедиться Алиса и Смирнова, хотя мы не имели возможности с ними полностью отвести душу ввиду кратковременности их пребывания.

На днях мы узнали о приказе, касающемся улучшения снабжения работников науки и искусства. Но так как мы не работники цирка и тяжелая атлетика нам сейчас запрещена, то мы решили обратиться к Вашей помощи, чтобы убедить местные власти, что мы имеем некоторое отношение к научной работе. Если можно, помогите нам. Вы, наверно, знаете об этом приказе, поэтому лучше нашего придумаете, какого рода подтверждение нужно нам прислать, так как здесь сомневаются, можно ли Эрмитаж причислить к научно-исследовательским учреждениям. Наличие у нас аспирантуры их убедило, но все же они ждут письменного подтверждения. Кроме того, это касается главным образом старших научных сотрудников, а мы – Гаталина Людмила Ивановна, Асаевич Кира Федоровна, Вильчевская Евгения Яковлевна – просто научные сотрудники (но две последние члены секции научных работников). Но мы надеемся, что тяжелые условия современности и перенесенная нами блокада Ленинграда с ее последствиями могут быть учтены и мы сможем хоть как-нибудь улучшить наше положение. Единовременные выдачи ленинградцам прекратились, и мы сейчас перешли исключительно на норму 400 гр. хлеба.

Ввиду того, что мы живем не в городе, то лишены даже столовых, которыми пользуются живущие в Молотове. Перспективы у нас довольно мрачные и не ясные. Получить работу в Лядах невозможно, а ездить каждый день в город очень тяжело, т. к. надо вставать в 5 часов утра и возвращаться к 12 часам ночи, да и при начавшейся эпидемии это не совсем безопасно.

Все же, должно быть, придется поступать на работу в Молотове, так как иначе не прожить, а прописаться в Молотове почти невозможно. Вот и вертись в этом заколдованном кругу. Очень хотелось бы повидать Вас и всех остальных товарищей и отвести душу, так как страшно стосковались и чувствуем себя очень одинокими. Всего Вам хорошего, не забывайте нас. Е. Вильчевская

Р. S. Милый Владимир Францевич!

Не успела отправить письмо и узнала, что приехала Глафира Николаевна [Балашова]. Поэтому посылаю письмо с ней. Кира Федоровна [Асаевич] устроилась сестрой в тифозном бараке в Лядах, а я устраиваюсь в Худ. мастерскую агитплаката при Картинной галерее. Это мне даст рабочую карточку, но прикрепления к закрытому распределителю и столовой мне не дает, так как не подходит, как мы и думали, под распоряжение. Владимир Францевич, я очень тронута теми добрыми пожеланиями, переданными через Любовь Владимировну [Антонову], и надеюсь, что Вы и впредь нас не забудете. Слишком много связано у всех нас с Эрмитажем. От Олега Матв. ничего не имею и не знаю, где он. Е. В.

Ж. А. Мацулевич (стоит в центре) и Л. А. Мацулевич (стоит справа).
Ташкент. 1942 г.

Жанетта Андреевна Мацулевич

Ташкент

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

23 апреля 1942 года

Дорогой Владимир Францевич, пишу Вам сама, так как вижу, что Вы не откликнулись на мой привет, посланный через Зину Зарецкую. Почему Вы не напишете? Знаю, что Вы очень заняты работой и заботой обо всех, но все-таки мы с Вами так давно работали бок о бок неизменно дружно и в научном контакте, что мне очень грустно не получить от Вас ни полслова за полгода. Подумайте! Пошел уже 7-ой месяц, что мы с Леонидом Антоновичем [Мацулевичем] оторвались от Эрмитажа и оказались здесь в маленькой колонии из 4–5-ти человек. Причем в музее я работаю одна из всех наших и невольно оказываюсь необходимой во всех сторонах музейной жизни. Если Вам интересно, то спросите Милицу Эдвиновну или Зину [Зарецкую], которым я писала подробно о своей работе в музее. Вам же, Владимир Францевич, мне хочется только по-дружески напомнить о своем существовании и вызвать у Вас отклик, потому что Вы сливаетесь для меня с Эрмитажем, Эрмитаж – с моей жизнью, и притом счастливейшей ее порой, а теперь вне Эрмитажа у нас с Леонидом Антоновичем в Ленинграде нет никого и ничего. Наши все умерли и больше мы ничего не знаем. Напишите, Владимир Францевич, буду ждать. Сердечные приветы всем. Боюсь назвать кого-нибудь, кого уже нет. О многих ничего не слышно. Пишите. Крепко жму Вашу руку.

Ж. Мацулевич

Кира Федоровна Асаевич.
1930-е гг.

Кира Федоровна Асаевич

Станция Ляды Молотовской обл.

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

8 июня 1942 г.

Уважаемый Владимир Францевич!

Бесконечно благодарна и за память и хлопоты обо мне. Удивительно отрадно чувствовать себя частью нашего, в прошлом такого полного коллектива! Потери таких близких, а за время войны ставших и родными людей, как Елена Георгиевна [Нотгафт] и Ольга Васильевна [Геккер], просто не укладываются в сознании. Когда говорили о возможности возвращения в родное пепелище, меня это даже не радует – боюсь еще более острого ощущения пустот (кажется, буквально в каждом кабинете Запада!). Здесь, на расстоянии, и главное, придя сама в нормальное состояние, горе утерь переживается гораздо глубже, чем там, на месте. Что касается меня самой, то я нашла работу, и это спасает (вернее, до сих пор спасало) от чрезвычайно томительного состояния безработности. Тем более что моя работа сестры в сыпно-тифозном бараке при том, что не была чрезмерно обременительна, вместе с тем давала удовлетворение сознанием, что делаю действительно нужное дело, а не только зарабатываю кусок хлеба. Сейчас это дело кончается, так как эпидемия, к счастью, кончается. Не желая оставаться в неопределенном состоянии, я уже предприняла некоторые шаги по приисканию дальнейшей работы – это возможно и по моей второй специальности – медицинской, и по педагогической. Трудность решения о моей дальнейшей работе заключается еще и в том, что мне не ясна дальнейшая судьба Гали – моей уже сильно подросшей дочурки – она уже переходит в 9-ый класс! Конечно, я стремлюсь быть там, где она, а для нее лучшее место – интернат, но при условии возможности продолжения школы. Очень бы не хотелось прерывать среднее образование и позволить ей работать – кто знает, удастся ли потом возобновить учебу, раз начав работать или служить. Трудно снова взяться за книги, хотя и известны тысячи примеров «поздних» студентов. Выглядим мы обе очень хорошо – это Вам подтвердит и Ирина Михайловна [Левина], только уж очень меня безобразят остриженные волосы, да к тому же совершенно седые!

Питаюсь, как все эвакуированные – за счет обмена на сельские продукты. В этом отношении пребывание в области, а не в городе имеет свои выгоды, конечно. Вообще-то, что смогла мне рассказать Ирина Михайловна о быте младших сотрудников в Свердловске, очень мало привлекательного в себе имеет (я говорю именно о быте, конечно; возможность же в какой-то мере подстегнуть свою научную работу очень заманчива).

Ну еще раз шлю и привет и благодарность за память. Преданная Вам К. Асаевич.

Из воспоминаний Александры Семеновны Косцовой

Федор Антонович Каликин – одна из самых значимых фигур в Эрмитаже. Его звали «дед Каликин». Когда пришла война, а он был уже старый и ему надо было из Ленинграда уезжать, у него сил не хватило расстаться со своей любимой иконой. Потому что дело обстояло так – если она остается в Ленинграде, то ее сожгут из-за доски, на которой она написана. Он плакал-плакал и решил: взял икону, все, что весит лишнее, – поля иконные – срезал, распилил ее, превратив в несколько маленьких иконок, запаковал в маленький тючок и, не щадя своих последних силенок, ее вывез. Это был героизм необыкновенный, ведь кто же потащит такой тюк иконный, если ноги уже не идут. Это ведь был 1942 год, он же слабый был от голода.

Федор Антонович Каликин

г. Данилов

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

13 августа 1942 года

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Францевич, здравствуйте!

Приехав в город Данилов больным, писать я не мог, теперь же здоровье стало немного лучше и я сообщаю Вам следующее. С 1 июня я выписался на работу с бюллетеня, но еще был слаб и физическим трудом заниматься не мог. Я предложил Михаилу Васильевичу [Доброклонскому] написать руководство по реставрации станковой живописи по следующей программе. Всю эту работу обязался окончить в 2 месяца с условием сдачи определенных глав подекадно. К 1 июля обусловленная часть мною была выполнена и сдана ученому секретарю Гос. Эрмитажа с тем, чтобы она дала ее прочесть Михаилу Васильевичу Доброклонскому, который бы дал свое заключение, и если заключение будет положительным, то работу продолжать, а написанное перепечатать на машинке с возвращением мне рукописи и одного печатного экземпляра рукописи*. Оценка получена хорошая и приказано работу заканчивать, а написанное перепечатать на машинке. В это же время, т. е. в последних числах июня, Михаилом Васильевичем предложено мне эвакуироваться в Свердловск; это предложение я принял, выговорив следующее условие. Так как здоровье мое очень слабое, скорбит во всем организме, и особенно

* «Руководство по реставрации станковой живописи». – Сост.

Реставратор Ф. А. Каликин (в центре). Свердловск

М. В. Доброклонский с отбитой головой статуи Эсмеральды

в ногах, а также и дистрофия 2-ой степени с плюсом, т. е. чуть немного чего-нибудь еще, то и готов в могилу, следовательно, в Свердловске таким едва ли я нужен. Чтобы эти две болезни ликвидировать, я имею возможность заехать к родственникам в Ярославскую область и там поправиться в течение 2-х месяцев. На это Михаил Васильевич согласился. И таким образом я вместо продолжения работы стал собираться эвакуироваться и едва собрался к 23 июля. А когда дело дошло до оформления отпуска, т. е. остановки в Данилово, то А. А. Тарасов дал его только на один месяц, т. е. к 23-му августа я уже должен быть в Свердловске. Прибыв 1-го августа в Данилов совсем больным, я едва за 1-ую неделю встал с постели (на станции Буй в течение 3-х дней и ночей под открытым небом мочило дождем). А чтобы ликвидировать цингу и хотя бы частично истощение (дистрофию), я обращаюсь к Вам, Владимир Францевич, с просьбой продлить мне лечебный отдых до 2-х с половиной месяцев <...>, а я, как еще немного оправлюсь, в свободное время буду заканчивать «руководство», т. е. начатую книгу, а затем буду просить Вас быть редактором этой работы. Я считаю, Владимир Францевич, что труд этот не напрасен, т. к. Вы сами знаете, что ни на русском, ни на иностранном языках такого руководства нет. А что есть, так это только рассуждения, а не установки, как нужно делать и почему именно так, а не иначе нужно делать. Я считаю, что эта работа не только необходима, но и своевременна.

Еще и еще прошу Вас, Владимир Францевич, не отказать мне в просьбе и не задержать ответом. А затем желаю Вам от всей души здоровья и благополучия.

Искренне уважающий Вас Ф. Каликин.

Из воспоминаний Анны Григорьевны Беловой

С весны 1942 г. садовая территория вокруг Костела была приспособлена под огороды сотрудников. Южная сторона огородов (вдоль южной стены Костела) была лучше противоположной (северной стороны, всегда теневой). Поэтому сотрудники организовали жеребьевку. В конце концов каждому было выделено две грядки: одна на южной стороне, другая – на северной. Костел был снесен в 60-е годы. Сейчас на том месте – площадь и клумба.

Дежурство сотрудников на объектах делилось на три смены: с 9-ти утра до 3-х часов дня, с 3-х часов дня до 9-ти вечера и с 9-ти вечера до утра – ночное дежурство. На дневных дежурствах чаще было по одному сотруднику, на ночных по два. Распределение по «объектам» тоже как-то чередовалось. На каждом объекте был телефон. Кроме эрмитажников, всегда был дежурный пожарник и милиционер. Время от времени сотрудники производили контрольные вскрытия ящиков для проверки состояния картин, скульптур и других экспонатов.

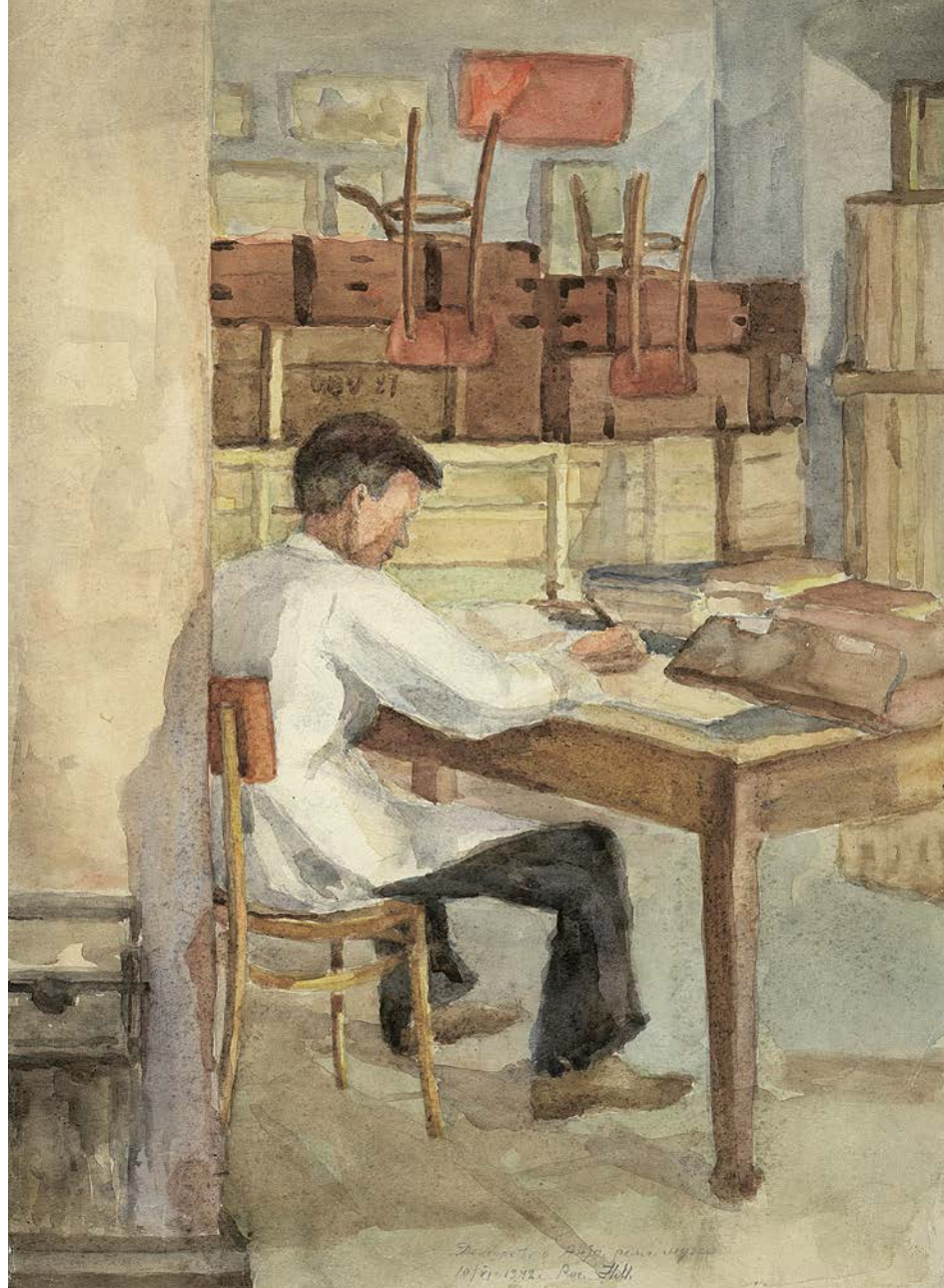
Не знаю, удавалось ли сотрудникам заниматься научной работой во время дежурств. Отец много работал дома в свободное время. Часто брал отчеты и материалы из библиотеки Херсонесского музея, вывезенной в Свердловск. Занимался материалами по херсонесскому некрополю классического и эллинистического периодов. Читал историческую и археологическую литературу прошлых и современных ему авторов. Очень переживал кончину своего учителя и друга С. А. Жебелева (1942 г.). В 1942–1943 годах готовил исторические очерки по Херсонесу и диссертацию. Как и все эрмитажники, читал лекции и проводил беседы в госпитале и на заводах. Его основными темами были: мифы Древней Греции; древняя история Крыма и Северного Причерноморья; героическая оборона Севастополя во время Крымской войны. Эти темы вызывали интерес у самых различных слушателей.

О многом было переговорено в долгие ночные дежурства с Алексеем Андреевичем Быковым, с которым отец часто бывал в паре. Нередко Алексей Андреевич читал свои стихи, которые очень нравились моему отцу.

Вообще, Алексей Андреевич в Свердловске очень удачно поселился в квартире интеллигентной семьи. В их доме был даже рояль, на котором А. А. мог часто играть. Эта квартира находилась в новом доме (в стиле функционального конструктивизма) почти на главной улице города, недалеко от Главпочтамта.

Как мы жили

В общежитии Втузгородка мы были устроены временно и прожили там до сентября. Далее началось расселение эрмитажников в городе. В годы войны в Свердловске оказалось очень большое количество эвакуированных и просто приехавших с Запада людей. Для их устройства «уплотняли» местных жителей. На мало-мальски свободную площадь вселяли приехавших.

Н. Н. Максимова. Г. Д. Белов в дежурной комнате в Антирелигиозном музее (дом Ипатьева). Свердловск. 10 июня 1942 г. Бумага, акварель

Н. Н. Максимова. Милиционер Бутылкин у входа в хранилище на ул. Вайнера. Свердловск. 2 июля 1945 г. Бумага, акварель

Помню, что часть эрмитажников была расселена в так называемые «проходные» комнаты в квартирах нового многоэтажного дома на ул. Сакко и Ванцетти. В одну из таких комнат я заходила: хозяйка жила во второй комнате, но проходила через первую. Проход был отгорожен от жилой части первой комнаты брезентовым занавесом. В этих домах было центральное отопление и водопровод.

Мой отец снял отдельную комнату у своих дальних родственников Панфиловых на ул. Розы Люксембург, д. 53, кв. 4. Это был одноэтажный (бывший частный) дом с большим двором, сараями и остатками сада. По всей нашей улице с обеих сторон тянулись такие же домики с деревянными заборами, воротами, дворами и сараями. Вскоре дворы и газоны нашей улицы (как и в других районах) были перекопаны под картофельные огороды.

В нашем доме было три квартиры с отдельными входами, кроме того, в полуподвалах дома были еще две квартиры. В одном полуподвале жила Петровна, в другом – большая татарская семья. Из нее помню своих сверстников Нагима и Нагиму и девушку постарше – Розу. В семье Панфиловых отец был на фронте, хозяйка, Мария Константиновна, работала на Свердловском радио. Ее старший сын тоже ушел на фронт и вскоре погиб. Ее дочь Майя и младший сын Лева, Инна Полуяхтова из соседней квартиры и дети из татарской семьи составляли нашу дворовую компанию, ее дополнял дворовый песик Жерик.

Наша комната имела отдельный вход с общего крыльца, в ней была большая оштукатуренная печь и два окна на север. К большой печи вскоре прибавилась маленькая железная «буржуйка». В комнате были топчаны, письменный стол, небольшой столик для обеда и у входной двери ящик, приспособленный под кухонный столик и умывальник.

В начале первой зимы отец получил в АМ рулон брезента. Мы отправились за ним вместе. Брезент уложили на санки, я села на него верхом, и так отец провез меня через весь город до дома. Брезентом утеплили холодные стены комнаты и пол.

Повседневные заботы отца

Прежде всего отцу приходилось почти в течение круглого года доставать и запастись дрова: а) для отопления печей в АМ и Костеле; б) для отопления и готовки у нас дома. Холода и снег начинались в Свердловске уже в сентябре и продолжались до середины мая. Дрова на складе бывали не всегда, а когда бывали, надо было еще найти машину для их перевозки. На склад приходилось ходить по несколько раз.

С весны 1942 года эрмитажники получили участок под огород при колхозе в селе Патруши, недалеко от города. Отцу были поручены переговоры с колхозным и местным начальством об участке, стороже и т. п. Позже его выбрали председателем огородного комитета (или комиссии?). За пользование участком надо было отрабатывать какие-то дни и для колхоза – хозяина этих земель. Работы были разными: отец развозил на телеге клевер для скота, весной перекапывал колхозные гряды и сажал овощи, позже начинались прополка и окучивание

картофеля. В этой работе участвовали и некоторые другие сотрудники Эрмитажа. И тех же самых забот (кроме клевера для скота) требовал свой огород.

Каждый день, до или после дежурства, надо было: напилить и наколоть дров у нас во дворе; принести воду – колонка находилась на улице, через несколько домов от нас; сходить в один или другой магазин отоварить карточки. Ежемесячно нам выдавали продуктовые и промтоварные карточки. Продуктовые карточки надо было «прикреплять» к какому-либо магазину по месту жительства. Правила прикрепления часто менялись, требовались дополнительные хлопоты и хождения. Очереди за хлебом отнимали от одного до нескольких часов, иногда очередь приходилось занимать в 5–6 часов утра. Не раз продукты кончались или их не было вовсе, тогда приходилось идти за ними еще раз. Позже и меня подключили к этим хозяйственным делам.

Затем топили большую печь для тепла или буржуйку – для приготовления пищи.

Время от времени эрмитажники получали пропуск и талоны в ту или иную столовую. Это было некоторым подспорьем при нашем полуголодном существовании. Таким образом, надо было в течение дня успеть еще сходить в столовую и отстоять там очередь, чтобы взять обед на дом или же пообедать там.

При всем этом постоянно давали себя чувствовать ревматизм, сердце, обострялись прежние болезни.

Много времени уходило на бесконечные починки одежды и обуви. Все мы собирались в эвакуацию на 3–4 месяца и ехали с небольшим багажом. Одежда и обувь очень быстро пришли в плохое состояние, а я к тому же еще и вырастала из них.

Отец в течение всей эвакуации вел постоянную переписку с родными и друзьями, которых война разбросала в разные стороны. Он всегда очень волновался за каждого из них.

Большую часть дел надо было успеть сделать при дневном свете или рано утром, когда давали электричество. По вечерам электричества у нас не было, приходилось зажигать коптилку. Чтение при коптилке вскоре сказало на зрении отца и моем.

С весны начиналась работа на наших личных огородах при Костеле и на дальнем загородном огороде в Патрушах. Сажали главным образом картофель, потом свеклу, морковь, лук, немного зелени (петрушку) и горох. К осени удавалось собрать не больше половины ожидаемого урожая: часть посадок погибала, часть – похищалась.

С организацией питания было много трудностей: продуктовые карточки отоваривались нерегулярно и не всегда соответственно назначению: вместо мяса выдавали яйца, вместо сахара – пряники или конфеты (иногда даже мороженое), жидкое какао. Молочные продукты и картофель надо было покупать на рынке. Цены там были очень высокие (в разные годы): 1 л молока = 50–90 руб., 1 кг картофеля = 60–70 руб. При зарплате в 300–400 руб. (выдавалась с задержками) все это было очень затруднительно. Чтобы совершить крупную покупку, приходилось жертвовать буханкой хлеба (порция 2–3 дней). Помню, чтобы купить мне путевку на летнюю детскую площадку,

А. А. Шмидт. Буфет в Филиале. Свердловск. Бумага, акварель

Т. Л. Карякина, З. В. и М. И. Торнеус. Свердловск

отцу пришлось продать целую буханку хлеба (путевка стоила 315 руб., буханка хлеба – 218 руб.). И в других случаях (покупка мне зимнего пальто по ордеру) приходилось жертвовать своей порцией хлеба.

Кроме того, нужно было платить за дрова, жилье и т. п.

На работу родители всегда ходили пешком. Конечно, и в школу я тоже ходила пешком. Вообще, во все необходимые места города, где бы они ни были (магазины, столовые, поликлиники, госучреждения, рынок), мы ходили пешком, даже на дальний огород (если не было попутной машины). Трамваи в Свердловске были, но наши маршруты редко совпадали с маршрутами трамваев.

Над всеми этими повседневными заботами преобладала одна общая – тяжкие военные события. В 1941–1942 годах мы ежедневно с замиранием сердца слушали сводки Совинформбюро: отступление, блокада Ленинграда, сдан Севастополь... Ждали писем от фронтовиков.

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

Быт сотрудников Филиала

Прибывшие из Ленинграда сотрудники, некоторые с детьми и пожилыми родственниками, временно были размещены в общежитии студентов Музыкального училища. Однако общежитие было пустым лишь до начала учебного года, поэтому начальство вело в Исполкоме переговоры о предоставлении эрмитажникам постоянного местопребывания.

Свердловск в годы войны был перенаселен эвакуированными заводами и учреждениями, немало было прибывших сюда из разных краев и областей. Выделенные эрмитажникам комнаты были разбросаны по всему городу в центре и на окраине. Некоторое количество комнат (на ул. Сакко и Ванцетти, Вайнера) были в квартирах с водопроводом и с центральным отоплением, что отсутствовало в домах, расположенных далеко от центра: в районе ул. Мольера, Верхнеисетского завода и др. Селились по 2 семьи в одной комнате (часто даже проходной) или по несколько человек вместе. Так, Г. Н. Балашова и Т. А. Измайлова с тремя детьми или, например, Агафонова К. А. с дочкой и Карякина Т. Л.

Следует заметить, что местные жители, несмотря на все неудобства, шли навстречу и делились всем, что имели. В конце 1942 года в здании Музыкального училища на Первомайской удалось передать научным сотрудникам несколько комнат и переселить живших на окраине Свердловска. Это было то время, когда некоторые эвакуированные (москвичи) уже уехали из центра.

Первый год эвакуации был для всех нас трудным во всем. Нелегкие бытовые условия, отсутствие теплой одежды, отсутствие своего хозяйства были особенно ощутимы в холодную зиму 1941/42 годов. Сложно было с питанием. Базар был дорог, столовых было мало, в закрытые мы не попадали; пайки получали только сотрудники со степенью. Ввиду перегрузки не брали в детские сады наших малышей. Хорошо, что можно было устроить школьников (женская и мужская школы находились близко друг от друга). Нередко наши дети болели: то простудные заболевания, то корь. Было... Все было! Нужно сказать, что родителям с детьми очень помог эрмитажный интернат в Лядах, куда удалось отправить несколько ребятишек.

Трудности скрашивались чувствами товарищества, существованием «семейных ячеек», «колхозов».

Весной 1942 года филиалу Эрмитажа был выделен огородный участок, расположенный довольно далеко за Втузгородком. У филиала не было машины, и это затрудняло нашу работу. Единственными нашими орудиями были лопаты и кетмени.

В созданную огородную комиссию вошли Михаил Петрович Грязнов (председатель), Николай Дмитриевич Михеев, Дарья Ивановна Смирнова и Глафира Николаевна Балашова. За возделывание участков взялось большинство сотрудников. Это в основном была посадка картофеля. Михаил Петрович не только давал указания по

работе, но и снабжал нас брошюрами об употреблении дикорастущих трав: дикого лука, щавеля и др., о сборе ягод и грибов.

Кроме этого огорода, были участки, прилегающие к Костелу. Но земля была неразработанная и не приносящая богатого урожая. Пыл к работе на этом участке несколько охладел после того, как Евгения Георгиевна Пчелина из-за неверного употребления дикорастущих трав получила легкое отравление. Сборы ягод и грибов не получили широкого распространения: связано это было с поездками за город и нашим незнанием мест.

Владимир Францевич Левинсон-Лессинг

Ленинград

в Филиал Эрмитажа

Свердловск

Сентябрь 1942 года

Дорогие Эрмитажники!

Вчера в 1 ч. дня я наконец добился положительного ответа относительно места на самолете, а в 3 ч. дня уже вылетел из Москвы. Перелет прошел прекрасно. Прибыли часов в 8 и около часу с лишним ждали разгрузки багажа, но, к счастью, удалось договориться с машиной, на которой я доехал до ул. Герцена в начале одиннадцатого. Первые встречи – Губчевский, Тарасов, Ильина с трогательными объятиями и поцелуями и необычайным радушием вплоть до горячего чая, огурчиков с огорода, разбитого в Висячем саду, и даже кусков хлеба, трогательно принесенных А. П. Ильиной, несмотря на все уверения, что у меня есть некоторый запас в мешке. Долгий ночной разговор с Тарасовым – таков первый вечер и первая ночь в канцелярии, на заботливо устроенной Ильиной постели.

Затем я отправился к Михаилу Васильевичу [Доброклонскому] на квартиру. Он занимает по соседству с Федотовым комнату и кухню и имеет соседом Льва Александровича Федорова. Он и сильно постаревшая Олимпиада Дмитриевна [Доброклонская] полны исключительной бодрости и трогательного внимания друг к другу. Михаил Васильевич приобрел чрезвычайную стройность и несколько поражает исключительной живостью движений и речи. Полон интереса ко всему в нашей жизни и ко всем – но особенно, конечно, к своим ближайшим товарищам... Угощали меня кофе, который, подобно многим, Олимпиада Дмитриевна приносит в бидоне из недалекого кафе. <...> Михаил Васильевич, подобно всем без исключения, был чрезвычайно рад встрече со мной. Я не только человек, вернувшийся издалека, не только кусок дорогого всем прошлого, но и нечто очень нужное, о чем мы,

пожалуй, думали меньше всего, – символ продолжающейся связи с друзьями, некое живое доказательство того, что мы о них не забыли. Мой приезд воспринимается как своего рода праздник – потому что во мне воплощен сейчас для них весь наш коллектив. Не только у нас, но и в Управлении искусств подобные приезды столь редки, что каждый из них своего рода событие – это не то, что в некоторых других учреждениях и предприятиях...

Такой беглый, но довольно полный и точный отчет о впечатлениях сегодняшнего дня. Сегодня я счастлив тем, что я здесь.

В. Ф.

Владимир Францевич Левинсон-Лессинг

Ленинград

в Филиал Эрмитажа

Свердловск

12 сентября 1942 года

Это письмо адресовано всем, хотя начинается с обращения к Вам. Пишется оно ночью в бывшем помещении Отдела кадров, где в моем распоряжении отличная кровать с бельем, письменный стол, электричество, телефон.

Вчера ночью проезжал в закрытой машине по городу и мог различить лишь темные силуэты знакомых зданий на фоне пасмурного, брызгавшего дождем, родного ленинградского неба. Сегодня город предстал передо мною в своей суровой, нетронутой красоте. Я увидел Неву с пришвартованными к набережной кораблями, волны, разбивающиеся о гранит; я ходил по улицам и с радостью останавливался у столь хорошо знакомых зданий, приобретших то особое очарование после разлуки, какое свойственно родным образам, всплывающим во сне. Я прошел по Невскому, увидел Александринку и улицу Росси, Русский музей. Кое-где я встретил на некоторых улицах отдельные дома в той или иной степени разрушения, старательно приводимые в благообразное состояние, но архитектурный облик города не изменился ни в чем. В писчебумажных магазинах с закрытыми по общему образцу деревянными щитами витринами я купил ту бумагу, на которой пишу, и коробку стальных перьев и мог при желании купить и то и другое в неограниченном количестве.

Все это происходило уже во второй половине дня, когда я отправился в Управление по делам искусств. Утро я провел среди своих, в родных стенах. Появилась Ада Васильевна [Вильм] в комбинезоне, вооруженная топором, и вместе с несколькими работниками охраны отправилась на 2–3 часа к Штиглицу заниматься заготовкой дров. Подобные заготовки из всякого лома, наподобие тех, которыми у нас занимается Романов, здесь очень широко распространены, и участники этих работ, выполнив 4 км., 2 из них получают в свое пользование.

<...> Здесь довольно шумно ввалились единственные представительницы моего отдела – такие же, какими они были, когда мы расстались, – Михайлова и Фомичева. С бесконечной нежностью встретила меня вечно неизменная Султан-Шах, от которой узнал, что Эрнест Конрадович жив здоров – вопреки всяким московским известиям – и отсутствует лишь потому, что не бывает ежедневно. Но здесь же мне поведали исключительно грустную весть – быть может, требующую проверки, – о том, что Андрей Яковлевич [Борисов] скончался в Чкалове. Не хочется верить. Анна Павловна провела меня в Библиотеку Востока, где мне бросилась в объятия Наталья Давыдовна – полная энергии, гордая, что завоевала себе право остаться среди своих книг и рукописей, и совершенно твердо решившая никуда не ехать. Она много пишет, работает над «Культурой Древнего Востока» и уже закончила в этом плане «Переднюю Азию», значительная часть которой обсуждалась ею детально с Бор. Бор. [Пиотровским] <...>. В пустых залах, с заботливо зашитыми фанерой окнами, рамы и сдвинутые с места шкафы напоминают о прошлом. <...>

Михаил Владимирович Алпатов

Москва

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

26 ноября 1942 года

Многоуважаемый Владимир Францевич, надеюсь, мое письмо и два пакета застанут Вас вернувшимся в Свердловск.

Хотя продвижение 1 тома очень замедляется бумажными трудностями, издательство заинтересовано в том, чтобы оба тома [«Всеобщая история искусств»] были готовы к печати, и потому я рассчитываю после получения Вашего отзыва еще засесть за рукопись и основательно по ней пройти с учетом замечаний Н. И. Романова, уже давшего свой отзыв, и Ваших. Как я уже говорил Вам, я буду очень признателен Вам как за общие принципиальные замечания по основным вопросам и оценкам, так и за все мелкие поправки-дополнения. Издательство в лице его директора Сысоева не заинтересовано в том, чтобы это была непременно связно изложенная рецензия: важно, чтобы это были конкретные Ваши замечания по общим и частным вопросам, затронутым в книге. Посылаю Вам второй экземпляр, правленный в издательстве, кажется, в правке есть небрежности, но я надеюсь, это Вам не помешает. Не откажите в любезности подтвердить получение материала и сообщить, когда можно рассчитывать на получение Вашей рецензии.

Как дела в Свердловском МГУ? Начали ли Вы читать и собираетесь ли это делать? Известно ли Вам что-нибудь о привлечении Габричевского? Ведется ли в Эрмитажном коллективе работа по «Всеобщей истории искусств»?

Напишите мне, если нужно Вам что-нибудь из книг в Москве или навести о чем-нибудь справки. Всего хорошего.

М. Алпатов

Михаил Владимирович Алпатов

Москва

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

Зима 1942/1943 года

Дорогой Владимир Францевич,

я был очень рад Вашим двум письмам. К сожалению, я не успел в бытность Васильева в Москве доставить ему первую вводную главу моей «Всеобщей истории искусств», и потому посылаю ее Вам заказным по почте (не откажите в любезности подтвердить ее получение: это один из двух имеющихся экземпляров). Рад буду услышать Ваши соображения «по поводу». Должен только предупредить, что эта глава более других мной переработана и частично перепечатана.

Насчет диссертаций могу Вам сообщить, что на заседании кафедры работа Измайловой была передана Яacobсону и Брунову. По получении от них ответа сообщим Вам, когда она будет поставлена. Насчет остальных диссертаций трудно говорить, пока их нет в наличии.

Очень жаль, что Ваша лекционная деятельность была так непродолжительна: мне передавали, что студенты были ею очень довольны; представляю себе, что и для Вас это был некоторый стимул, чтоб собраться с мыслями и излагать их в системе. <...>

М. Алпатов

Валентина Николаевна Березина. 1930-е гг.

Валентина Николаевна Березина

Свердловск

Павлу Филипповичу Губчевскому

Ленинград

13 ноября [1942 года]

Дорогой Павел Филиппович!

Очень радостно было узнать от Вл. Францевича о Вас. Я писала Вам, но так как оба письма (посланные на домашний адрес) остались без ответа, то этим и ограничилась наша «переписка». Вспоминаю Вас очень часто, по самым разнообразным поводам, и очень жалею, что Вы не с нами. Написанная Вами поздравительная открытка пришла вовремя, и Владимир Николаевич Васильев прочел ее на торжественном собрании нашего филиала. Тут-то и обнаружилось, что мы тоже собирались послать вам всем коллективом приветствие, но как у нас часто бывает, это осталось только прекрасным замыслом. Во всяком случае, хоть и поздно, но передайте самый искренний привет всем товарищам. О нашей жизни Вам рассказал Владимир Францевич, который, кстати сказать, лежит сейчас с воспалением легких и сильным истощением. Он совершил прямо героический рейс, и у нас начинается здесь совершенно новая эра с книгами, рукописями, диапозитивами и всем прочим. Все приехавшие сейчас в больнице. Трагично только с матерью Банк, которая умерла по приезде сюда. Вообще, Павел Филиппович, нам здесь тоже приходится переживать всем. Я понимаю, что все наши «трудности» меркнут перед ленинградскими. Я очень рада, что Вы бодры и молодцом. Я пока тоже не сдаюсь и иду по линии наибольшего сопротивления. Стараюсь как-то приподнять упавшее знамя эрмитажной просветработы. Читаю лекции о великих полководцах и 1812 годе. Ездил с концертной агитбригадой на уборочную, была лектором в санпоезде Кипарисова, а сейчас читаю лекции от областного лектория. Ездил в Красноуральск, а на днях поеду дней на 10 в Первоуральск. В общем, жизнь кипит, время летит стремительно. Вот и вторая свердловская зима! Когда-то мы встретимся!..

Ваша Березина

Павел Филиппович
Губчевский. 1930-е гг.

Валентина Николаевна Березина

Свердловск

Павлу Филипповичу Губчевскому

Ленинград

17 декабря 1942 года

Дорогой Павел Филиппович!

Месяц тому назад написала Вам письмо, но до сих пор никакого ответа. Получили ли Вы его? Если да, то почему же не отвечаете? Очень хочется установить с Вами связь. У нас большое событие – предстоящая военная выставка. Помещение уже найдено, и приступаем к работе. Хлопочут о временном приезде сюда Л. Л. Ракова, и вот тут-то к Вам просьба. Купите мне несколько книжечек и пришлите с ним. Деньги он Вам отдаст или я тотчас же переведу. Меня очень интересует Тарле «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию», затем краткий очерк Военного прошлого Ракова и вообще 1812 год и Суворов. Я писала Ракову, чтобы он Вам позвонил перед отъездом. М. б., и удастся это устроить и я получу то, что мне здесь очень нужно. О др. книгах я даже не мечтаю, но если будет Бенуа «Искусство Франции в эпоху революции и Империи», то тоже очень хорошо. Вл. Фр. говорит, что из Ленинграда можно посылать книги бандеролью весом до 100 гр., т. е., насколько я понимаю, брошюры. Попробуйте мне что-нибудь послать таким образом. Можно заказной бандеролью, можно наложенным платежом. Одним словом, как лучше.

Простите, что обращаюсь к Вам с подобными просьбами, но опять-таки Владимир Францевич сообщил нам Вашу готовность в этом помочь. Наша жизнь несколько оживилась предстоящей выставкой. Я принимаю самое активное участие. Ведь надо организовать всю «просветчасть», готовить экскурсоводов и проч., проч. Как жаль, что Вас здесь нет! Вообще, П. Ф., как только иду в театр или читаю новую книгу, и вообще, по массе поводов вспоминаю Вас. Твердо верю, что мы встретимся и, м. б., не так и долго до этого осталось. Пишите подробно, как Вы живете, как Эрмитаж, что нового, ведь это письмо Вы получите к Новому году. Кстати, поздравляю Вас. Что-то несет нам 43 год?

Позвоните Л. Л. Ракову и спросите, получил ли он мое письмо, если нет, то расскажите о том, что пишу Вам, постарайтесь перед отъездом передать ему для меня то, что прошу. Заранее благодарствую. Примите мой самый искренний привет и лучшие пожелания.

Ваша Березина

Павел Филиппович Губчевский

Келе Михайловне Стрешинской

17 марта 1943 года

Дорогая Келя!

Известие о том, что Вы живы, здоровы, действуете, меня обрадовало и успокоило. Приятно надеяться, что после всего происходящего останутся на свете стоящие люди, да к тому же настоящие экскурсоводы. Но тон Вашей открытки снова минорный, и видно, что Вы живете тоскливо, прожевывая дни без аппетита и хруста в челюстях. А ведь зубы-то у Вас острые!

Эх, и простокваша же Вы! Уральские эрмитажники полны радужных надежд на скорое возвращение. Сейчас в Ленинграде И. А. Орбели, Лурье, и, видимо, эти вопросы являются предметом их забот. Владимир Николаевич [Васильев] прислал из Москвы, с сессии Верховного Совета привет и тоже сообщал о возможном приезде в Ленинград, для встречи с Орбели.

Свердловцы сочиняют полный каталог картин, стали завсегдатаями театральных премьер и сидят на ящиках. Валя Березина вовсю лекторствует, весьма актуальна тематика (продолжает наши традиции), и изездила весь Урал. Сейчас она готовится дебютировать с Грозным, Ушаковым, Нахимовым – и испытать радость материнства.

Пожелаем им всем от души удачи. Пусть живут по-настоящему, – не всем же воевать.

Вы стали скупы на письма, и я не знаю отчего? Впечатлений, переживаний у Вас множество – разнообразных и интересных. Почему же не хотите поделиться?

Я побывал в Гатчине, теперь отдыхаю, или, вернее сказать, тяну изнурительную кучу многочисленных обязанностей. Работаю по-настоящему много, только иногда результатов, удовлетворяющих меня, добиться не могу. Это, конечно, раздражает и оставляет на настроении тягостный отпечаток. Но с этим борюсь прирожденной верой в торжество добрых, справедливых и светлых начал жизни. Скажете – интеллигентщина! Идеалистически розовый флер на жестком быте и пакостной жизни! Нет! Это убеждение – которым живу и держусь при всяких испытаниях и непогодах.

Желаю Вам быть прежней довоенной Келей и наступающую весну – последнюю военную, – а? – провести звонко и радостно.

И обязательно, как появятся подснежники, – соберите их и любуйтесь свежестью и молодой, неугасающей силой жизни.

Руку Вашу – бойца и экскурсовода пожимаю крепко.

Павел

Кира Федоровна Асаевич

Станция Ляды Молотовской обл.

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

6 июня 1943 года

Дорогой Владимир Францевич!

Вы, верно, уже знаете, что моя попытка работать, находясь в Лядах, привела к весьма малым результатам. Правда, с учебником итальянского языка я не расстаюсь и зубрю спряжения глаголов, но для этого нет надобности сидеть в Лядах. Словом, Владимир Францевич, очень бы хотелось все же ближе к основному нашему ядру эрмитажному обосноваться. Сейчас в летний период удерживают здесь сезонно-огородные соображения. Но ведь известное время уйдет и на переписку, а затем на хлопоты по получению пропуска на выезд (так как, очевидно, при переезде потребуются иметь дело с районным центром милиции), поэтому я сочла возможным обратиться к Вам сейчас с просьбой вытащить меня из Молотовской области. Интернат живет своей повседневной очень живой и наполненной жизнью. Сколько могу, я в ней принимаю участие, даже настолько, что мой день заполнен до отказа. В Молотов езжу редко и потому с библиотеками связь поддерживаю минимальную. С Любовью Владимировной вспоминаем часто свой «вылет» в свет – пребывание в Свердловске, где мы каждый день ухитрились побывать в театре. Однако все же «Леди Гамильтон», кажется, уже просмотрена. Но сейчас в основном дни заняты посадкой капусты, картофеля и проч., а также убранством помещений интерната, что в значительной степени является моей обязанностью.

Ну всего хорошего, надеюсь, до скорого свидания, как хотелось бы думать.

Привет от Л. В. [Антоновой].

К. Асаевич

P. S. Прилагаю официальное свое заявление, а затем напоминаю, что жилплощадь я, вероятно, во всяком случае на первое время, обеспечена.

Н. Н. Максимова. А. А. Маркова в хранилище на улице Вайнера. Свердловск. Бумага, акварель

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

Хранительская работа филиала

Главной задачей Свердловского филиала было хранить и оберегать сокровища Эрмитажа. Экспонаты были упакованы в ящики (было свыше 2500 ящиков) и размещены по названным уже объектам.

Центром был объект № 1 (в здании Картинной галереи), где находилась «дежурка» – она же кабинет директора Владимира Францевича Левинсона-Лессинга. Это был жизненно важный центр связи между всеми объектами, с центральными учреждениями Свердловска, с Комитетом по делам искусств Москвы и Эрмитажем в Ленинграде. Это был поистине административно-политический центр, куда приходили газеты, письма, где вывешивались объявления и распоряжения по филиалу, списки дежурных.

Дежурство на всех объектах было круглосуточным, его несли научные сотрудники (по 8 часов на 1 объекте и по 12 часов на 2 и 3) вместе с дежурным милиционером. Через каждые три часа в обходе участвовали работники ведомственной пожарной охраны.

В каждой из дежурок был установлен телефон, по которому все сообщения передавались в центр, где лежал общий дневник. В обязанности дежурных входило соблюдение чистоты в помещениях, проветривание, устраивались генеральные уборки. Непосредственными исполнителями всех уборок были сами сотрудники.

Временами организовывались контрольные вскрытия ящиков для проверки состояния экспонатов. Вскрытие происходило в присутствии директора филиала, заместителя по хранению Милицы Эдвиновны Матье, реставраторов. Составлялся протокол вскрытия.

Самым трудным объектом для дежурства было здание Костела, не имевшее отопления. После того как из Костела были выселены проживавшие там временно люди, устроили две комнаты: одну для дежурных научных сотрудников, другую для дежурного милиционера. Провели телефон,

Н. Н. Максимова. Хранилище на ул. Вайнера. Свердловск.
12 мая 1943 г. Бумага, акварель

в комнатах дежурных поставили две чугунки, отапливаемые дровами и углем (в холодном помещении Костела этого отопления было недостаточно), нередко были случаи угара.

После передачи филиалу учебного корпуса Музыкального училища (последний год пребывания в Свердловске) на Первомайской улице туда в основном перевезли вещи с 3-го объекта и большие скульптуры со 2-го. Хранилище на Первомайской было более удобное. При перевозке ящиков в работе принимали участие все сотрудники, исключая больных и пожилых. Специальной рабочей силы не было.

Наличие прибывших в Свердловск ящиков с эрмитажными экспонатами было проверено по соответствующим описям. Этой проверкой занималась Кира Михайловна Скалон. Ею же под руководством Милицы Эдвиновны Матъе была сделана топография всего размещенного на трех объектах. Перемещение ящиков с одного объекта на другой вызвало, естественно, изменение в этой топографии.

Внимания требовали не только экспонаты в помещениях, но и территория, где размещались объекты. Помощь в работе нам оказывали старшие дети сотрудников: они очищали от снега дорожки дворов Картинной галереи и Костела и выполняли поильные работы. Кстати сказать, дети привозили и получаемые нами материалы из Комитета по делам искусств из Москвы. За свою работу дети получали дополнительные талоны на хлеб.

Увеличение числа сотрудников, вызванное прибытием в Свердловск ряда лиц из различных мест и в разное время, дало возможность пополнить список дежурных на объектах. Увеличилось число реставраторов, принимающих участие в вскрытии ящиков: контрольные вскрытия таких материалов, как ткани, живопись и др., подверженных температурным изменениям, стали систематическими. Появилась большая возможность заниматься наукой и просветработой, кроме хранительской работы.

Научная работа Филиала

Научная работа представляла собой продолжение ранее начатых тем. Это было осуществимо только в тех случаях, когда был привезен необходимый материал и нужные для работы книги. Работу по межбиблиотечному обмену взяла на себя Алиса Владимировна Банк (Алиса Владимировна была верным помощником Владимира Францевича в административных делах). Книги выписывались из Москвы и Ленинграда.

Научное заседание в Филиале. Свердловск.
Слева направо А. В. Банк, В. Ф. Левинсон-Лессинг, М. Н. Кречетова,
А. А. Быков, Д. И. Смирнова, А. А. Иессен, А. А. Маркова, Л. Н. Белова

Сотрудники Филиала. Свердловск.
Слева М. И. Щербачева, в центре А. В. Банк

Несмотря на все трудности, рядом наших сотрудников были защищены диссертации и окончены высшие учебные заведения. Закончили свои диссертационные темы и защитили кандидатские диссертации в Москве Татьяна Алексеевна Измайлова и Марианна Николаевна Кречетова. Завершил докторскую диссертацию Михаил Петрович Грязнов. Окончили вузы Зинаида Владимировна Зарецкая и Марина Ивановна Торнеус.

В филиале проходили научные заседания с докладами А. В. Банка, М. П. Грязнова, А. А. Иессена, Е. Г. Пчелиной и др. Анна Алексеевна Маркова вела машинописную работу по оформлению прочитанных докладов, составлению протоколов, вела научную переписку.

В Свердловске было некоторое число студентов МГУ. Лекции и занятия вела с ними А. В. Банк. Глафира Николаевна Балашова занималась с З. Мухаммедиевой персидским языком.

Сотрудники поддерживали связь с Краеведческим музеем города, помогали в определении экспонатов музея, участвовали в обсуждении экспозиции. Научные сотрудники ОЗЕИ посещали заседания Союза художников.

После освобождения Крыма от немецких захватчиков Марк Матвеевич Худяк ездил в Нимфей для ознакомления с состоянием городища для продолжения своих исследований.

Л. А. Ерохова во время лекции в госпитале. Свердловск

Детский праздник в Филиале. Свердловск

Просветрбота

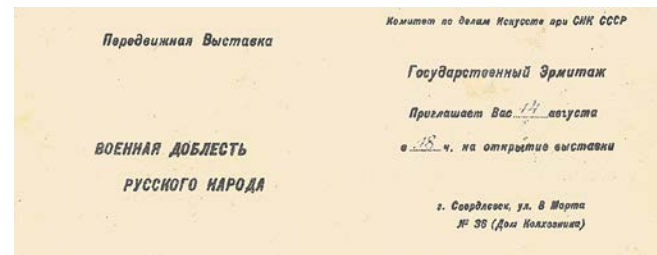
В 1943 году в Доме колхозника сотрудники Эрмитажа организовали временную выставку «Военное прошлое русского народа»*. Помещение было не совсем подходящим, были сложности с музейным оборудованием, однако выставка, хотя и не надолго, но была открыта. Следует отметить, что выставка была принята с большим интересом. На выставке проводились дежурства и консультации. Кроме этого, большая просветительская работа велась в госпиталях: читались лекции по истории военного прошлого России, о великих полководцах: Александре Невском, Суворове, Кутузове и др., о войне с французами 1812 г., битве со шведами и др. Лекции читались также в заводских клубах и цехах Уралмаша, Уралтяжстроя. Выезжали в область, в колхозы, выступали в кинотеатрах, на вокзалах, в эвакуопунктах. Всю организационную работу по чтению лекций вела Марианна Николаевна Кречетова.

Лекции читали Татьяна Алексеевна Измайлова, Людмила Александровна Ерохова, Варвара Михайловна Скуднова и др. Валентина Николаевна Березина читала лекции при поездках в санитарном поезде (при комиссаре Викторе Павловиче Кипарисове, бывшем до войны зам. директора Эрмитажа И. А. Орбели по хранению). Культотделом Свердловского горисполкома В. Н. Березиной, В. М. Скудновой и др. была выражена благодарность.

* «Военная доблесть русского народа». – *Сост.*

Выставка «Военная доблесть русского народа». Свердловск. 1943 г.

Пригласительный билет на открытие выставки «Военная доблесть русского народа». Свердловск. Август 1943 г.

Ф. А. Каликин (справа) при подготовке выставки «Военная доблесть русского народа». Свердловск. 1943 г.

Костюмированное представление на выставке «Военная доблесть русского народа». Свердловск. 1943 г.

Н. Н. Максимова. Портрет
Е. Г. Лисенкова. Свердловск.
22 июня 1943 г. Бумага, акварель

Партячейка филиала проводила праздники в дни Октябрьской революции, Красной армии, организовывала выступления детей на елке и в праздничные дни.

Сотрудники Эрмитажа, приехавшие в Свердловск в индивидуальном порядке:

1. Ерохова Людмила Александровна – ОИПК, н. сотр.	<i>Осень 1943 г. Ленинград</i>
2. Каликин Федор Антонович – ст. реставратор	<i>19-42/43 г. Ленинград</i>
3. Каминская Вера Ивановна – ОЗЕИ, н. сотр.	<i>Конец 1942 г.</i>
4. Кочетова Софья Михайловна – ОВ, китаист	<i>1943 г. из Ярославской обл.</i>
5. Лисенков Евгений Григорьевич – ОЗЕИ, хранитель рисунков	<i>Конец 1942 г.</i>
6. Лурье Исидор Михайлович – ОВ, зав. отделом	<i>Конец 1942 г.</i>
7. Матье Милица Эдвиновна – ОВ, зав. отд. Египта	<i>Конец 1942 г. (из Ленинграда самолетом вместе с И. М. Лурье)</i>
8. Маркова Анна Алексеевна – ОН, н. сотр.	<i>Осень 1942 г. Ленинград</i>
9. Морозов Федор Михайлович – зав. муз. фондами	<i>Май 1942 г.</i>
10. Семенов Михаил Михайлович – рест.-художник	<i>Зима 1942 г. Ленинград</i>
11. Скалон Кира Михайловна – ОИПК, ученый секретарь	<i>Осень 1943 г. Ленинград</i>
12. Соловейчик Рода Соломоновна – ОЗЕИ, хранитель фарфора	<i>Зима 1943 г. Ленинград</i>
13. Скуднова Варвара Михайловна – ОАМ, археолог	<i>Зима 1943 г.</i>
14. Худяк Марк Матвеевич – ОАМ, археолог	<i>Зима 1943 г.</i>
15. Флоров Николай Григорьевич – реставратор (с семьей, сестрой и племянником)	<i>Осень 1943 г.</i>
16. Щербачева Мария Илларионовна – ОЗЕИ	<i>Конец 1942 г. с Кавказа</i>
17. Струцовская Раиса Львовна – реставратор	<i>1943 г. ст. Ляды Пермской обл.</i>
18. Тарасова, жена зав. спецсектором Эрмитажа (с ребенком)	<i>1943 г. Ленинград</i>

Нозми Григорьевна Шпринцин

Ленинград

Павлу Филипповичу Губчевскому

Полевая почта 75723 В

27 июня 1943 года

Сегодня, днем, получила Ваше письмо. Постараюсь, насколько позволит время, ответить на интересующие Вас вопросы. Александр Алекс. призван в армию. Он находится под Ленинградом, в одной части с сыном Пиотровской. Медалей мы еще не получали, и когда придет наш черед, пока не знаем. Ваше желание получать их вместе с нами Аде Васильевне [Вильм] передала. Говорить об этом в соответствующих инстанциях еще рано.

Ада Васильевна по-настоящему подлечиться так и не собралась, но чувствует себя лучше и спокойнее.

Новых книг почти никаких не появлялось, если не считать стихотворных (далеко не ахти каких стихов). Книгу Тихонова «Ленинградский год» Вы, кажется, имеете. Если она вышла в свет после Вашего отъезда, напишите. На днях в магазинах будет дополнительный тираж. Жалею о том, что не успела купить книжку, выпущенную к юбилейным дням Ленинграда, «Площадь декабристов». Зато купила несколько экземпляров серии открыток силуэтов Ленинграда Остроумовой-Лебедевой. Один комплект для Вас отложен.

28 июня 1943 г. Вчера не закончила письма, нет времени и сегодня много писать. Откладывать в долгий ящик отправку его не хочу. Сегодня мы получили извещение о том, что настал и наш черед быть награжденными. Вызвать Вас, к сожалению, невозможно, несмотря на то что вы значитесь в утвержденном списке. Медаль Вам пришлют в часть.

Как будто бы ответила на все Ваши вопросы, кроме основного: что нового в нашем богоспасаемом учреждении. Дни так быстро бегут, что кажутся похожими один на другой. Но все же, как Вы знаете, частенько бывают сюрпризы. Так и на сей раз. В течение нескольких дней необходимо произвести учет ущерба, нанесенного Эрмитажу в период войны. Легко можете себе представить всю сложность этой работы. Аккуратно читая газеты, Вы знаете задачи чрезвычайных комиссий и объем их работ. Неоценимым кладом для нас оказался Эрнест Конр. [Кверфельдт]. С его помощью мы смогли произвести экспертизу в той или иной степени поврежденных предметов. В короткий срок произвели проверку наличия хоз. инвентаря в ХПТ, и теперь предстоит скучная работа сверки полученных материалов с картотекой. Тоска зеленая! Сохранность зданий проверяет синклит архитекторов во главе с Фирсовым.

На этом, пожалуй, прерву письмо, прерву, а не окончу, так как продолжение постараюсь не задержать.

Итак, до следующего письма!

Н. Шпринцин

Нозми Григорьевна Шпринцин

Ленинград

Павлу Филипповичу Губчевскому

30 ноября 1943 года

Пишу на общем собрании под аккомпанемент доклада Ильиной. Только что прочла Ваше письмо. С утра была на Выборгской, в госпитале, где «сеяла разумное, доброе, вечное», а проще говоря, провела две лекции по

Сотрудники осматривают поврежденные экспонаты. Стоит М. В. Доброклонский

истории Петербурга. Когда я вошла в Красный уголок, то Байкова мне с радостью дала прочесть Ваше письмо. Но прочесть мне его пока не удалось, конверт оказался пустым. Капман взяла письмо, чтобы прочесть его собравшимся. Отвечать на Ваше письмо буду после, а пока буду писать обо всем, что помнится из наших новостей.

Продолжаю на КП. На часок подменяю Капман. Итак, отвечаю на письмо:

1. Русский музей вышел на первое место по основаниям, так сказать бюрократического порядка, из которых исходил ОК Союза. Ну и Бог с ним. В следующий раз в феврале, надеюсь, мы возьмем реванш.

2. Книг для Вашей части хоть и немного, но соберем. Попрошу также Мих. Васильевича [Доброклонского] разрешить дать несколько комплектов эрмитажных открыток.

3. Улицы еще не переименованы. Это проект, о котором мне рассказывал Михаил Васильевич. Предполагается по-старому именовать Невский, Садовую, Суворовский и, кажется, Дворцовую площадь, а какие еще улицы, не знаю.

4. Стрешинской обязательно напишу. По окончании собрания с криком накинулась на Флиттнер, признав вину, – она поклялась завтра же ответить.

5. Привет Ваш не только передала, но выдержку о жажде книг зачитала на собрании. Объектовому командарму [А. В. Вильм] пока привет передать не могу: она наконец попала, со вчерашнего дня, в больницу. Она совсем расклеилась и нуждается в серьезном ремонте.

Я, грешным делом, частенько забываю, о чем писала своим многочисленным корреспондентам, и нередко в ответ на письма получаю ответ: «Ваше последнее письмо целиком поместили в стенгазету, пишите еще об Эрмитаже». А я, убей Бог, не помню, о чем писала.

Хотите побеседовать о театре и живописи, о книгах и людях? А не желаете ли пару строк о филармонии?

На днях, если не ошибаюсь, в третий раз за время войны пошла в концерт. Соблазнилась программой и исполнителями: Концерт для фортепьяно с оркестром Шопена и Первый концерт Чайковского (солисты Зак и Гилельс, дирижер Элиасберг). Народу было много. Приятно было снова увидеть по-прежнему красивый, торжественный, ярко освещенный зал. Не натертый паркет без привычной дорожки в проходах, трещины на потолке – детали, на которые не хотелось обращать внимание. Иной, не привычный для филармонии вид имела публика: много военных, в том числе женщин. По внешнему виду некоторых из них было видно, что они приехали с фронта и, воспользовавшись парой часов, пришли в филармонию, чтобы снова, быть может сразу по окончании концерта,

вернуться на фронт. Странно было видеть публику в пальто, в шинелях. В особенности это бросалось в глаза во время антракта – в боковых галереях партера, вестибюле, сизом от табачного дыма. Почти не видно было людей в ватниках. В этом году ленинградцы начали франтить. Солисты и дирижер во фраках. Оркестр Радиокomiteта уступает своему филармоническому собрату не только по качеству игры и по числу оркестрантов, но и по внешнему виду. Кое-кто в коричневых и даже в серых костюмах. А музыка такая бодрая и жизнерадостная, что невольно забывалось все окружающее и хотелось только впитывать в себя звуки.

Окончился концерт около 9-ти часов вечера. Публика направилась к выходу. Я остановилась внизу на площадке и наблюдала. За годы войны мы отвыкли от такого скопления народа.

После освещенного вестибюля темнота на улице казалась как-то по-особенному непроницаема. По ассоциации вспомнила о нашей последней новости: на днях возобновилось освещение лестниц в домах. Снова зажжены синие лампочки в фонарях у ворот. Поговаривают о том, что в ближайшее время зажгутся уличные фонари на Невском (синими лампочками, разумеется).

Эти маленькие факты очень знаменательны. Город-фронт энергично готовится к новой мирной жизни. Он не только, как теперь принято говорить, залечивает свои раны, но и приступает к новостройкам. Очень велика нужда в рабочей силе. Райсоветы и райкомы посылают агентов на Большую землю за специалистами. Сегодня я получила телеграмму от своей невестки из Ташкента: «Завербовалась в Ленинград. Буду в феврале – марте». Она чертежник-конструктор. Работы ей будет по горло.

А наши товарищи-одиночки рвутся в Ленинград. Изергина прямо неистовствует. С Васильевым было передано ходатайство о возвращении Изергиной, Морозова и Скудной. Возвратилась, по вызову Публичной библиотеки, Ракитина.

Завтра она приступает к работе у нас. Я помешалась на одном пунктике. Надо, наконец, взяться за историю Эрмитажа в дни войны. Филиал к этому уже приступил. Быть может, и Вы часок-другой свободного времени посвятите этому нужному делу? Ведь Вам есть о чем вспомнить: одна вышка чего стоит!

Пока суд да дело, я начала было вести нечто вроде дневника. Записи делаю, к сожалению, редко. Некогда. Но не пора ли закончить письмо?

Книжки Вам оставлю на всякий случай «на ключах» – на тот случай, если меня не будет на месте, когда Вы будете в любимом учреждении. Пишите.

Н. Шпринцин

Милена Душановна Семиз

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

2 декабря 1943 года

Глубокоуважаемый Владимир Францевич!

Подходит 1 янв. А до меня дошли слухи, что сотрудников Эрмитажа решено собрать воедино.

Очень прошу Вас, если это будет возможно, учесть, что я лично хотела бы быть в Ленинграде. За зиму 1941–1942 года я сжилась с коллективом и с Адой Васильевной [Вильм] очень. Мама моя останется в Ярославской области. Я одна и физически чувствую себя не плохо.

Будучи в Москве, видела Иосифа Абгаровича, который хотел меня на время откомандировать к И. Э. Грабарю в Комитет по охране памятников. Вы ведь знаете мои древнерусские интересы. А за последние полтора года я работала исключительно в этой области (Углич, Владимир).

В Москве жилье у меня есть – у брата. Если этот вариант не прошел, то, пожалуйста, учтите мои пожелания. Федор Антонович [Каликин] пишет, что я могла бы ему помочь в реставрации – «рукоделие» я очень люблю и ни от какого дела не отказываюсь, а работать для Эрмитажа очень и очень хочу от всей души.

С горечью узнала, что Алиса больна. Писала ей, но пока ничего нового не знаю.

Сердечный привет и мое неизменное уважение Вам.

Милена Семиз

Из воспоминаний Анны Григорьевны Беловой

Перелом

С 1943 года мы уже немного приободрились: в войне произошел перелом. Во всех учреждениях висели карты Советского Союза, на которых флажками отмечали наступление наших войск, освобождение городов и областей. В кинотеатрах шел новый фильм «В шесть часов вечера после войны», появилась надежда на то, что у войны будет конец.

В конце 1943 г. отец закончил диссертацию «Херсонес Таврический (очерк истории города)» и получил командировку в Ташкент для ее защиты в ИИМК Академии наук. Поездка туда и обратно была непростой: трудно

было достать билет, поездка с пересадками заняла несколько дней. В вагоне отец рассказывал своим попутчикам содержание диссертации, они оказались очень заинтересованными слушателями.

Наконец, трудный путь был преодолен. В Ташкенте отца тепло встретили друзья и коллеги: В. Ф. Гайдукевич, М. П. Ваулина, С. В. Трончинский, А. Н. Карасев и многие другие. Защита состоялась 15 января 1944 года, оппонентами выступали Т. Н. Книпович и М. А. Тиханова. Обсуждение было очень оживленным, многие даже думали, что это докторская диссертация. В кругу друзей скромно отметили это событие.

Весной 1944 года отец начал занятия со студентами-историками Уральского университета по истории греческой колонизации Северного Причерноморья.

В 1944 году Филиал Эрмитажа получил здание Дома культуры на ул. Первомайской, д. 24 (недалеко от Вознесенской горки и АМ) вместо Костела. Отец активно участвовал в перевозке вещей из Костела на новый объект. Кроме того, в этом здании выделили жилые комнаты для эрмитажников. Мы получили комнату на 3-ем этаже в ноябре. Комната была светлой и сухой, с цементным полом. Здание имело центральное отопление, и с электричеством было лучше, чем на ул. Розы Люксембург. На нашей лестнице были туалетные помещения с раковинами и водопроводом. Все это значительно облегчало нашу жизнь в течение последнего года эвакуации.

Оказавшись в одном доме и на одной лестнице, сблизилась многие сотрудники. Я снова встретилась со своими первыми подружками – Наташей Ламановой и Олей Шмидт, которые тоже переселились на Первомайскую. До этого времени они тоже жили в каком-то отдаленном конце города.

В здании Дома культуры осталось свободное помещение, в котором стояло пианино.

В связи с успехами на фронте и улучшением общего настроения и обстановки жить стало веселее. Улучшилось питание, появились дополнительные пайки. У нас в гостях часто бывали Ф. А. Каликин, А. А. Быков, А. А. Маркова. Когда не было электричества, при копилке, старшие часто вспоминали свои молодые годы. Алексей Андреевич читал А. Блока.

В клубном помещении на Первомайской эрмитажники начали устраивать музыкальные вечера: играл Алексей Андреевич Быков, кто-то еще из сотрудниц. М. И. Торнеус учила нас, детей, игре на пианино.

Однажды была поставлена пьеса «Гроза» А. Островского. Кабаниху играла И. М. Левина, Катерину – дочь Л. Ф. Силантьевой [Е. Ю. Силантьева-Моисеенко], Тихона – мой отец. Все очень серьезно готовились к постановке, достали настоящие костюмы и парики. Когда, по ходу пьесы, мой отец кланялся в ноги И. М. Левиной, то очень беспокоился, чтобы не свалился парик.

С 1943 года в штат сотрудников Эрмитажа снова зачислили мою маму [Л. Н. Белова], она смогла вернуться к научной работе, к нумизматике.

С открытием второго фронта многие сотрудники начали изучать английский язык. На Первомайской для них был организован кружок, занятия вел кто-то из эрмитажников.

Иногда сотрудники получали американские подарки. Так, мой отец получил темно-синее демисезонное пальто. В кармане лежала карточка с надписью, напечатанной по-русски: «От друга в Америке». Это пальто служило отцу много лет и оставалось в его гардеробе, по-моему, до конца его жизни.

Жанетта Андреевна Мацулевич

Ташкент

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

21 января 1944 года

Дорогой Владимир Францевич!

<...> События последних дней на Ленинградском фронте окрылили наши надежды на действительную возможность эвакуации весной, и вместе с этим отошли, конечно, все вопросы каких-либо новых начинаний здесь, в Ташкенте. Я, по крайней мере, думаю только о том, чтобы закончить начатое и не оставить никаких долгов. <...> Вы сами можете сделать вывод, как мы ждем возвращения, тем более, как стремимся в Эрмитаж, к общению с многолетними товарищами и друзьями, к большой, настоящей и нужной работе.

Мне думается, что каждый из нас теперь гораздо больше, чем прежде, будет ценить наш прекрасный сильный научный коллектив и, перенесши все тяготы разных условий эвакуационного бытия, приложит все усилия для восстановления крепкого научного быта Эрмитажа. Ах, как хочется, Владимир Францевич, попасть в Ленинград и начать готовить Эрмитаж к достойному приему дорогих хозяев: Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, Тициана и всех других. Если я буду нужна Вам при организационной работе по эвакуации, то рассчитывайте на меня всецело. Я приеду немедленно, только Леонида Антоновича [Мацулевича] и сестру его мне надо отвезти прямо в Ленинград. Он после воспаления легких, а она в очень тяжелом состоянии от болезни аорты, усугубившейся в условиях здешней жары летом и сырости зимой, таким повышением кровяного давления, что врач не стеснясь сказал ей, что с ней может быть паралич. Мы, вероятно, сможем присоединиться здесь к эшелону Академии наук, который собирается отсюда в апреле и к 1 мая должен быть в Ленинграде. Еще неделю тому назад все недоверчиво улыбались на такие предположения, а теперь они становятся реальной возможностью. Разгром немецкой оборонительной линии идет с такой поражающей быстротой и последовательностью, что является блестящим доказательством великолепно обдуманного и осуществляемого плана, и эвакуация ленинградских

И. А. Орбели и А. М. Аносова.
Подготовка выставки.
1944 г. Фотография
Д. М. Трахтенберга

учреждений Академии наук есть часть того же плана, и поэтому мы верим в действительное его проведение в жизнь, в те сроки, которые были намечены.

Напишите, Владимир Францевич, какие Ваши мысли и соображения на этот счет; особенно, что Вы думаете о сроках и возможностях реэвакуации Эрмитажа. Так как будете писать по почте, то можете выражаться завуалированно, я пойму. Очень буду ждать от Вас письма, потому что повторяю, вся переключилась внутренне на Эрмитаж и его восстановление.

Крепко жму Вашу руку.

Передайте привет Марии Илларионовне [Щербачевой], Лисенкову, Алисе Банк и всем дорогим товарищам.

Ваша Ж. Мацулевич

Олег Владимирович Щербачев

Москва

Марии Илларионовне Щербачевой

Свердловск

14 февраля 1944 года

<...> Мася! Вчера я видел Иосифа Абгаровича, который приехал сюда вчера на сессию Академии наук. Я был у него очень недолго, т. к. поздно к нему попал, но встречу с ним еще несколько раз. Он очень интересовался тобой, и я рассказал ему о твоей жизни. <...> Он собирается числа 21-го поехать в Ленинград дней на 5, чтобы договориться там о сроке возвращения работников домой. Из Свердловска он думает вызвать человек 6, которые сейчас нужны в Ленинграде, остальных же пока не трогать и оставить в Свердловске, в том числе и тебя. Напиши мне свое мнение по поводу возвращения. Иосиф Абгарович встретился со мной очень ласково, и я очень рад, что его повидал.

<...> Я все время радуюсь нашим успехам на фронтах. Особенно под Ленинградом, оттуда немцев здорово быстро выгнали. Очень приятно было услышать о взятии Луги и побережья Чудского озера.

Крепко тебя, дорогая масенька, целую и очень люблю. Поздравляю тебя с 3-х летием моего Вовки и очень мечтаю о том дне, когда ты их снова увидишь.

Наталья Давыдовна
Флиттнер. 1950 г.

Уборка в читальном зале Научной библиотеки

Наталья Давыдовна Флиттнер

Ленинград

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

10 марта 1944 года

Дорогой Владимир Францевич,

спасибо Вам большое за память и за добрые слова, полученные мною от Вас через Ф. М. Морозова.

Мне дорого хорошее отношение товарищей – от него отогревается душа, оно снимает так много тяжелого из того, что жизнь навалила на каждого из нас порознь и на всех вместе. Итак, хотелось бы делом отблагодарить за все ободряющие слова друзей, особенно таких старых, как Вы...

В эти дни мы вспоминаем много всех далеких друзей, так как у нас настоящий съезд командированных. Ходила сегодня в Центральную библиотеку: вся она залита ярким солнцем, хотя и холодно еще, а пахнет уже жизнью. Стоят в одном из шкафов аккуратно книжки, на шкафу надпись: «Книжки В. Ф. Левинсона-Лессинга», – а не приедет ли хозяин их с наступлением тепла и света в родной Ленинград? Хорошо у нас теперь, тихо! Мы все еще не совсем привыкли к тому, что нас перестали оптом и в розницу изничтожать, и все еще остро наслаждаемся отсутствием блокады. Как жаль, что Вы не могли вместе с нами пережить совершенно незабываемых дней снятия блокады и особенно вечера 27-го января! Это было, помимо всего прочего, необычайно красиво.

Верно, реакция должна была все-таки наступить после двух с половиной лет существования нашего в роли смертников, ужасно мы все устали. Ждем нетерпеливо восстановления, возвращения всех, работа подбодрит, залечим раны, помянем потери и авралом возьмемся снова за дело!

Еще раз горячо благодарю Вас, Владимир Францевич, шлю горячий привет товарищам.

Преданная Вам

Н. Флиттнер

Ноеми Григорьевна Шпринцин

Ленинград

Павлу Филипповичу Губчевскому

Ленинград, госпиталь

3 мая 1944 года

Добрый день, Павел Филиппович!

К сожалению, никто из хранителей не может Вас сегодня навестить: 50 % сегодня выходные, а остальные на казарме. Хотел было поехать Петр Петрович, но ухитрился сильно ушибить ногу. С книгами также ничего не вышло...

Сообщите мне приемные дни в госпитале. Постараюсь сделать так, чтобы отпустили «навестить раненого бойца». Поговорите с комиссаром о том, что Государственный Эрмитаж жаждет «сеять разумное, доброе, вечное» в вашем госпитале, а проще говоря – читать лекции на тему «Ленинград – национальная гордость русского народа». Тогда Вы будете иметь счастье лицезреть Аносову или меня.

Наше семейство растет: приехали Морозов, Изергина, Пчелина и Гарбузова «насовсем». В командировку на 20 дней приехали Б. Б. Пиотровский и Мох.

Кончаю, Смирнова торопится.

Посылать ли Вам что-нибудь из купленных для Вас книг, например «Женщины Ленинграда», «Героический Ленинград» и т. п.?

Привет!

Н. Шпринцин

Н. Н. Максимова. Ф. А. Каликин
в хранилище на улице Вайнера.
Свердловск. 22 июля 1943 г.
Бумага, акварель

Федор Антонович Каликин

Ленинград

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

7 июля 1944 года

Дорогой Владимир Францевич, здравствуйте!

Привет из Ленинграда, в котором я уже с 3 июля. С 23 по 28 был в Москве, а с 29 по 2 июля был в дороге и у своей семьи.

Ленинград выглядит хорошо – сравнительно хорошо. А Эрмитаж, исключая нескольких пробоин и битых стекол, – отлично. Приехал Сивков и надеется «Эрмитаж» отеплить до наступления холодов, т. е. без Зимнего. Сегодня был у себя на квартире, в которой нашел лишь одну только кровать. Остальное все растащено. Матвея Никитича [Рябова] застал за реставрацией 2-х больших портретов Суворова и Кутузова, которые будут повешены в приемной директора. Он выглядит хорошо. Вчера приказом уволена Шпринцин Н. Гр. Привет всем – до выходного писать нет времени. Я много терплю лишений, а поэтому прошу меня пайка не лишать, иначе я огорчусь.

Ф. К.

Федор Антонович Каликин

Ленинград

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

Лето 1944 года

Дорогой Владимир Францевич!

Вы правы, действительно, события на военных фронтах, как в Европе, так и у нас, так быстро развиваются, что не исключена возможность окончания войны, допустим, в начале сентября, а если это совершится, то, конечно, нас мариновать в Свердловске не будут, и я полагаю, что в том же сентябре мы будем уже в эшелонах. Но если Германия не капитулирует до 10 сентября, то, конечно, пари я проиграл, т. к. если даже война кончится и в сентябре, но уже для возвращения нас время уйдет, а зимой или осенью возвращать нас, я полагаю, не будет. Ну как бы там ни будет, а ясно одно, что немецкая военная машина трещит в своем основании и скоро рухнет.

А. Ф. Пахомов. На крыше Зимнего дворца. 1944 г. Автолитография

А я, пока военные дела идут таким полным победным ходом, уже три дня отработал на выставке – работаю в самой Петровской галерее, самом ее начале, и имею пособницу из студенток Академии художеств. Матвей Никитич [Рябов], к великому сожалению, заболел и пока на бюллетене. За три дня сделал следующее: укрепил осыпания, промыл, восстановил лак и сделал небольшую живописную реставрацию (без мастиковки), всего подготовил к выдаче картин 8 штук.

А главное, что они – картины, т. е. некоторые из них не так уже и плохи, как думали некоторые, в том числе и я. А поэтому я с увлечением работаю по реставрации картин для этой первой послевоенной выставки. Три дня тому назад Ф. М. Морозов сосватал и вчера Эрмитаж купил две картины – одна итальянск. худ. XVIII в., а другая мужск. портрет художника Графа*. Обе картины куплены за 16 тыс. рублей. Говорят, что недорого, т. к. сохранность их хорошая. Сейчас остекляется зал Павлина и очищается Советский подъезд. Так что, начиная от Малого подъезда и включая зал Павлина, это пространство начинает принимать довоенный вид – Библиотека и Петербургские виды** уже остеклены, а также и Петровская галерея полностью. Песок убран, полы вымыты и даже чуть-чуть натерты, а поперечные щиты в Петровской сняты. На Востоке мной всего закреплено больше ста фрагментов. Не один раз уже видел отопленцев, работающих по ремонту линии, снабжающей Эрмитаж горячей водой. Эта линия проходит от Адмиралтейства через скверик, что перед Зимним дворцом, а это говорит за то, что не исключена возможность отопления тех помещений, которые имеют радиаторную систему. Сегодня заглянул в Лоджии – целехоньки. Так что все пока в порядке, за исключением разве подрамников, которые частично пошли в топку, понятно, неофициально. На днях был в здании б. Штиглицкого музея. Вот действительно там пострадало все, а какая там была роспись сводчатых потолков, разве теперь так напишут.

Вот пока все, Васильев Владимир Николаевич еще не приехал, зато приехала вторично Зинаида Владимировна [Зарецкая] из Москвы, а когда приедет Васильев, то придется искать нового ночлега. До какого времени я здесь буду находиться, я и сам не знаю, думаю, что до первого похолодания, так как я здесь в одном пиджаке, но еще дней 10–15 поработаю, картин 30–40 сделаю, а остальное доделает Матвей Никитич, после открытия.

Шлю привет Милице Эдвиновне, Марии Илларионовне и Алисе Владимировне, Николаю Дмитриевичу [Михееву], Лотте Моисеевне [Хай] и ученому секретарю Глафире Николаевне [Балашовой]. Привет и пожелания быть всем здоровыми. Картошка свежая здесь уже 25–30 рублей, молоко – 60 рублей, яйца 150 рублей 10 штук, хлеб – 50 руб. килограмм. По карточкам здесь дают водку, а в этом месяце выдают чистый спирт ректификат, вместо одного литра – 1/2 литра – роскошь. Я уже пробовал – очень хороший. Смогу ли привезти в Свердловск, не знаю. Думаю, что не смогу, так будет уже холодно, что выпью в пути. Ну еще раз до скорого свидания.

Ваш Ф. Каликин

* ГЭ 8701. Антон Граф. Портрет Георга Леопольда Гогеля. – *Сост.*

** Галерея петербургских видов в здании Малого Эрмитажа, у входа в Научную библиотеку. – *Сост.*

Зинаида
Владимировна
Зарецкая. 1930-е гг.

Зинаида Владимировна Зарецкая

Ленинград

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

30 августа 1944 года

Добрый день, дорогой Владимир Францевич!

О моей судьбе Вы теперь уже знаете из моего письма, посланного из Москвы, и из рассказов Марины [Торнеус]. Сейчас я занимаюсь работой по восстановлению Главной лестницы (ул. Халтурина) и Галереи истории живописи, поднимаю и расставляю скульптуру, вскрываю оставшиеся ящики. Потом, когда приедет Марина, будем разносить все комнатное убранство Эрмитажа и ставить вазы на свои места. Работы много, все разложено везде и всюду, нужно начать подбирать. Марину ждем с большим нетерпением. И. А. [Орбели] послал телеграмму, чтобы Вы торопили ее выезд. Об экзаменах, жизни в Москве Вам уже все известно, писать нечего.

О выставке, которая будет в Петровской галерее, Вам тоже известно. Тотя хозяйничает, предполагают ее открыть к первому сентября. Постепенно разгружаются все подъезды и некоторые залы внизу. Уже начало восстановлению положено. Здесь установка такова, что в апреле месяце мы будем здесь. Погода стоит чудесная, тепло и хорошо, и не хочется думать об уральской зиме. Хозяин наш мил и добр, очень скучает и поэтому подчас тиранит людей. Вообще, когда приеду, о многом сообщу. Каликин ввиду болезни Рябова работает на выставке, ему еще продлили пропуск.

Как вы все живете? Что у вас хорошего? Вот, кажется, Алиса болеет, а я следую ее худому примеру, не болею, но хожу с фурункулезом на боку, который мне мешает работать. Пока всего хорошего. Шлю Вам свой сердечный привет. Алису, Лотту [Хай] крепко целую, всем товарищам сердечный привет.

Зарецкая

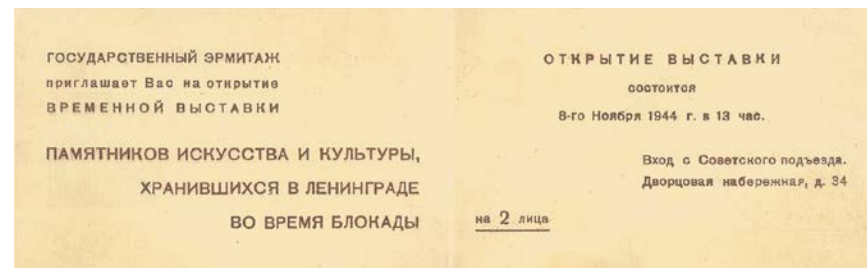
Подготовка к выставке в Эрмитаже. Справа М. В. Доброклонский.
1944 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Подготовка к выставке в Эрмитаже. М. В. Доброклонский. 1944 г.
Фотография Б. П. Кудоярова

Подготовка к выставке. Стоят И. С. Немилова и Е. К. Каменецкая,
на лестнице А. М. Аносова. 1944 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Пригласительный билет на открытие выставки «Памятники искусства и культуры, хранившиеся в Ленинграде во время блокады». 8 ноября 1944 г.

Афиша выставки «Памятники искусства и культуры, хранившиеся в Ленинграде во время блокады». 8 ноября 1944 г.

Посетители на выставке. Галерея древней живописи. 1944 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Посетители на выставке. Аванзал Зимнего дворца. 1944 г. Фотография Б. П. Кудоярова

Зинаида Владимировна Зарецкая

Ленинград

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

12 октября 1944 года

Дорогой Владимир Францевич!

Надеюсь, что все мои письма Вы получили и теперь все подробно знаете обо мне. 10 октября я только приступила к работе, а до этого все лечилась и бегала в Военно-медицинскую академию. Хотя и до сих пор хожу на перевязки и кварц, но уже не так часто. Пропуск у меня до 1 ноября, но с сегодняшнего дня до 1 января. Если Вы возражать не будете, то я бы, честно говоря, не хотела бы возвращаться. Хотя мне здесь и трудно в смысле питания, т. е. я не имею литеры, а только рейсовую, а это значит только обед. Ведь я числюсь как командированная. Наши-то все имеют литерный паек. И. А. говорит, что перед реэвакуацией он отправит меня за месяц в Свердловск. Я хочу знать, как Вы считаете правильным, оставаться или возвращаться мне. Я получила комнату, добыла остатки вещей своих, которые сосед «хранил», и начала устраиваться кое-как. Быт сложен, но что же делать. Мне комнату убрали, почистили, вставили стекла, пока я была в больнице. Все И. А. Я ему очень благодарна. Ж. А. [Мацулевич] уже понемногу начала приступать к работе, к своим обязанностям зава. Она изменилась и внешне и внутренне. Энергии в половину, стала тиха, скромна. Настоящая старушка, вдобавок беззубая. Вам трудно себе ее такой представить. Приехала и М. И. [Щербачева]. Приходит пока редко, устраивается. Очень прошу Вас, Владимир Францевич, прислать в бухгалтерию разрешение на получение семисот руб., задолженность Лурье в счет полагающихся мне командировочных за 2-ой месяц. Деньги сейчас очень нужны. Ведь филиал не присылал денег, и мне приходилось продавать хлеб и на это жить, а это ведь здесь гроши только на обед.

Очень скучаю без своих филиальцев. Все здесь хорошо, все милы, но все же они чужие. Это ощущаю я и Федор Антонович [Каликин]. Об этом мы часто с ним говорим. Ему все никак не уехать. Все задерживают его, беднягу. Наступают холода, а мое пальто лежит в Свердловске. Владимир Францевич, если Вы узнаете, что кто-то едет в Москву, не возьмут ли они его туда, а из Москвы мне легче его выцарапать. Я написала и Алисе об этом. У Вас возможностей узнать, кто едет, больше, а поэтому я и обращаюсь с просьбой.

Как вы все живете? Начали перевозку Костела или он так и останется? Очень прошу, передайте Шмидт, чтобы она немедленно на домоуправление послала письмо, что она жива и собирается в апреле возвращаться. Мне так сказали в домоуправлении, в ее комнате никто не живет, там немного разрушено.

Наш отдел находится в помещении бывшего издательского отдела, стоит там буржуйка, топится и очень тепло. Ж. А. [Мацулевич] и М. И. [Щербачева] устроили кабинет в помещении, где были когда-то машинистки, Восток – где был местком. Сейчас работают по отоплению всего низа административных комнат, Советской лестницы, Петровской, Романовской галерей, словом всей выставки. В Павильонном вместо часов будет стоять скульптура Амур и Психея, вазы наши и мозаичные столы.

Пока пожелаю Вам, Владимир Францевич, всего хорошего, сердечный привет всем товарищам, до скорого свидания.

Зарецкая

Жанетта Андреевна Мацулевич

Ленинград

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

Свердловск

19 октября 1944 года

Дорогой Владимир Францевич!

Наконец у нас состоялось совещание Отдела Запада, пленарное, в количестве 9 душ, и я могу написать Вам о предполагаемом плане работы.

Как Вы знаете, Владимир Францевич, я в Эрмитаже и для Эрмитажа никогда не отказывалась от любой нагрузки и поэтому не отказалась и теперь, когда после получения Вашего ласкового письма была вызвана к директору и поставлена во главе ОИЗЕИ на время подготовки к эвакуации. Поскольку и Вы, и директор, который принял нас очень приветливо и радостно, считаете, что я нужна именно на этом месте и для этой работы, постольку я и принялась сразу за нее.

Прежде всего установила все кладовые нашего отдела и обошла вместе с Михайловой, исполнявшей роль секретаря отдела. Сейчас здесь осталась Зина Зарецкая, и секретарство я возвратила ей.

После ознакомления со всеми хранилищами и с подготовляемой выставкой в Петровской галерее я созвала совещание отдела, и мы обсудили первоочередные работы. План пришлось делать на все второе полугодие, и в него я постаралась включить все те работы

Ж. А. и Л. А. Мацулевичи

подготовки отдела к предстоящей эвакуации, о которых Вы мне писали. Кроме того, вставила и ряд тем по научной работе, получив санкцию Иосифа Абгаровича на 3 часа в день для каждого на научную работу. Поставили темы по истории искусства на первое место для старших, а для молодежи темы по материалу. Шура Аносова занималась мебелью под давлением обстоятельств и заинтересовалась ею; тут еще помог ее интересу и Кверфельдт, и она стала работать над датировкой одного из данцигских шкапов. Я еще не успела точнее узнать, как и что она делает, но во всяком случае сочла нужным поставить ей эту тему в план, чтобы не обижать и не разочаровывать человека.

В таком роде и другие темы молодежи, а Герц, Изергина, Доброклонская, Щербачева и я пишем историю искусства. Вот теперь об этом-то главным образом я и хочу Вам написать.

Вернулся из Москвы Исидор Лурье и привез с торжеством издательский план, утвержденный и обеспеченный фондами. Показать он мне его не мог, так как приехал только сегодня, но говорил, что утвердили 3 тома сборника отдела Запада и поставили обязательным напечатание в 1945 году одного тома Истории искусств.

Владимир Францевич, мне кажется, что это самый важный пункт в издательском плане и нам необходимо серьезно подумать о его осуществлении. <....>

Вот видите, Владимир Францевич, какие на мне лежат обязательства, и притом жизнь каждого дня еще далеко не налажена. У нас еще две комнаты в квартире заняты посторонними жильцами, у нас еще нет ни одного стекла в окнах, ни одной щепки, не только дров. И так во всех отношениях. Да и сил мало, устаю, часто засыпаю, не могу по ночам работать, но говорят, что я уже успела здесь поправиться, хотя Кроль меня не узнала, это я видела по ее лицу, как она меня ни уверяла, что я мало изменилась.

И все-таки, Владимир Францевич, мы оба с Леонидом Антоновичем [Мацулевичем] бесконечно рады возвращению на родину и в родной Эрмитаж. Вчера мы уже приняли участие в воскреснике и чистили и монтировали люстры для Павильонного зала, который будет приведен в порядок и открыт вместе со всей выставкой, готовящейся к октябрьским праздникам. Вы, конечно, знаете, что это будет выставка фондов, где наш отдел занимает Павильонный зал со скульптурой и мозаиками, Петровскую галерею и Петербургские виды с живописью, графикой, скульптурой, фарфором, а все другие отделы помещаются в Романовской и Аполлоновом зале. Эту работу надо будет срочно заканчивать и затем обратиться к той подготовке кладовых, о которой писали Вы и которую поручил первоочередной задачей Иосиф Абгарович.

Спасибо Вам большое, Вам и Кире Михайловне [Скалон] за приветственную телеграмму, которая нас очень тронула. Вообще, Владимир Францевич, отношение всех товарищей в Эрмитаже искупает нам с Леонидом Антоновичем все трудности устройства в Ленинграде. Так приветливо, внимательно и заботливо относятся к нам, что все время испытываешь приятную теплоту на душе, вместо того отвратительного ожидания грубостей, нахальства и хамства, с которым приходилось постоянно сталкиваться в Ташкентском музее. Так что для нас даже

проезд в трамвае доставляет удовольствие, потому что почти каждый раз кто-нибудь, особенно морячки, вскачат и предложат сесть. Мы первые разы просто терялись от неожиданности, но все это страшно приятно.

Потом очень приятно встречать живых людей, действительно оставшихся живыми и прежними, несмотря на пережитую блокаду. Так, меня обрадовала сегодня встреча с Ксенией Владимировной Рубец [Ползикова-Рубец]. Она сохранила прежний вид, и прежнюю ироническую живость ума, и прежний культурный внешний облик, так что я даже испытала угрызения совести за свой состарившийся спущенный темп жизни. Надо снова подняться и держаться настоящих темпов, иначе овчинка выделки не стоит, обратишься в архивный материал.

Вчера у нас было такое довольно странное впечатление на докладе Н. Н. Пунина на заседании искусствоведческой кафедры Академии художеств. Я так была рада первому серьезному научному заседанию, да еще на такую животрепещущую тему «Задачи советского искусствознания», что шла полная радужных надежд. Да еще Тотя [Изергина] их разогрела, сообщив в свойственных ей тонах предысторию доклада, который был по проискам Каргера запрещен как оппозиционный (к кому, к чему?!), и затем разрешен для сообщения только в профессорской аудитории с запретом присутствовать студентам и даже аспирантам, на что Пунин разразился следующей репликой, что он будет читать не для академических идиотов, а пригласит эрмитажников и Русский музей. <...>

Возвращаясь к вопросу очередной работы, должна Вас разочаровать, что сейчас Иосиф Абгарович возражает против расстановки оборудования и мебели по местам в залах и кладовых, пока нет отопления. В частности, нас очень заботит вопрос о месте для запасов «Б», так как комнаты за Промкапом Сивков отвел, как самые сырые. Значит, придется искать временное помещение для очистки от фондов «Б», седьмой запасной, а временность мне кажется самым опасным путем размещения материала, потому что вещи портятся при каждой перестановке и временное место обязательно окажется необходимым для какого-нибудь иного материала.

Такая же трудность возникает с оружием. В Арсенале не топится и сыро, оружие и так уже ржавеет. Его надо чистить и убирать с пола античного зала Лебеда, а куда? Опять временно? Это же безумная расточительность рабочей силы, когда ее вообще нет и все делаем сами. Напишите, как бы Вы решили в таких случаях, быть может, ответ Ваш еще застанет эти вопросы нерешенными.

Теперь о каталогах. Я пока еще не вполне в курсе дела. Мария Илларионовна [Щербачева] только 27-го или 28-го сделает сообщение, раньше не может – возится с продовольственными карточками. Тогда я Вам напишу дополнительно, а теперь довольно на сегодня.

Буду ждать ответа с нетерпением, так как являюсь теперь Вашим alter ego и хочу действовать вполне согласованно.

Леонид Антонович шлет Вам искренний привет. Крепко жму Вашу руку.

Ваша Жанетта Мацулевич

Милица Эдвиновна Матъе

Свердловск

Владимиру Францевичу Левинсону-Лессингу

20 марта 1945 года

Дорогой Владимир Францевич!

Пользуюсь поездкой Куранова и посылаю Вам письмо. Как я Вам уже писала в письме в Комитет на имя Ламцова, в основном у нас все в порядке. Уголь привезен полностью (20 тонн), лампочки получены, гвозди тоже. Главное затруднение – доски. Со склада в городе обещали «что-нибудь выкроить» 28-го, и Навицкий согласился отсрочить наряд на 2-ой квартал. Но я не очень-то всему этому верю, а потому сегодня пробуем получить транспорт от Шмелева на Монетку. У Шмелева, кажется, сейчас машины есть. Романов согласен возить и с Монетки. Но если от Шмелева транспорт не достать, Романов предлагает попробовать частный транспорт, что ему, видимо, очень хочется, а что мне совсем не хочется. При этом случае два варианта: денежный (за все 30 кбм около 10 000 руб.) или «натуральный», т. е. часть досок (сначала он говорил о половине, потом об 1/3). Это последнее, по-моему, совсем не годится, как Вы считаете? Поэтому я пока решительно отказалась обсуждать этот вариант. Если же Вы согласны, то телеграфируйте так: «Соглашайтесь, любые условия Романова», я буду знать, что могу ему отдать 10 кбм, а нам 20 кбм. А если на деньги, то телеграфируйте: «Соглашайтесь оплату перевозки деньгами». Думаю, что было бы все же хорошо, если бы Вы добились на всякий случай отсрочить наряд и в Москве (на 2-ой квартал). Еще большая просьба поторопить с деньгами, так как иначе и платить за доски будет нечем. Отчет по труду послан, правда, с запозданием, так как Тим. Вас. упорно не желает торопиться, хотя я ему передала все указания Комитета о необходимости своевременного представления отчета. Еще к Вам такая просьба: Лебедев запросил у нас списки сотрудников и их иждивенцев. Я посылаю в основном то же, что Вы повезли в Ленинград. Изменения следующие: исключены Кочетова (Софья Михайловна) с детьми, А. А. Передольская и Леся Силантьева, которая уже получила пропуск и уезжает. Добавлены: Белицкая с сестрой, Ася Герц (по просьбе Веры Константиновны [Герц], переданной через Зину [Зарецкую]) и Лева Турулин. О Лева я хочу Вас просить, м. б., стоит его вызвать из Ляд сюда в июне (после окончания школы) сразу в качестве «ученика-реставратора»? Мы с Алисой говорили об этом. М. б., Вы могли бы это оформить в Комитете? И как вообще будет с работниками интерната? В список Филиала я их не могу включать по формальным соображениям, а вызывает ли их Эрмитаж? Я туда писала, но об этом никто не пишет, а ведь там ряд наших основных работников. Леву же мы решили включить, т. к., м. б., оттуда ему выехать будет трудно. Привет от всех товарищей.

Ваша М. Матъе

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

Резэвакуация

Наконец наступил долгожданный день Победы!

9 мая 1945 года! Конец войны! Возвращение в Эрмитаж, в Ленинград, домой!

Начальство предупредило нас, что, если из Ленинграда мы выехали в числе первых, то возвращаться будем последними. Мы по-прежнему бдительно хранили эрмитажные сокровища, читали лекции в госпиталях, работали на своих огородах и ждали... ждали вызова в Ленинград! Ждали напряженно!.. Было известно, что в Эрмитаже идет ремонт, и это тоже было не в нашу пользу, возвращение задерживалось...

Эрмитажные дети из интерната в Лядах 13 июля 1945 года возвращались в Ленинград. Те дети, родители которых были в Свердловске, были привезены обратно к родным. Уезжали в Ленинград реставраторы и отдельные сотрудники по индивидуальным вызовам.

Наконец, 30 сентября из Москвы, из Комитета по делам искусств, приехал уполномоченный по эвакуации Андрей Лебедев. Работа закипела!

3 октября прибыло два специальных состава. Военный округ Свердловска выделил достаточное количество грузовых машин и бойцов, так что можно было отправлять ящики со всех трех объектов.

Кроме А. К. Лебедева, В. Ф. Левинсона-Лессинга, во главе отправки были М. Э. Матве и К. М. Скалон. В журнале дежурных на ул. Вайнера была сделана запись дежурного сотрудника Татьяны Давыдовны Каменской: «3 октября в 9 ч. 25 мин. Прибыла первая машина».

Порядок вывоза ящиков был такой же, как при эвакуации из Эрмитажа. Каждую машину сопровождал вооруженный боец и научный сотрудник, имеющий на руках список погруженных на машину ящиков. На вокзале делалась научным сотрудником отметка о прибытии указанного числа ящиков и их шифрах.

Трогательно было прощание с оставшимися в Свердловске сотрудниками Картинной галереи: с ее директором Альмой Мартыновной Кастра, с ее работниками по охране (они же были отопителями) Анфисой и Дусей (к сожалению, мне не вспомнить их фамилий). Когда Алиса Владимировна Банк в 1980-х годах была в Свердловске, они очень тепло ее встречали.

Здание Картинной галереи, ул. Вайнера, 11.
Свердловск. Октябрь 1945 г.

Сотрудники Филиала Эрмитажа. Свердловск.

1 ряд: 2-я слева – М. Н. Кречетова;

2 ряд: 1-й слева – Г. Д. Белов, 3-я – К. Ф. Асаевич, 4-я – А. А. Передольская, Ф. А. Каликин, М. Э. Матъе, Т. А. Измайлова;

3 ряд: 2-я слева – Е. М. Ефимова, 4-я – Р. М. Хай, 3. В. Зарецкая;

4 ряд: 3-й слева – А. А. Иессен, Т. Л. Карякина, А. В. Банк;

5 ряд: 1-я слева – Л. А. Ерохова, 3-я – Д. И. Смирнова;

6 ряд: 1-я слева – Р. С. Соловейчик, 3-я – М. И. Торнеус, М. М. Худяк, К. М. Скалон

И вот сделана последняя запись в журнале дежурных. Т. Д. Каменская отметила, что 6 октября 1945 года в 22 часа вывезен последний ящик с 1-го объекта.

7 октября, на рассвете, из Свердловска отправились научные сотрудники с детьми и вещами.

Два эрмитажных состава встречались только на больших остановках, расстояние между ними было в один час.

11 октября «Ленинградская правда» сообщила о возвращении в Ленинград эрмитажных ценностей. Два эшелона на рассвете этого дня прибыли на товарную станцию Московского вокзала.

Во главе с Иосифом Абгаровичем Орбели нас тепло встретили дорогие эрмитажники. Иосифа Абгаровича особенно поразили дети, так сильно они изменились за 4 года, так выросли!

После первых слов приветствия И. А. попросил отправить детей, ибо предстояла серьезная работа по перевозке ящиков в Эрмитаж. Одних детей забрали родственники (у кого сохранились квартиры), других повезли в Эрмитаж, где были приготовлены комнаты общежития с мебелью, постелями... Все было приготовлено так заботливо остававшимися в Эрмитаже во время войны Анной Павловной Султан-Шах, Н. И. Шамиловой, Е. С. Вылегжаниной и приехавшей раньше нас Н. З. Митиной, да и многими другими сотрудниками, оставшимися в Ленинграде.

Грамота коллективу Государственного Эрмитажа.
Комитет по делам искусств. Свердловск. 29 сентября 1945 г.

Разгрузка эшелонов началась 11 октября в 8 часов утра в том же порядке: с дежурным научным сотрудником и вооруженным бойцом. Машины двигались от товарной станции по Невскому проспекту, через Дворцовую площадь, к Эрмитажу, к открытым уже почти всем подъездам, кроме Главного (он еще ремонтировался). Машины с промаркированными ящиками направлялись согласно указаниям сотрудников. Мраморные лестницы Эрмитажа снова были покрыты дощатым настилом.

Перевозка завершилась 13 октября в 13 часов. Все ящики, сверенные по соответствующим спискам, в целости и сохранности вернулись в родной Эрмитаж.

Из воспоминаний Анны Григорьевны Беловой

И вот наступили майские дни 1945 года. Уже 8-го мая мальчишки во дворе играли в победу и кричали о капитуляции Германии.

Утро 9-го мая 1945 года так же незабываемо, как и утро 22-го июня 1941 года. Мама [Л. Н. Белова] разбудила меня словами: «Война окончена!». Я сразу стала собираться в школу. Напрасно меня убеждали, что сегодня общий праздник и занятий не будет. Я была очень прилежной школьницей и без предварительного разрешения не могла пропустить уроки. На Первомайской улице, по которой я спускалась к центру города, люди смеялись, плакали, обнимались, танцевали... Когда я добралась до школы (школа № 5 по ул. Хохрякова, она и сейчас осталась школой под тем же номером), двери, конечно, были закрыты, на них крупными буквами мелом было написано: «Конец войне! Победа! Победа!».

Конечно, все сразу же заговорили о возвращении в Ленинград... Однако организация эвакуации потребовала своего времени.

В первых числах октября 1945 года мы снова с эрмитажным эшелоном покинули Свердловск и двинулись в обратный путь. Отъезд состоялся, видимо, вечером или ночью, потому что было совсем темно.

Ехали так же: сотрудники с семьями в плацкартных вагонах, помещенных между грузовыми. Многие взяли с собой кое-какие приобретенные в Свердловске вещи, так как не у всех сохранилось что-то после блокады и бомбежек. И. М. Левина везла с собой даже хорошенькую сибирскую кошечку.

Выгрузка ящиков на Иорданском подъезде Зимнего дворца. 1945 г.

Директор Эрмитажа И. А. Орбели в залах Эрмитажа после эвакуации. 1945 г.

Солдаты с ракой Александра Невского на Теребеневской лестнице Нового Эрмитажа. 1945 г.

Перевозка картин в Шатровом зале.
Р. М. Хай, А. С. Гривнина и другие. 1945 г.

Распаковка ящиков. В центре реставратор Ф. А. Каликин. 1945 г.
Фотография В. Г. Федосева

И. А. Орбели, М. В. Степанова и Е. А. Мончадская
на Терebenевской лестнице Нового Эрмитажа. 1945 г.

Служебное удостоверение О. Н. Богдановой. 1945 г.

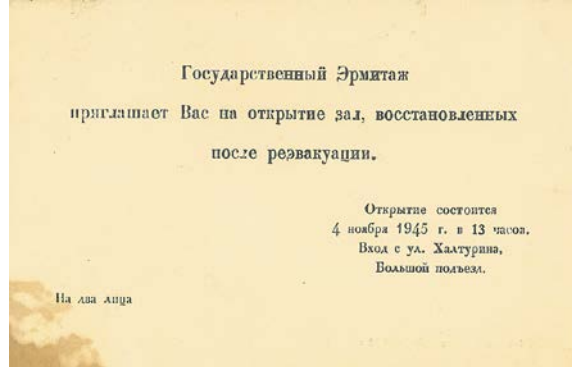
Обратный путь мы проделали значительно быстрее. Помню день, когда мы подъезжали к Ленинграду: все всматривались в пригороды, кто-то уже видел купол Исаакиевского собора...

Эрмитажные мальчишки (уже подростки) сидели на ступеньках в открытом тамбуре и распевали какие-то лихие песни.

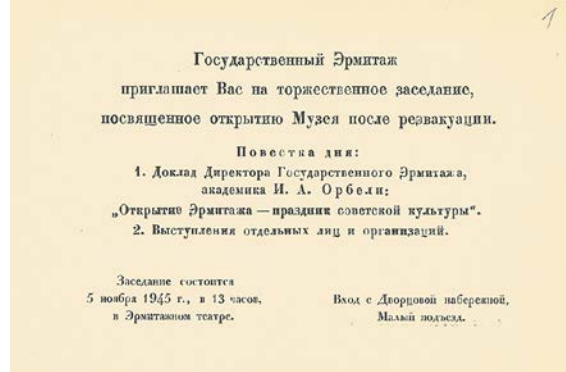
На вокзале нас встречали «ленинградские» эрмитажники. Помню среди них Людмилу Ивановну Гаталину. Она же и проводила нас в дом № 30 по Дворцовой набережной на новое место жительства.

Вечером того же дня всех приехавших собрал в своем кабинете И. А. Орбели. Меня родители взяли с собой. Директор очень проникновенно говорил о роли Филиала Эрмитажа в эвакуации и о дальнейшей работе.

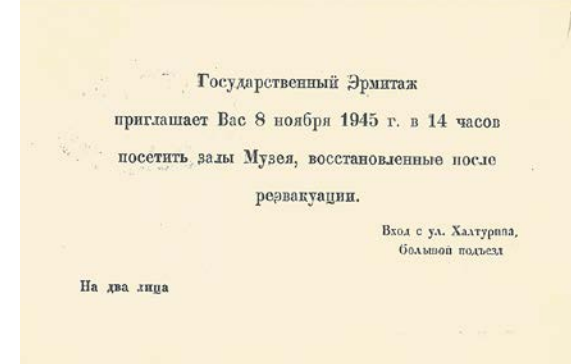
С тех пор в жизни всех, переживших войну, время долго-долго делилось на две части – «до войны» и «после войны».

Приглашение на открытие залов Эрмитажа,
восстановленных после реэвакуации.
4 ноября 1945 г.

Приглашение на торжественное заседание,
посвященное открытию музея.
5 ноября 1945 г.

Приглашение на открытие залов Эрмитажа,
восстановленных после реэвакуации.
8 ноября 1945 г.

Открытие залов Эрмитажа.
Ноябрь 1945 г. Фотография
Б. П. Кудоярова

Из воспоминаний Глафиры Николаевны Балашовой

Открытие Эрмитажа

Открытие было назначено на 4 ноября, так как 5-го и 6-го на площади была развернута подготовка к празднику, ставилась трибуна, заканчивали строевую подготовку отдельные группы военных.

В Эрмитаже была подготовлена временная выставка, не хватало еще этикетажа, оставались недоделаны какие-то мелочи... Тщательно вымыты стекла окон, блестит натертый паркет. Все выглядит празднично...

Главный подъезд еще не готов, идут ремонтные работы. Публику решено пускать через Халтуринский подъезд и через служебный.

Дежурных было мало, не хватало даже для открытия залов. Решено, что помогать будут сотрудники. Кассы еще не были открыты, часть людей шла по приглашительным билетам, другие – по запискам ученого секретаря или начальника охраны.

Были открыты три галереи: Рембрандта – для живописи, Петровская и Романовская – для памятников прикладного искусства Отделов Востока, первобытного и западноевропейского.

На втором этаже Халтуринского подъезда гостей приветствовал сам Иосиф Абгарович. Он произнес краткую речь и торжественно объявил: «Эрмитаж открыт!».

Публика торопливо пошла в открытые залы, чтобы увидеть и убедиться, что Эрмитаж вновь действительно открыт, а вещи эрмитажные целы!

Конечно, не все и не обо всех рассказано здесь... Но пусть эти краткие воспоминания о жизни и работе эрмитажников в годы войны в Свердловском филиале Эрмитажа воскресят память об ушедших от нас...

СТАЦИОНАР

1 февраля – 1 мая 1942 г.

**1 ФЕВРАЛЯ 1942 г. СТАЦИОНАР НА 100 КОЕК БЫЛ ОТКРЫТ
В НЕМ ЛЕЧИЛОСЬ:**

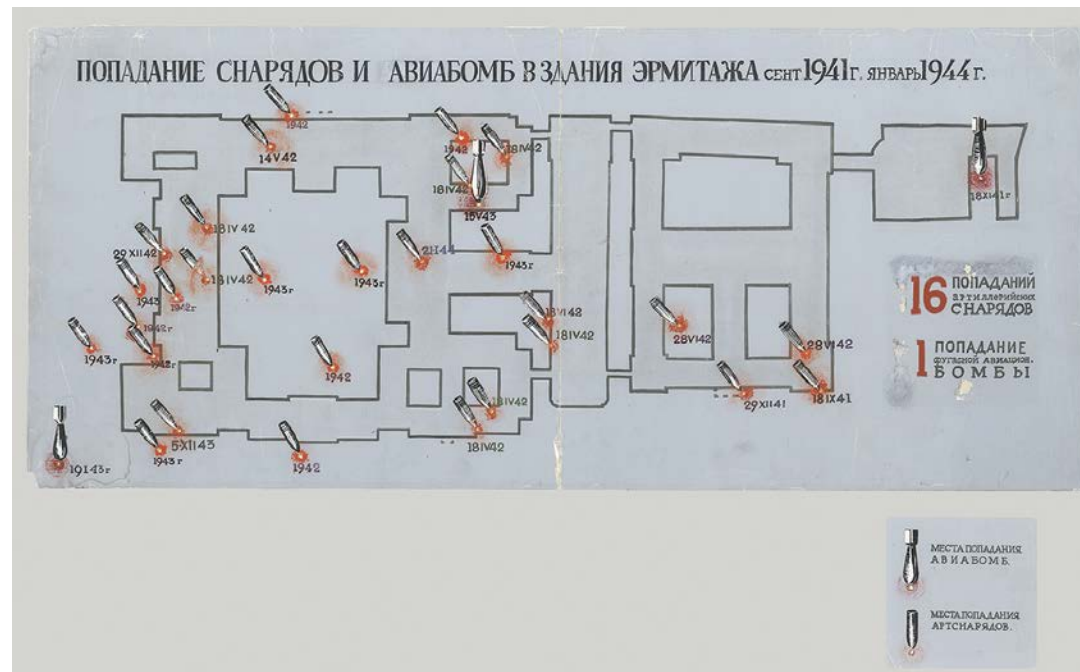
сотрудников гос. эрмитажа.	222 чел.
гос. музея этнографии.	29 ч.
музея революции.	26 ч.
музея В.И. Ленина.	16 ч.
института истории партии.	10 ч.
гос. русского музея.	10 ч.

ВСЕГО ЗА 89 ДНЕЙ ПРОШЛО СТАЦИОНАРНОЕ ЛЕЧЕНИЕ 313 ЧЕЛ.

5175 чел. ДНЕЙ

научно-технических сотрудников и служащих	112 ч.
научных сотр	84 ч.
рабочих	75 ч.
раб. охр.	42 ч.

Плакат «Стационар. 1 февраля – 1 мая 1942 г.»

Плакат «Попадание снарядов и авиабомб в здания Эрмитажа.
Сентябрь 1941 – январь 1944 г.»

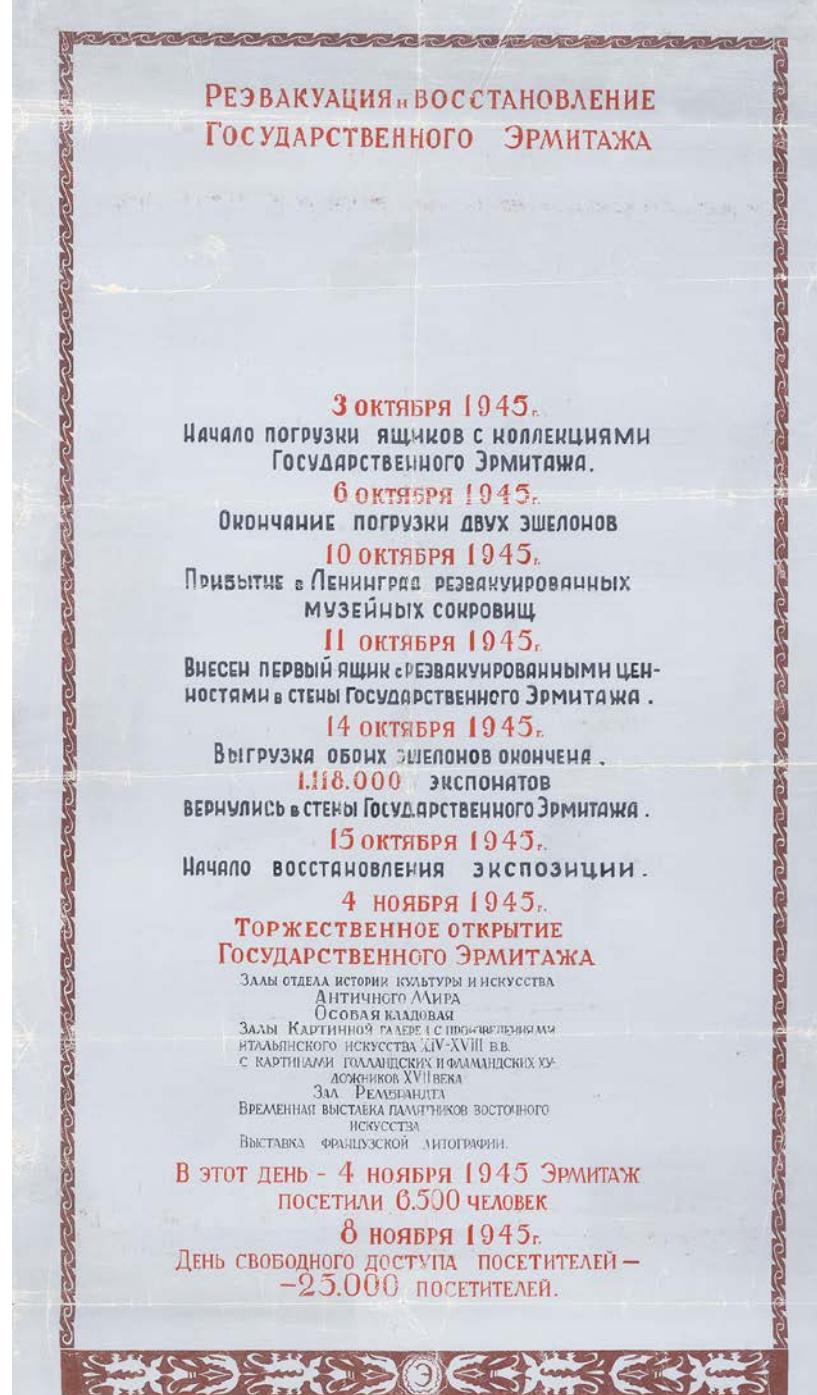

Плакат «Авральные-восстановительные работы»

Плакат «Работы по сохранению коллекций»

Плакат «Резевакуация и восстановление Государственного Эрмитажа»

В память о сотрудниках Государственного Эрмитажа, погибших в годы Великой Отечественной войны

Альбрехт Леонид Павлович	реставратор	умер в блокаду
Аносов Сергей Николаевич	научный сотрудник Отдела археологии	погиб на фронте
Богнар Эрнест Осипович	научный сотрудник ОИЗЕИ	умер в блокаду
Борисов Андрей Яковлевич	профессор Отдела Востока	умер во время эвакуации
Бородзюк Георгий Викентьевич	сотрудник ОИЗЕИ	умер в блокаду
Вальтер Георгий Юрьевич	заведующий библиотекой Античного отдела	умер в блокаду
Вейбель Федор Карлович	реставратор	умер в блокаду
Вестфален Эльза Христиановна	помощник хранителя Отделения Дальнего Востока	умерла в блокаду
Визель Эмилий Оскарович	помощник хранителя ОИЗЕИ	умер в блокаду
Виноградова Анна Михайловна	научный сотрудник Отдела археологии	погибла во время эвакуации
Волкович Александра Митрофановна	научный сотрудник Отдела археологии	умерла в блокаду
Геккер Ольга Васильевна	старший научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Гиз Александр Алексеевич	резчик по дереву, реставратор	умер в блокаду
Головань Владимир Александрович	заведующий Научной библиотекой	умер в блокаду
Гольмстен Вера Владимировна	профессор, заведующий Отделом археологии	умерла в блокаду

Дервиз Павел Павлович	заведующий Особой кладовой, старший научный сотрудник ОЗЕИ	умер в блокаду
Дервиз Варвара Павловна	старший научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Дервиз Мария Сергеевна	сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Ернштедт Елена Викторовна	старший помощник хранителя отдела Античного мира	умерла в блокаду
Зограф Александр Николаевич	заведующий отделением античных монет	умер в блокаду
Ильин Алексей Алексеевич	заведующий Отделом нумизматики	умер в блокаду
Казин Всеволод Николаевич	заведующий Отделом Востока	умер в блокаду
Кесаев Владимир Николаевич	старший научный сотрудник Отдела Востока	погиб на фронте
Клейн Вальдемар Теодорович	научный сотрудник ОИЗЕИ, реставратор	умер в блокаду
Круглов Андрей Павлович	научный сотрудник Отдела археологии	погиб на фронте
Крутиков Михаил Захарович	заведующий Отделом истории русской культуры	умер в блокаду
Кубе Альфред Густав Николаевич, фон	заведующий Отделением прикладного искусства, член Совета Эрмитажа. В 1941–1942 гг. исполнял обязанности заведующего отделом западноевропейского искусства.	умер в блокаду

Липпольд Елена Максимилиановна	старший научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Ляпунова Ксения Сергеевна	старший научный сотрудник Отдела Востока	умерла в блокаду
Маллицкая Елена Гурьевна	старший научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Махалов Алексей Александрович	ОИЗЕИ	умер в блокаду
Некрасова Евгения Васильевна	научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Нотгафт Елена Георгиевна	старший научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Нотгафт Федор Федорович	заведующим Издательским отделом	умер в блокаду
Петров Николай Петрович	научно-технический сотрудник Научной библиотеки	умер в блокаду
Пигорева Анна Андреевна	научный сотрудник Отдела археологии	умерла в блокаду
Подгаецкий Георгий Владимирович	научный сотрудник Отдела археологии	умер в блокаду
Покровская Екатерина Алексеевна	сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Порецкая-Михайлова Екатерина Вячеславовна	старший научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Прушевская Евгения Оттовна	старший научный сотрудник Отдела нумизматики	умерла в блокаду
Птицын Григорий Викторович	аспирант Отдела Востока	умер в блокаду
Рабинович Борис Зиновьевич	старший научный сотрудник Отдела археологии	погиб на фронте

Рейхард Ксения Петровна	экскурсовод	умерла в блокаду
Рейхард Сергей Александрович	экскурсовод	умер в блокаду
Розанов Семен Александрович	научный сотрудник Отдела нумизматики	умер в блокаду
Ростовцев Иван Александрович	старший научный сотрудник Отдела археологии	умер в блокаду
Русаков Николай Тимофеевич	реставратор ОИЗЕИ	умер в блокаду
Сауков Павел Евграфович	сотрудник Отдела Востока	умер в блокаду
Сиваев Мирон Степанович	научный сотрудник ОИЗЕИ	умер в блокаду
Соколова Елизавета Павловна	научный сотрудник ОИЗЕИ	умерла в блокаду
Сосновский Георгий Петрович	старший научный сотрудник Отдела археологии	умер в блокаду
Спиринг Мария Петровна	секретарь директора	умерла в блокаду
Трусова Серафима Алексеевна	научный сотрудник Отдела археологии	умерла в блокаду
Труханова Александра Яковлевна	научный сотрудник	умерла в блокаду
Турулин Петр Дмитриевич	реставратор, скульптор	погиб на фронте
Шолпо Николай Александрович	библиотекарь Отдела Востока	погиб в боях за Петергоф в 1942 г.
Чернягин Николай Николаевич	научный сотрудник Отдела археологии	погиб на фронте
Шер Михаил Абрамович	старший научный сотрудник Отдела Востока	умер в блокаду
Юдина Софья Алексеевна	научный сотрудник Отдела археологии	умерла в блокаду
Якоби Елизавета Николаевна	научный сотрудник Научной библиотеки	умерла во время оккупации в Пушкине